Ю. ЯКУБОВ

ПАРГАР В VII—VIII ВЕКАХ НАШЕЙ ЭРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А. ДОНИША

Ю. ЯКУБОВ

ПАРГАР В VII-VIII вв. н. э.

(Верхний Зеравшан в эпоху раннего средневековья)

Ответ. редактор *Б. Я. Ставиский*

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДОНИШ"
Душанбе — 1979

Горный район верховьев Зеравшана уже более 40 лет привлекает внимание многих советских и зарубежных археологов и востоковедов. Только в Верхнем Зеравшане сохранились до наших дней один из диалектов согдийского языка (ягнобский) и мощный пласт согдийских топонимов. Здесь были найдены в 1932—1933 гг., впервые в Средней Азии, согдийские документы. Исследование этих текстов показало, что многие нынешние селения Верхнего Зеравшана, в том числе Урметан, Мадм, Вишкенд, Кум, Заровод, Искодар, Дардар, Варз, Дарх, Похут и др., существовали еще в VII в. под таким же названием.

В монографии освещена история Верхнего Зеравшана в период арабских завоеваний и борьбы согдийцев за свободу и независимость. Благодаря открытию замечательного собрания согдийских документов в замке на горе Муг, дешифрованных советскими лингвистами, получены ценнейшие сведения по истории хозяйства Пайкара VII—VIII вв. Теперь эти данные дополнены новыми археологическими материалами из раскопок в двух близлежащих к горе Муг ущельях Мадм и Кум, осуществленных автором монографии.

Книга рассчитана на археологов, историков, этнографов, лингвистов, преподавателей истории, а также на любителей истории и культуры народов Средней Азии.

ИБ 99

Я $\frac{0507000000 \cdot}{M502-79}$ 38—79

© Издательство «Дониш», 1979 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Благодаря работам советских археологов и востоковедов с каждым годом все ярче предстает перед нами богатая история и культура древнего (домусульманского) Согда. Замечательные открытия В.А.Шишкина в Варахше и на Афрасиабе, многолетние успешные раскопки А.Ю.Якубовского, а затем А. М. Беленицкого в Пенджикенте обогатили нашу науку ценными памятниками согдийской культуры и искусства, а исследования согдийских монет, проводимые О. И. Смирновой, дали новые материалы для изучения политической истории предарабского Согда. Большое значение для изучения истории и культуры Согда имели раскопки Н. Н. Негматова в Уструшане, тесно связанной с Согдом и общностью политических судеб, и общностью культуры и языка.

Истоки всех этих открытий лежат в тех удивительных находках, которые были сделаны в 1933 г. на горе Муг, в верховьях Зеравшана, в древнем Паргаре (буквально «Нагорье»). Как известно, здесь, в руинах сырцовой постройки, экспедицией А. А. Фреймана были найдены первая коллекция памятников культуры и быта согдийцев VII — начала VIII вв. и первое (и пока что единственное в Согде) большое собрание рукописных документов.

Один из этих документов, написанный по-арабски, был блестяще дешифрован и прокомментирован академиком И.Ю.Крачковским. Этот документ явился началом изучения истории княжества Панча, самого восточного из согдийских владений в долине Зеравшана, столицей которого был древний Пенджикент.

Основные документы мугского собрания — согдийские — фактически прочтены лишь около 10 лет назад. Вышедшее в свет трехтомное издание «Согдийские документы с горы Муг», переведенное и прокомментированное А. А. Фрейманом, В. А. Лившицем, М. Н. Боголюбовым и О. И. Смирновой, обогатило нашу науку новыми источниками, пролившими свет не

только на политическую историю Согда, но и на историю, культуру и хозяйство Верхнего Зеравшана, входившего в первой четверти VIII в. в состав княжества Панча.

В последние годы на Верхнем Зеравшане вновь начались археологические работы. Верхнезеравшанская группа (ныне Зеравшанский отряд) Таджикской археологической экспедиции (руководитель до 1970 г. — Б. Я. Ставиский, с 1970 г. — Ю.Якубов) проводила здесь раскопочные работы, начатые в 1933 г. на горе Муг экспедицией А.А.Фреймана и продолженные в 1946 г. А.Ю.Якубовским и его сотрудниками.

Зеравшанским отрядом в 1963—1974 гг. были проведены раскопки поселения Гардани Хисор возле селения Мадм (примерно в 12 км от горы Муг) и большой крепости у селения Кум (на полпути между горой Муг и Гардани Хисор), а также дополнительное обследование построек на горе Муг.

Таким образом, для изучения Верхнего Зеравшана теперь стали доступны как данные местных письменных источников, так и вещественные материалы из трех одновременных, но различных по своему характеру археологических памятников. Такой возможности пока нет ни для какого другого района домусульманского Согда, да и не только Согда, но и других районов Средней Азии.

Данная монография является частью большой работы, которую завершает автор, опираясь на анализ всех доступных сейчас источников по истории и культуре Верхнего Зеравшана. В монографии рассматриваются вопросы истории Пargара и других районов Верхнего Зеравшана, а также приводятся материалы исследований замка на горе Муг и парадного комплекса Гардани Хисор.

Освещение политической и хозяйственной жизни Буттама (и Верхнего Зеравшана вообще) стало возможно лишь теперь, после дешифровки согдийских документов и проведения систематических раскопок археологических памятников этого горного района.

Для использования материалов археологических раскопок в качестве исторического источника необходима их наиболее полная научная публикация. При этом помимо издания материалов раскопок Верхнезеравшанской группы, впервые вводимых в научный оборот, автор включил в свою работу исследование и публикацию материалов из замка на горе Муг.

Как известно, со дня открытия и исследования замка на горе Муг прошло более 40 лет, но до сих пор его вещественные материалы неточно и неполностью использованы в публикациях. Этот памятник нуждается в более подробном изучении, тем более, что в литературе господствуют еще некоторые ошибочные представления о нем.

В данной работе анализируются сведения о замке, рас-

копанном экспедицией А.А.Фреймана в 1933 г. и вторично обследованном А.Ю.Якубовским и его сотрудниками в 1946 г., и на основании дополнительных обследований горы Муг автором (по совету начальника Зеравшанского отряда Б. Я. Ставиского) исправляются некоторые ошибочные представления о замке. Рассматриваются раскопанные здесь помещения и в свете новых исследований Пенджикента, Гардани Хисор и крепости Кум, вопрос о назначении каждого из них. Приводится описание и исследование тех находок богатейшего мугского собрания, которые не были описаны ранее (И. А. Васильев, А. Ю. Якубовский, Б. Я. Ставиский, С. В. Иванов, М. П. Винокурова, И. Б. Бентович и др.) или описаны недостаточно подробно: изделия из дерева (одно из которых удалось определить как часть бубна-дойры), из кожи, из хлопчатобумажных и шерстяных тканей, керамика и т.п. В заключение рассматривается архитектура и назначение этой постройки.

О раскопках дворца Гардани Хисор ранее были опубликованы лишь информационные сообщения, между тем, как этот дворец представляет собой ценный памятник истории, культуры и искусства. И хотя его исследование еще полностью не завершено, приведем некоторые материалы.[1]

Данная работа выполнена в секторе археологии и нумизматики Института истории им.А.Дониша АН Таджикской ССР.

Автор приносит глубокую благодарность сотрудникам сектора за ценные замечания, а также научному руководителю Б. Я. Ставискому, организатору и руководителю Зеравшанского отряда, редактору данной работы. Именно ему автор обязан тем, что стал заниматься изучением данного района.

Автор благодарен также всем тем, кто в той или иной мере участвовал в раскопках в Паргаре — научным сотрудникам, лаборантам, шоферам и рабочим.

[1] Когда данная монография была уже подготовлена к изданию, участник раскопок Гардани Хисор в 1965—1966 гг. В. Л. Воронина опубликовала в сб. «Проблемы истории архитектуры» статью «Гардани Хисор и его убранство», состоящую из 6 страниц текста и 8 страниц иллюстраций. Необходимо отметить, что публикация материалов раскопок без согласования с руководителем этих раскопок не соответствует принятой научной этике. В силу неосведомленности автора этой статьи о результатах последующих работ на Гардани Хисор в ее поспешной публикации содержится ряд серьезных ошибочных сведений как в тексте, так и в чертежах.

ВВЕДЕНИЕ

Географическая характеристика. Горные районы современного Верхнего Зеравшана раньше называли Кухистан («Страна гор») (Щукин и Гилярова, 1936, с. 168; Промптов, 1939, с. 224). Северной границей Кухистана является Туркестанский хребет, южной — Гиссарский. На востоке Кухистан ограничен горным узлом Коксу. На западе горы Кухистана постепенно понижаются, а узкое ущелье Зеравшана расширяется, превращаясь в широкую долину. В дореволюционный Кухистан входили бекства Матча, Фан, Фальгар, Кштут, Магиан.

Горные хребты Кухистана отходят от узла Коксу двумя ветвями. Северная — Туркестанский хребет образует (вместе с Алайским хребтом) южную границу Ферганской долины и приферганских районов; южная — Матчинский хребет к западу, в горном узле Токали, делится еще на две части: Гиссарский хребет, отделяющий Кухистан от Южного Таджикистана, и Зеравшанский хребет, проходящий через весь Кухистан с востока на запад. Самая высокая из вершин Кухистана — Янги- Собаг (6331 м) находится в восточной части Туркестанского хребта. На западе в так называемых Фанских горах, входящих в систему Зеравшанского хребта, отдельные вершины превышают 4—5 тыс. м.

Богат Кухистан снежниками и ледниками. Среди последних такие, как Зеравшанский (длиной в 25 км и шириной в 1,5 км), Барзанги, Мирамин, Лайляк и др. В горных впадинах Кухистана немало больших и малых озер: Искандеркуль, Пасрудские и Маргузарские и др.

Перевалы Кухистана (самый высокий из них, Янги-Собаг, высота 4206 м) большей частью труднопроходимы и доступны лишь в июле—августе, все остальное время года они скрыты снежными заносами. Наиболее важное значение в настоящее время имеют Анзобский перевал на Гиссарском хребте

(3329 м), по которому проходит автодорога на Душанбе, и Шахристанский перевал на Туркестанском хребте (3321 м), по которому идет автодорога на Ура-Тюбе и Ленинабад.

Основные тропы и пути в Кухистане тянутся вдоль многочисленных горных ручьев и речек, берущих начало из ледников, снежников и родников и вливающихся в Зеравшан. Наиболее мощные реки Кухистана — Матчадарья, Ягнобдарья, Искандердарья, Кштут и Магиан. Первая течет от Зеравшанского ледника на запад, к сел. Айни (ранее Захматабад, еще раньше — Варзиминор). Вторая и третья сливаются в Фандарью, которая прорезает с юга на север Зеравшанский хребет и возле сел. Айни, сливаясь с Матчой, образует Зеравшан. Кштут и Магиан, стекая с ледниковых склонов Гиссарского хребта на западе Кухистана, становятся основными притоками Зеравшана. В целом Кухистан богат водой, которая используется для орошения земель на горных и речных террасах жителями селений, расположенных на берегах Зеравшана и его притоков. Орошение полей необходимо здесь почти так же, как в предгорных районах Средней Азии, так как несмотря на то, что в горах Кухистана выпадает большое количество осадков и во времени они распределяются более равномерно, чем на прилегающих равнинах, тем не менее климат, по существу, продолжает оставаться и здесь аридным и семиаридным (особенно летом), с присущими этому типу климата чертами: большой ясностью неба, сильной непосредственной инсоляцией и резкими суточными колебаниями температуры. Отсюда — часто наблюдающиеся здесь явления, свойственные пустыням; выцветы солей на поверхности горных пород, наличие блестящей темной корки «пустынного загара» на склонах, энергичное протекание инсоляционного физического выветривания горных пород (Щукин и Гилярова, 1936, с. 207).

Из-за больших колебаний высотности климат Кухистана разнообразный; от арктического в зоне вечных снегов, до жаркого в низовьях Кштута и Магиана; в Ягнобе на высоте более 3000 м растет овес, а в Даштикозы выращивают табак, пшеницу, а также виноград, абрикосы, яблоки и другие фрукты. Минеральные ресурсы Кухистана пока мало исследованы, но тем не менее известно, что в его горах уже в средние века добывали золото и нашатырь (Худуд ал-Алам, 1930, 206), олово и другие ископаемые (Массон, 1934, с. 86). Ныне здесь известны месторождения каменного угля, фосфоритов, гипса, мрамора, нефелина, плавикового шпата, серебра, свинца, ртути (Щукин и Гилярова, 1936, с. 230—234).

Животный мир Кухистана весьма разнообразен. Здесь много птиц и млекопитающих. Высоко в горах живут горный

козел и дикий баран. Из хищных животных встречаются медведь, снежный барс, рысь, волк. В зарослях Кухистана водятся также дикий кабан, барсук, куница, ласка, дикобраз.

Население Кухистана занимается земледелием, садоводством и животноводством. Основные земледельческие культуры — ячмень, горох, пшеница. В последние годы все большее место стали занимать картофель и, особенно, табак. Для подкормки скота широко используются высокогорные пастбища.

Почти все население Кухистана говорит по-таджикски. Лишь в долине р.Ягноб сохранился один из диалектов согдийского языка — ягнобский, который используется наряду с таджикским. В целом же современное население Кухистана составляют горные таджики, древние жители Зеравшана (Ставиский, 1961а, с. 38—49).

Фальгар (Паргар) составляет значительную часть Кухистана, хотя его границы в разное время были различны. Сейчас под Фальгаром «понимается местность от селений Шамтич и Дарг (ниже Оббурдона в Матче) до селения Ябон и Вота на Зеравшане и от Ура-Тюбинского (Шахристанского — *Ю.Я.*) перевала до озера Искандеркуль» (Смирнова, 1950а, с. 58).

В 70-х годах XIX в. Фальгарское бекство, подчинявшееся эмиру Бухары, занимало территорию от села Даштикозы (у устья Кштутдарьи) вверх по Зеравшану до села Оббурдон (последнее входило уже в Матчинское бекство) и по Фандарье до моста Пулимулло (Аминов, 1874, с. 6—7).

О восточной границе Фальгара (Паргара), проходящей близ села Оббурдон (Аби-Бурдон), сообщается и в «Бабурнаме» (Бабур Захируддин, 1958, с. 151). В более раннее время слово «Паргар» употреблялось, очевидно, скорее как географическое название, чем политический термин, обозначая часть Буттама или Буттамана, как назывался тогда Кухистан. Какая территория подразумевалась под Паргаром в VII—VIII вв. — пока неясно. Несомненно лишь то, что окрестности современной горы Муг с селениями Кум, Мадм и Заровод составляли ядро Паргара.

Письменные источники. В письменных источниках сведения о Верхнем Зеравшане вообще и его истории в период раннего средневековья в особенности крайне немногочисленны. Если не считать документов, найденных при раскопках замка на горе Муг в 1933 г., то сообщения о раннесредневековом Кухистане встречаются лишь в арабо- и персоязычных сочинениях IX—XII вв. Китайские хроники и записки отдельных путешественников (важные источники сведений по истории Согда и всей Средней Азии V — VIII вв.) непосредствен-

но о Кухистане, тем более о Паргаре, ничего не сообщают. Анализ их косвенных данных позволяет лишь предполагать, что в V—VI вв. территория Пенджикентского княжества, и в том числе Паргара, входила в состав согдийского владения Маймург (Ставиский, 1959, с. 85). Сведения арабо- и персоязычных источников о верховьях Зеравшана и о Паргаре более определенны, хотя и довольно скудны.

Наиболее ранние упоминания о землях Верхнего Зеравшана встречаются в произведениях ибн-Хордадбех и ал-Белазури.

Ибн-Хордадбех (см.:Беляев, 1939, с. 17 — 18) написал в 887 г. книгу «Пути и провинции» («Китоб ал-месалик ва-л-мемалик»), где он сообщает, что в какой-то период до арабского завоевания на Буттаме был свой царек с титулом «зу-н-на'на'а» и что во время правления Тахиридов, в IX в., эта область была самостоятельной податной единицей ибн-Хордадбех, 1889, с. 38, 40).

Немногочисленные, но важные сведения о Верхнем Зеравшане содержатся в «Книге завоеваний стран» («Китаб футах ал-Булдан») ал-Белазури (см.: Беляев, 1939, с. 18—19). Он подробно излагал историю завоеваний арабами Среднеазиатского междуречья (к сожалению, эта глава книги ал-Белазури дошла до нас в сокращенной редакции). Источники сведений ал-Белазури известны плохо. Но, несомненно, среди них была книга его учителя ал-Маданини. С его слов, видимо, сообщает ал-Белазури и о походах арабов в начале VIII в. в верховья Зеравшана (Белазури, 1863—1866, с. 417, 425).

Наиболее ценные сведения для истории Буттама начала VIII в. содержатся в труде ат-Табари (см.: Беляев, 1939, с. 21—24). Его всемирная история — «История пророков и царей («Таърих ар-расул ва-ал-мулук») начиналась с сотворения мира. Основными почти единственными сведениями о Средней Азии и, в частности, о Верхнем Зеравшане, были сообщения ал-Маданини (753 — 848/849 гг.), автора семи не дошедших до нас сочинений по истории Хорасана и Средней Азии. Ат-Табари (со ссылкой на ал-Маданини) приводит сведения о событиях 722 — 723 гг., связанных с походом арабов против пенджикентского князя Деваштича в горы Паргара (Табари, т. 2, 1881—1889, с. 1441, 1448).

Некоторые сведения содержатся также в трудах ал-Истахри, ибн-Хаукаля и ал-Мукаддаси. Ал-Истахри около 941 г. составил «Книгу путей и стран» («Китаб месалик ал-мемалик»). Труд Абул-Касима ибн-Хаукаля (см.: Беляев, 1939, с. 26) «Книга путей и стран» («Китаб ал-месалик ва-л-мемалик») труд ал-Мукаддаси (ал-Макдиси), «Наилучшее рас-

пределение для познания стран» («Ахсан ат-такасим фи «ма'рифат ал-акалим») написаны для Саманидов (в 985 г.). Краткие упоминания о Буттаме встречаются также в работах арабского географа и историка IX в. ал-Якуби, арабского историка и великого ученого-энциклопедиста, уроженца Хорезма Абурайхана ал-Бируни (973 — 1048 гг.) (Бартольд, 1963а, с. 225).

Обращает на себя внимание также географический труд «Худуд ал-Алем» («Границы мира») (Худуд ал-Алем, 1930, л. 26б), составленный примерно в те же годы, что и сочинение ал-Мукаддаси (работа была начата в 982 — 983 гг.). Конец рукописи «Худуд ал-Алем» не сохранился, и имя его автора неизвестно. В. Минорский предполагает, что автором «Худуд ал-Алем» был ибн-Фарегун (Minorsky, 1964, p. 226). Написанный по-персидски для правителя Гузгана, «Худуд ал-Алем» и по замыслу и по характеру изложения тесно примыкает к арабоязычным географическим сочинениям X в. Его автор хотел дать систематизированную сводку данных по географии известных ему стран и областей, почерпнув для этого сведения «из книг и рассказов умных людей». Источников своих он не называет, но исследованиями В. В. Бартольда и других ученых установлено, что автор «Худуд ал-Алем» использовал и античные источники (в частности, Птолемея и Аристотеля) и арабских географов ал-Балхи и ал-Истахри.

Сведения перечисленных источников были известны ученым еще задолго до раскопок на горе Муг, но их было недостаточно для изучения вопроса о Паргаре VII — VIII вв.

Прочную основу для изучения раннесредневекового Буттама заложили археологические исследования Верхнего Зеравшана.

Археологическое изучение. Археологическое изучение всего Кухистана в целом фактически началось лишь после сенсационных открытий на горе Муг в 1932 — 1933 гг. Однако отдельные сведения по археологии Кухистана стали появляться намного раньше, с 40-х годов XIX в., когда в бассейне Верхнего Зеравшана появились русские путешественники, военные топографы, горные инженеры. Так, в 1842 г. в Паргаре побывал горный инженер Г. Богословский. В своей «Записке о долине Зеравшана и горах ее окружающих» он упоминает о крепостях Варзиминор и Сарводы (Сарводе), а также об Урметане, как главной крепости всей этой горной страны (Богословский 2-й, 1842, с. 1—22). С 25 апреля по 27 июня 1870 г. в бассейне Верхнего Зеравшана находилась военная Искандеркульская экспедиция, в состав которой входили такие разносторонние исследова-

тели, как А. Л. Кун[1] и А. П. Федченко. Благодаря этой экспедиции были впервые собраны многие ценные материалы по физической географии, этнографии и истории (последних столетий) Кухистана (Федченко, 1870).

Участник этой экспедиции П. А. Аминов побывал во многих кишлаках Кухистана и описал месторасположение каждого селения, приводя данные о количестве домов, лошадей, быков, ослов и прочего скота. Ему принадлежат ценные сообщения о крепости Давлятабад по дороге от Варзиминора в Фанское бекство, о крепостях Варзиминор, Сарвода, Урметан.

Он приводит также много интересных сведений по истории тогдашнего Кухистана. Он, в частности, пишет, что в 1870 г. в Гарчистане (Кухистане) было 5 бекств — Фальгарское, Матчинское, Фанское, Ягнобское, Кштутское (Аминов, 1874, с. 4—114).

Другой участник этой экспедиции — Е. Воронец сообщает о мечети, колоннах и минарете в Варзиминоре (современ. Айни) и о крепости Сарвода. Ему принадлежит также сообщение о том, что бухарский эмир Хайдар назначил правителем Кухистана бека Абдушукур-додхо, резиденцией которого было сел. Урметан. Е. Воронец пишет, что крепости Варзиминор и Сарвода были выстроены во время правления бека Абдушукур-додхо и позднее подвергались лишь некоторым переделкам и перестройкам (Воронец, 1871а, с. 430; 1871б, с. 580 — 587).

Таким образом, начиная с 40-х годов прошлого столетия Кухистан периодически посещали разные исследователи — специалисты в разных областях науки.

Кроме того, здесь побывало немало путешественников и любителей природы. Благодаря им в русской дореволюционной печати время от времени появлялись статьи и заметки по географии, геологии, этнографии и истории Кухистана (Соболев, 1871; Арандаренко, 1889; Лилиенталь, 1888; Липский, 1902—1905).

Дореволюционные исследования в Кухистане послужили основой для последующего географического, этнографического и историко-археологического его изучения. Однако нельзя не учитывать при этом, что часто преследовались военно-стратегические цели и, хотели того отдельные исследователи или нет, исследования были направлены в первую

[1] «Дневник, веденный во время Искандеркульской экспедиции на самаркандском таджикском наречии с 25 апреля по 27 июня 1870 г.» Дневник вел таджик, уроженец Самарканда — Мирзо Мулла Абдурраxман, по поручению и программе, составленной А. Л. Куном («Дневник» хранится в Институте востоковедения АН СССР в Ленинграде под номером 133 (609д).

очередь на облегчение завоевания Кухистана и управления им царской администрацией. Понятно поэтому, что основное значение в дореволюционной литературе по Кухистану придавалось не археологическим памятникам, а его географическим условиям, путям сообщения и, отчасти, этнографии. Более того, изучением Кухистана до революции занимались в основном военные, горные инженеры и естествоиспытатели. Лишь изредка в изучении его участвовали востоковеды (например, А.Л.Кун) Немногочисленные же дореволюционные археологи-профессионалы ни разу не побывали в Кухистане. Понятно, что в дореволюционной литературе сведения об археологических памятниках Верхнего Зеравшана носили поверхностный характер. Все это не могло не отразиться и на исторической литературе по Средней Азии: в работах академика В. В. Бартольда, например, сведения о Кухистане всецело основываются лишь на данных письменных источников (Бартольд, 1963а, с. 22; 1963б, с. 188—189).

Подлинно научное изучение истории и археологии Кухистана начинается лишь в советский период.

В середине 20-х годов нашего столетия была организована по существу первая научная этнографическая экспедиция на Верхний Зеравшан. Участником этой экспедиции М. С. Андреевым и другими были собраны многие ценные материалы по этнографии, материальной культуре и истории Кухистана.

В 1925 г. М. С. Андреевым и Е. М. Пещеревой были открыты замечательные произведения средневековых мастеров— резные колонны в сел. Курут и Урметан и михраб в сел. Искодар. В этом же году участниками экспедиции был зафиксирован сырцовый минарет в сел. Варзиминор (Андреев, 1925).

Огромное значение для историко-археологического изучения Кухистана имели открытия в 1932—1933 гг. в замке на горе Муг памятников согдийского языка и культуры (Согдийский сборник, 1934).

Открытый случайно пастухом Джурали Махмадали и привлекший к себе внимание советских исследователей замок на горе Муг обогатил нашу науку не только первым и единственным пока архивом среднеазиатских рукописей начала VIII в. н. э., но и первой точно датированной постройкой и первой коллекцией памятников материальной культуры не только в Буттаме, но и на территории всего древнего Согда.

Значение открытий в замке на горе Муг для Кухистана трудно переоценить. Именно с них началось его археологическое, да и не только археологическое изучение. Дешифровка В. А. и И. Ю. Крачковскими арабского документа с горы Муг (Крачковская и Крачковский, 1934, с. 52—90), пересмотр

С. Л. Волиным сведений арабо-персидских авторов о верховьях Зеравшана (Волин, 1940, с. 28—32), первые сообщения А. А. Фреймана о согдийских документах мугского архива (Фрейман, 1934, с. 34—51) не только привлекли к Кухистану внимание востоковедов СССР и зарубежных стран, но и способствовали тому, что в Кухистане широко развернулись археологические исследования.

Вскоре после выхода в свет «Согдийского сборника» в Пенджикенте и на Верхнем Зеравшане начал свои работы единственный тогда в Таджикистане археолог В. Р. Чейлытко. Раскопки, осуществленные им в Пенджикенте (Ставиский, 1960а, с. 136—137) и в крепости Кум, равно как и разведки в других пунктах Кухистана, к сожалению, не были опубликованы, и даже должным образом документированы.

Прекращенные во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. работы В. Р. Чейлытко мало что дали последующим исследователям, тем более, что сведения, которые он сообщал о своих раскопках и разведках, бывали неточными или путаными. Так, описывая сырцовый минарет в Захматабаде (ныне Айни, ранее Варзиминор), В. Р. Чейлытко приводит ошибочные сведения о его основании, высоте и датировке (Чейлытко, 1946)[2]. Нуждается в проверке и его сообщение о находке в Куме, при раскопках местной крепости, головы ганчевой статуи.

Новый период исследований начался не с работ В. Р. Чейлытко, а с появления на Зеравшане Согдийско-Таджикской археологической экспедиции (СТАЭ), приступившей к систематическому и планомерному исследованию истории и археологии древнего Согда.

Уже в 1946 г. Верхнезеравшанский отряд СТАЭ во главе с начальником экспедиции—членом-корреспондентом АН СССР А. Ю. Якубовским обследовал археологические памятники Кухистана (Якубовский, 1950, с. 13—32). В состав отряда помимо А. Ю. Якубовского, опытного археолога, историка и востоковеда, входили иранист и нумизмат О. И. Смирнова, историк среднеазиатской архитектуры В. Л. Воронина, доцент Душанбинского госпединститута Х. К. Очилов, студенты-практиканты ЛГУ (в том числе Б. Я. Ставиский). Такой состав отряда позволил выявить, обследовать и описать многие археологические памятники, осуществить их фотографирование и графические зарисовки, архитектурные обмеры и топографическую и глазомерную съемки.

---

[2] Ошибочность этих сведений была установлена работами Согдийско-Таджикской археологической экспедиции уже в том же 1946 г. О неточных и ошибочных сведениях об архитектурных памятниках Кухистана, представленных В. Р. Чейлытко, см. также (Якубовский, 1950, с. 16; Ставиский, 1960а, с. 137).

В Фальгаре были обследованы и описаны следующие памятники (по мере их изучения Верхнезеравшанским отрядом в 1946 г.):

1. Крепость Каланболо (в сел. Такфон);
2. Крепость Калаи Пасруд (иначе Сарвода);
3. Сырцовый минарет (в сел. Захматабад, ныне Айни);
4. Крепостца Калаи Варзиминор (в сел. Захматабад);
5. Резная деревянная колонна (в сел. Курут);
6. Постройка Калаи Давлатабад (к востоку от Захматабада);
7. Мечеть с древней деревянной резной колонной (в сел. Зосун);
8. Крепость Калаи Сабиски (в сел. Рарз);
9. Сырцовый минарет (в сел. Рарз);
10. Резная деревянная колонна (в сел. Рарз);
11. Крепость Калаи Джарихисор (в сел. Вешаб);
12. Крепость Калаи Батурходжа (в сел. Оббурдон);
13. Старая мечеть с резной деревянной колонной (в сел. Фатьмев);
14. Сырцовый минарет (в сел. Фатьмев);
15. Крепостца Калаи Тоумин (в сел. Тоумин);
16. Резной михраб (в сел. Искодар);
17. Крепость Калаи Урметан (в сел. Урметан);
18. Крепость Хисори Кунилянгар (в сел. Урметан);
19. Замок Калаи Муг (в сел. Урметан);
20. Резная деревянная колонна (в сел. Урметан);
21. Крепостца Кургани Казион (в сел. Хайрабад);
22. Калаи Мадм (иначе Калаи Мугон) (в сел. Мадм);
23. Гардани Хисор (в сел. Мадм);
24. Калаи Кум (в сел. Кум).

Всего 15 крепостей и замков, 3 сырцовых минарета и 6 памятников резных деревянных архитектурных деталей (Воронина, 1950б, с. 210—220). Верхнезеравшанский отряд дополнительно обследовал замок на горе Муг, исправив и дополнив заключения участников работ 1933 г.

Верхнезеравшанский отряд в 1946 г. фактически впервые провел широкое археологическое обследование Кухистана и ввел в научный оборот много ценных научно документированных данных по археологии Верхнего Зеравшана. Конечно, за один сезон невозможно провести полное обследование всего Кухистана: многие селения и памятники остались вне поля зрения исследователей, а описания некоторых памятников оказались недостаточно подробными, а иногда и содержащими отдельные ошибки (особенно это относится к памятникам, обследованным без участия А. Ю. Якубовского — Гардани Хисор и крепость Кум). Но в целом работы 1946 г. заложили основы сплошного археологического обследования

Кухистана. Эти работы ознаменовали собой наступление нового этапа в археологическом изучении Верхнего Зеравшана — этапа систематических планомерных исследований: разведок и, в недалеком будущем, раскопок наиболее перспективных археологических памятников, углубленного изучения древней и средневековой истории Кухистана и Фальгара.

Как известно, в 1947 г. А. Ю. Якубовский приступил к широким раскопкам городища древнего Пенджикента, которыми он руководил до своей смерти (1953 г.).

Вместе с тем, А. Ю. Якубовский придавал большое значение продолжению археологических работ в Кухистане, и Согдийско-Таджикская (ныне Таджикская) археологическая экспедиция наряду с раскопками древнего Пенджикента продолжала из года в год археологическое обследование Верхнего Зеравшана. В 1947 — 1948 гг. в бассейне Верхнего Зеравшана работали О. И. Смирнова, в 1952 — 1953 гг. — А. М. Мандельштам, а с 1957 г. — Магианская (позднее Зеравшанская) группа ТАЭ во главе с Б. Я. Стависким.

Работами 1947 г. помимо ближайших окрестностей Пенджикента и бассейна Магиандарьи были охвачены также бассейн Кштутдарьи и долина Зеравшана к западу от устья Кштута. Здесь неподалеку от Гузара (ныне Колхозчиен), на самом берегу Зеравшана обследована территория, где, судя по сообщениям местных жителей, находилась крепость, известная как Калаи дахонаи Фальгар, т.е. «Крепость входа в Фальгар», отмечавшая, вероятно, границу между Паргаром и Пенджикентом. Восточнее, у выхода сая Огиляк в долину Зеравшана, отмечена группа памятников Наврузшах, западнее которой прослежены остатки стены в виде невысокого, но широкого вала. Стена начинается у предгорья и тянется к берегу Зеравшана. Наличие этой стены служит подтверждением предположения о том, что «здесь должна была проходить граница пенджикентских владений» (Смирнова, 1950б, с. 72). В самой долине Кштута в 1947 г. выявлено пять крепостей близ сел. Куляли: Калаи Хосров, Калаи Муг, Калаи Наврузшах, Калаи Рустам и Кургони Мир, а также безымянное тепе выше сел. Нигнот, на сае Гурбак (Смирнова, 1950б, с. 77 — 79 и табл. 2).

В 1948 г. были обследованы (наряду с районом Пенджикента и бассейном Магиандарьи) дорога от сел. Рават на Ягнобдарье до оз. Искандеркуль и далее, через пер. Дукдон, в долину Кштута и дорога от Захматабада до сел. Пахшев (в Матче) (Смирнова, 1953, с. 168). По пути от Равата до оз. Искандеркуль, в долине р. Искандеркуль обследованы остатки «крупного укрепленного замка»—Пешти Хисор и сырцовой постройки — Калаи Туда; выше Искандеркуля, в долине р. Сарытаг — два тепе, известные под названием Калаи Вота

и небольшое сооружение Қалаи Сангин, а неподалеку от Қалаи Вота, по саю Қанчач — заброшенный рудник. Выше Сарытага, на берегу р. Дегдон отмечено еще одно тепе. И, наконец, в верховьях р. Қштут обследованы: тепе в сае Сармат, тепе в сае Амшут, три укрепления в долине р. Вору (одно без названия на сае Қафруд и два других — Гардани Хисор и Дахдони Оби близ сел. Вору), крепость у сел. Зимтут и тепе у сел. Парвин (Смирнова, 1953, с. 168 — 178). Всего в 1948 г. в районе оз. Искандеркуль зафиксировано 7 и в верховьях Қштутдарьи — еще 7 археологических памятников.

В долине р. Матча обследованы и нанесены на карту 10 объектов: два городища (Хадишар — у одноименного селения, и Қалаи Хисорак — напротив сел. Мадрушкат, у впадения сая Валгун в р. Матчу) и восемь крепостей (в сел. Гузари Боло, в сел. Қомадон, у сел. Рогиф, в сел. Исиз, к востоку от сел. Мадрушкат, у сел. Иштошун, у сел. Демнора и около сел. Пахшев). Помимо этого, в 1948 г. была открыта резная деревянная колонна в сел. Похут, а в сел. Зосун осмотрено обнаруженное местными жителями при земляных работах старое кладбище с четырьмя слоями захоронений; в нижних, по словам местных землекопов, находили глиняные сосуды, там же были найдены фляга-мустахара и обломки верхней части бокала с полосчатым лощением (Смирнова, 1950б, с. 178—185), т. е. сосуды, относящиеся, вероятно, к кушанскому периоду.

Продолжением работ 1946 — 1948 гг. явились разведки и раскопки, осуществленные в 1952 — 1953 гг. А. М. Мандельштамом. В 1952 г. он вел раскопки могильника в сел. Зосун. Было установлено, что могильник является четырехъярусным и датируется домусульманским и раннемусульманским временем. Кроме того, были разведаны древние поселения в сел. Лангар, Исиз, Рогиф, Хадишар и Комадон. В крепости Урметан был заложен раскоп 8х10 м и было раскрыто несколько последовательно сменявших друг друга горизонтов двора и прямоугольный хауз с покрытыми многослойной штукатуркой стоками и дном. Керамический материал и монета, найденные здесь, датируются XVII — XIX вв. Кроме того, по р. Матча были зафиксированы надписи на кайраках в сел. Комадон и других селениях Верхнего Зеравшана.

В 1953 г. были проведены небольшие пробные раскопки холма Батуртепе VII — VIII вв. недалеко от сел. Суджини. А в 1955 г. в Батуртепе было раскопано еще несколько помещений (Мандельштам, 1954, с. 31—37; 1956, с. 57—59).

Для археологического изучения Кухистана в целом большой интерес представляют обработка и пересмотр материалов разведочных поездок по Верхнему Зеравшану 1946—1948 гг., осуществленные Б. И. Маршаком для подготавливаемой

сектором археологии Института истории АН Таджикской ССР «Археологической карты Таджикистана». В результате этой работы не только систематизированы все сведения об археологических памятниках Верхнего Зеравшана, но каждому из них (по мере возможности) дано соответствующее хронологическое определение. Иными словами, работа Б. И. Маршака существенно дополнила (а кое в чем и исправила) заключения по археологии Кухистана, сделанные О. И. Смирновой.[3]

Дальнейшее археологическое изучение Кухистана связано с работами Магианской (ныне Зеравшанский отряд) группы ТАЭ во главе с Б. Я. Стависким. Ставя перед собой задачу углубленного изучения истории и археологии Кухистана, эта группа в течение ряда лет (начиная с 1957 г.) вела раскопки разновременных памятников в бассейне р. Магиандарьи, через которую проходят основные пути, связывавшие горные районы Кухистана с внешним миром, в первую очередь с районами Пенджикента, Самарканда и Шахрисабза. Одновременно Магианская группа продолжала разведки древних путей и археологических памятников у этого западного «порога» Кухистана (Ставиский, 1959, 1960 б, 1961б). В 1961 г. работы на западной окраине Кухистана были дополнены материалами разведывательной поездки в его глубинную, восточную часть — Матчу (Ставиский, 1964б, с. 127 — 130). Начиная с 1963 г. Зеравшанский отряд приступил к систематическим стационарным раскопкам в сердце Кухистана—в сел. Кум и Мадм (Якубов, 1966, с. 40 — 45; 1973, с. 172 — 186). Эти раскопки в сочетании с данными, полученными в замке на горе Муг, позволяют более глубоко охарактеризовать культуру и быт Кухистана в конце VII — начале VIII вв. К тому же времени относятся найденные на горе Муг рукописные документы, которые однажды уже привлекались Б. Я. Стависким для историко-археологического исследования (Ставиский, 1957, с. 86 — 94). Однако более широкое использование их для изучения истории и культуры Кухистана, в том числе Паргара, стало возможно лишь теперь, после выхода в свет трех выпусков серии «Согдийские документы с горы Муг», содержащих чтение, перевод и комментарии всех найденных в 1932 — 1933 гг. рукописей.

Краткая характеристика мугских документов. Собрание рукописных материалов с горы Муг состоит из одного араб-

[3] Работа Б. И. Маршака не опубликована. Краткие сведения о ней см.: Ставиский, 1961а, с. 38—99.

ского, одного тюркского и более семидесяти согдийских документов.[4]

Арабский документ представляет собой письмо Пенджикентского владетеля Девашгича эмиру ал-Джарраху, находившемуся в Средней Азии с конца 717 по начало 719 г., прочитанное и блестяще прокомментированное академиком И. Ю. Крачковским и В. А. Крачковской вскоре после раскопок на горе Муг. Это письмо имело первостепенное значение для изучения Пенджикентского княжества, в которое в 20-х годах VIII в. входил Буттам. Благодаря этому стало известно о существовании отдельного Пенджикентского княжества. Оно помогло понять сообщения ат-Табари о событиях 722—723 гг. Анализ этого письма и сведений ат-Табари, наконец, позволил И. Ю. Крачковскому написать первую страницу истории Пенджикента и Кухистана (см.: Крачковская и Крачковский, 1934, с. 52—90).

Тюркский документ, язык и алфавит которого определен А. Н. Бернштамом, достоверного чтения пока не получил (Бернштам, 1951, с. 65; Малов, 1954, с. 197—198).

Согдийские же документы, составляющие основу всего собрания, по большей части дешифрованы лишь в последние годы (Фрейман, 1962; Лившиц, 1962; Боголюбов и Смирнова, 1963). Среди них четко выделяются юридические и хозяйственные документы. К числу первых следует отнести три документа: договор о продаже земельного участка, составленный при предшественниках Девашгича на пенджикентском троне ,т. е. до 708 г., брачный контракт между Ут-тегином и Дугдончей (иначе Чата) от 25 марта 710 г. и договор об аренде трех мельниц неким Махйаном у царя Девашгича (составлен во второй год «согдийского царя, самаркандского государя» Девашгича, т. е., скорее всего, в 721 г.) (Якубов, 1968, с. 77—83). Ко вторым в той или иной мере можно отнести большую часть мугских находок—записки приходов и расходов, письма хозяйственного содержания и всевозможные расписки. Особо выделяются документы дипломатической переписки и астрологический текст с перечислением названий тридцати дней согдийского месяца, «лунных станций» и дней недели.

Мугское собрание не представляет собой единого архива: ряд документов попал сюда из архива пенджикентского князя; другие — из архива его наместника в Буттаме фра-

[4] Точное число документов пока определить трудно, так как некоторые из найденных фрагментов могут относиться к одному и тому же тексту. Обнаруженные на горе Муг китайские тексты на бумаге нельзя рассматривать в связи с историей Паргара (и Пенджикента), так как эта бумага использовалась для написания документов: согдийский текст наносился на чистую сторону бумаги или поверх стертого китайского текста.

мандара Утта, остальные принадлежали различным лицам, бежавшим, видимо, вместе с пенджикентским государем в горы Кухистана и нашедшим себе последнее убежище на горе Муг.

Документы написаны на китайской бумаге, коже и дереве, в зависимости от места составления документа и его назначения: дипломатическая переписка велась, как правило, на бумаге; хозяйственные документы из Пенджикента и документы, исходящие из канцелярии пенджикентского владетеля, были составлены на бумаге или коже; в канцелярии же фрамандара Утта и ряда владетелей или чиновников из селений Буттама пользовались кожей и, чаще, очищенными от коры деревянными палками.

В целом мугское собрание содержит бесценные источники по истории Средней Азии, а также культуре, хозяйству и быту Согда начала VIII в. Однако поскольку значительная часть этого собрания связана непосредственно с Паргаром, т. е. центром Кухистана, соответствующие документы представляют прежде и больше всего интерес именно как сведения по хозяйству, быту, культуре и истории этого горного района. С Паргаром связаны все документы из архива фрамандара Утта, постоянная резиденция которого находилась, вероятно, в сердце этого горного района—в Гардани Хисор. По определению М. Н. Боголюбова и О. И. Смирновой к архиву Утта относятся документы AI-R, A-2, A-3, A-6, A-8, A-16, A-18, Б-4, Б-11, Б-13, Б-15, Б-18, представляющие письма ему от разных лиц, в том числе и от Деваштича, а также распоряжения и записки (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 6). В другом месте своей работы они относят к архиву фрамандара документы Б-8, Б-9, Б-10, В-5, Б-12, А-2, А-3, А-18 и др. (там же, с. 7). По почерку, материалу (деревянная палка) и контексту к этому же архиву нужно отнести также документы Б-19 (Лившиц, 1962, с. 152). Всего архиву Утта принадлежало не менее двадцати мугских документов.

Для изучения Кухистана помимо архива Утта большое значение имеют три документа на деревянных палках: Б-7 (из архива правителя сел. Кштут), Б-16 (из архива государя сел. Курут) и Б-6 (с упоминанием селений Варз, Похут, Фальмоут и Дарг); все эти зеравшанские селения подчинялись, вероятно, фрамандару Утту и уж во всяком случае были связаны с ядром Кухистана, т.е. с паргарскими селениями, тесными узами хозяйственной и культурной жизни. Для изучения Кухистана VIII в. имеют значение еще пять мугских документов на коже—письма, расписки в получении кож и кожаных изделий Вгашмарика—«начальника бассейна для вымачивания кож» (Лившиц, 1962, с. 72) или «главы учета» (счетовода) в Мадрушкате (Боголюбов и

Смирнова, 1963, с. 63—64), А-4, А-10, В-3, В-5, В-19; все эти документы связаны с Верхним Зеравшаном.

Общее число мугских хозяйственных документов, содержащих сведения по Кухистану VII — VIII вв., составляет около трех десятков, с учетом же сведений, содержащихся в дипломатической переписке и иных согдийских рукописях, которые могут быть использованы для изучения Кухистана VII—VIII вв., оказывается еще больше. Собрание рукописей с горы Муг представляет богатый материал для изучения истории этого района.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВЕРХНЕГО ЗЕРАВШАНА В V—X вв.

Сведения о Верхнем Зеравшане в письменных источниках весьма скудны и мало изучены в советской науке.

Однако нельзя сказать, что история Верхнего Зеравшана осталась вне поля зрения советских востоковедов. Так, политическая история Верхнего Зеравшана рассматривалась, помимо работ, связанных с открытием замка на горе Муг (Согдийский сборник, 1934), С. Л. Волиным (1940, с. 28—32), А. Ю. Якубовским (1950, с. 13 — 32), О. И. Смирновой (1950а, с. 57 — 66; 1961, с. 220 — 230), Н. Н. Негматовым (1957, с. 189), Б. Я. Стависким (1957, 1959, 1961а) и исследователями мугских документов (Фрейман, 1962; Лившиц, 1962; Боголюбов и Смирнова, 1963).

О. И. Смирнова (1950а, с. 58) и Н. Негматов (1957, с. 239) полагают, что Верхний Зеравшан как в VII—VIII вв., так и в IX — X вв. входил в состав Уструшаны.[1]

Б. Я. Ставиский (1957, с. 85; 1959, с. 46; см. также его примечания к книге В. В. Бартольда, 1963 б, с. 189) и В. А. Левшиц (1962, с. 103), напротив, считают, что в отличие от более позднего времени в период арабского завоевания Верхний Зеравшан был частью согдийского княжества Панча (Пенджикента).

Утверждение о подчинении Верхнего Зеравшана Уструшане принадлежит В. В. Бартольду, опиравшемуся на сведения арабских географов IX — X вв. (Бартольд, 1963 б, с.

[1] В более поздней работе О. И. Смирнова несколько изменяет свои формулировки: она пишет, что Верхний Зеравшан «в хозяйственно-административном отношении был подчинен, видимо, Пенджикенту. Что касается последнего, то он тяготел к Уструшане, а не к Самарканду» (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 8).

189). Мнения Б. Я. Ставиского (равно как и изменение точки зрения О. И. Смирновой) основаны на данных мугских документов.

Рассмотрим данные письменных источников о политической истории Верхнего Зеравшана до X в. н. э.

Районы Верхнего Зеравшана в течение всего рассматриваемого времени назывались Буттам, в состав которого входили Паргар, Матча, Кштут и Магиан (сведения персо- и арабоязычных источников. См.: Ибн-Хаукаль, 1873, с. 382; Мукаддаси, 1906, с. 266; Ибн-Хордадбех, 1889, с. 40).

Китайские летописцы и путешественники не сообщают никаких прямых сведений о политическом положении Верхнего Зеравшана. Косвенные же сведения позволяют лишь предполагать, что Верхний Зеравшан или какая-то его часть в V—VI вв. наряду с Пенджикентом входили в состав согдийского княжества Маймурга. Те же данные как будто бы свидетельствуют о том, что в начале VII в. Пенджикент был самостоятельным княжеством, а Верхний Зеравшан оказался отрезанным от Маймурга и других княжеств Согда вообще. Однако никакими сведениями о положении этого района в VII в. мы не располагаем (Ставиский, 1959, с. 85).

Прямые упоминания о политической истории Верхнего Зеравшана VIII в. встречаются в арабских и согдийских источниках. Так, ал-Белазури, говоря о правлении Язида ибн ал-Мухаллаба (701—704 гг.), сообщает о походе в Буттам сына этого наместника Мухаллада (Белазури, 1863—1866, с. 417).

Завоевание Буттама Мухалладом ибн-Язидом было непрочным, и Буттам был вторично завоеван при знаменитом Кутейбе ибн-Муслиме. Кутейба после захвата Уструшаны послал в Буттам (713—714 гг.) своего военачальника Джахма ибн-Захра (Белазури, 1863—1866, с. 425).

В обоих сообщениях ал-Белазури Буттам предстает как самостоятельная политическая единица.

Для несколько более позднего времени чрезвычайно ценные сведения содержат мугские документы, связанные с фрамандаром Уттом, осуществлявшим, как мы еще увидим, по поручению пенджикентского государя Девештича власть над верхнезеравшанскими селениями Магиан, Маргузар, Вешист, Мадм, Кум, Заровод, Искодар, Хшикат, Варз, Фатьмев, Похут, Шавкат, Вешаб, Фальмоут, Дарх, Марг, Вардаккат, Сарытог, Утгар, Вишак и др. (Лившиц, 1962, с. 174, 182) (рис. I).

Фрамандару Утту, а следовательно, и пенджикентскому владетелю, подчинялись также небольшие владения Кштут, Крут и Мадрушкат (в Матче), т. е. практически весь Верхний Зеравшан.

Все документы, адресованные фрамандару Утту или исходящие от него (в тех случаях, когда они поддаются датировке),относятся ко времени пенджикентского государя Деваштича (715/716 — 722/723 гг.) (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 62, 64). Большинство хозяйственных и деловых документов, связанных с Верхним Зеравшаном, относится, видимо, к этим же годам. Таким образом, мы вправе полагать, что Верхний Зеравшан был включен в состав Пенджикентского княжества после 715 — 716 гг., что наводит на мысль, не была ли связана потеря независимости Буттама с разгромом, учиненным Джахмом ибн-Захром.

К концу этого периода относится сообщение ат-Табари, восходящее к ал-Маданни, о походе Сулеймана Абу-с-Сари против Деваштича. В этом сообщении пенджикентский владетель Деваштич, в полном соответствии с данными мугских документов, выступает также как владетель Верхнего Зеравшана. В частности, упоминается, что Деваштичу принадлежит замок Абаргар (Муг), где он и пытался укрыться от арабов.

Судьба Верхнего Зеравшана после разгрома Деваштича неясна. Возможно, он вновь стал независимым. Во всяком случае, ибн-Хордадбех, перечисляя титулы домусульманских государей, упоминает титул владетеля Буттама Зу-н-на'на'а (Ибн-Хордадбех, 1889, с. 40).

По сведениям того же автора, при Тахиридах Буттам был отдельной податной единицей (там же, с. 33). Это сообщение дало основание В. В. Бартольду писать, что «Буттам, по-видимому, составлял (в IX в.—*Б. Я.*) отдельную область» (Бартольд, 1963а, с. 225).

В X в., по сообщениям арабских географов, Буттам входил в состав Уструшаны (BGA, т. 1, с. 325; т. 2, с. 379).[2] В X в. Уструшана, как и Буттам, входила уже в состав государства Саманидов.

Очевидно, объединение Буттама с Уструшаной происходило при Саманидах и было не присоединением Буттама к Уструшане, а включением обеих этих областей в единую податную единицу Саманидского государства. Характерно, что ал-Бируни называет Уструшану областью в стране Буттам (Бируни, 1963, см. карту).

---

[2] Хотя автор «Худуд ал-Алем» при характеристике области прямо говорит, что Буттаман принадлежит к Уструшане (Худуд ал-Алем, л. 32б; Hudud al-Alam, 1937, p. 115) и включает его в состав Уструшаны также в другом месте рукописи, связанном с описанием горных источников (Худуд ал-Алем, л. 4а; Hudud al-Alam, 1937, p. 55), но при описании горных хребтов он не столь категоричен; «хребты, пройдя Буттаман, достигают Уструшаны» (Худуд ал-Алем, к. 6б; Hudud al-Alam, p. 63).

Как бы то ни было, в X в. Верхний Зеравшан в политическом отношении составлял единое целое с Уструшаной. Но, вопреки мнению ряда исследователей, о вхождении Верхнего Зеравшана в состав Уструшаны ранее X в. у нас нет никаких данных.

Таковы, в свете известных сейчас данных, общие сведения о политической истории Верхнего Зеравшана в целом в VI — X вв.

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ «ПРАВЛЕНИЯ» ДЕВАШТИЧА СОГДОМ

Многие из документов с горы Муг связаны с именем Девашгича и его приближенных. Девашгич в некоторых документах называется государем Панча, а в других — царем Согда и государем Самарканда. Естественно, возникает вопрос, в какие годы он был государем Панча и в какие — царем Согда и государем Самарканда? О времени, когда Девашгич правил Панчем, у нас есть достаточно данных.

Но когда Девашгич был царем Согда и государем Самарканда, и вообще носил он титул ихшида Согда или нет — еще не совсем ясно. От правильного решения этого вопроса зависит определение роли Девашгича, судьба которого тесно связана с Верхним Зеравшаном, в частности, с Пенджикентом—одним из самостоятельных владений Согда в период арабского завоевания. Кроме того, правильное решение этого вопроса позволило бы оценить роль Девашгича в политических событиях Согда и Средней Азии того времени как руководителя антиарабского движения начала 20-х годов VIII в., а также датировку многих писем Девашгича с титулом царя Согда.

Из мугских документов вытекает, что Девашгич в период 708 — 722 гг. был государем Панча. В эти годы он в течение двух лет носил титул согдийского царя и самаркандского государя.

В мугских материалах имеются два документа с указанием времени правления Девашгича с титулом согдийского царя и самаркандского государя. Один из них гласит: «Согдийского царя и Самаркандского государя Девашгича один год есть» (Фрейман, 1962, с. 22; Лившиц, 1962, с. 57). В другом документе говорится: «Согдийского царя и Самаркандского государя Девашгича два года есть» (Фрейман, 1962, с. 83; Лившиц, 1962, с. 140). Мугские документы, за исключением указания, что Девашгич в течение определенного времени носил титул царя Согда и самаркандского государя, ничего больше не дают. Молчат об этом и арабские

источники. Ат-Табари в своей истории «Таърих ар-расул ва-л-мулк» в одном месте, ссылаясь на ал-Мадаини, называет Девашгича дихканом (Табари, 1881—1889, 2, с. 1447), в другом месте дихканом Самарканда (там же, с. 1446). Кроме того, ат-Табари сообщает о его уходе вместе с пенджикентцами в Паргар и о его гибели (там же, с. 1441).

В настоящее время среди исследователей этого вопроса существуют разные мнения.

Определяя дату правления Девашгича Согдом 710 г., А. А. Фрейман считает, что Тархун и Девашгич — одно и то же лицо (Фрейман, 1936, с. 147—148). По его мнению, Тархун это не имя, а титул, который носил Девашгич. Он считает, что Тархун появился на исторической арене не ранее 704 г., а скорее—позже. Таким образом, Тархун процарствовал 5—6 лет (704—710 гг.) и в 710 г. был уже сменен Гуреком (Фрейман, 1962, с. 42—43). После этого он, т. е. Тархун-Девашгич, носил скромный титул государя Панча. А. А. Фрейман считает сообщение ат-Табари и Ибн ал-Асира о том, что «Тархун после низложения в отчаянии лишил себя жизни или был убит» не соответствует действительности. По мнению А. А. Фреймана, документы №3 и №5, которые обозначены 10-м годом правления Тархуна, связаны с Девашгичем. Он предполагает, что Девашгич в письме к эмиру ал-Джарраху, говоря о двух сыновьях Тархуна, имеет в виду своих сыновей. Девашгич, употребляя титул Тархуна, хочет подчеркнуть этим свое прежнее положение (там же).

Другую дату правления Девашгича Согдом—721—722 гг. —предлагают О. И. Смирнова (1949, с. 356—357; 1958, с. 264) и вслед за ней А. Джалилов. Они считают, что во время восстания 721—722 гг. в Согде было двоевластие, т.е. там правили два царя. Одним из них был Гурек, назначенный арабами в 710 г., а другим—Девашгич, избранный восставшим Согдом в 721—722 гг. (Джалилов, 1961, с. 145—146).

Р. Н. Фрай, С. Г. Кляшторный и О. И. Смирнова (Смирнова, 1960) предполагают, что Девашгич носил титул согдийского царя и самаркандского государя в период после смерти Тархуна, т.е. с 710 по 712 г. По этой версии, в 710 г., когда Тархун был низложен за уступки арабам, согдийцы вместо него избрали Гурека царем Согда. Но арабы и арабофильские группы выступили против кандидатуры Гурека и в свою очередь на согдийский трон избрали Девашгича—человека, который в это время был лояльным по отношению к ним. По мнению вышеупомянутых исследователей, Девашгич был на престоле Согда два года, пока Кутейба не завоевал Самарканд и не заключил с Гуреком договор 712 г. (Frye, 1951, p. 124; Смирнова, 1960, с. 79; Кляшторный, 1960, с. 135—137). После заключения договора и признания Гурека за-

конным царем Согда Девашгич опять носил титул господина Панча.

В. А. Лившиц считает наиболее вероятными годами принятия Девашгичем титула «согдийский царь и самаркандский государь» 712—714 гг. По его мнению, принятие этого титула могло произойти прежде всего в связи с капитуляцией Гурека, заключившего в 712 г. договор с арабами и перенесшего свою резиденцию из Самарканда в Фринкет. Формальным основанием для претензии Девашгича, сына Иодхшитака, на согдийский престол могло быть положение опекуна сыновей покойного царя Тархуна (Лившиц, 1962, с. 65, 91).

Еще в 1933 г. академик И. Ю. Крачковский, исследуя письмо Девашгича эмиру ал-Джарраху, писал, что в этом письме слово «Тархун» представляет в основе собственное имя, едва ли есть основания считать его лишь вариантом титула «тархана» (Крачковская и Крачковский, 1934, с. 62).

Против мнения А. А. Фреймана, считавшего, что Тархун и Девашгич одно и то же лицо, выступили Р. Н. Фрай (Frye, 1951, p. 124), О. И. Смирнова (1960, с. 79), Б. Я. Ставиский (1957, с. 87), А. Джалилов (1961, с. 84), С. Г. Кляшторный (1960, с. 134), В. А. Лившиц (1962, с. 67) и др.

Эти ученые отмечают, что мнение А. А. Фреймана противоречит не только данным арабо-персидских источников, но и мугских документов, и на основании этих источников убедительно доказывают, в частности, что сообщение ат-Табари и ибн ал-Асира о смерти Тархуна в 710 г. достоверно.

В. А. Лившиц считает, что в Средней Азии существовал титул тархан (тюркский) и имя Тархун, а в письме Девашгича ал-Джарраху совершенно ясно говорится о сыновьях царя Тархуна. Поэтому мнение А. А. Фреймана о том, что Девашгич, говоря о двух сыновьях Тархуна, имеет в виду своих сыновей и титулом Тархуна хочет подчеркнуть свое прежнее положение, не соответствует действительности (Лившиц, 1962, с. 70).

Как видно, среди ученых нет единого суждения о времени правления Девашгича Согдом, хотя все они признают, что Девашгич действительно был царем Согда и государем Самарканда.

Мнению О. И. Смирновой и А. Джалилова о том, что Девашгича выбрали повстанцы 721—722 гг., противоречит следующее обстоятельство. Если допустить, что Девашгича выбрали восставшие, то арабы вряд ли могли его признать. Они скорее считали бы его самозванцем и незаконным царем Согда. Между тем известно, что арабы так не поступили. Они вели с ним переписку и сами называли Девашгича царем Согда, государем Самарканда. И не только называли его

царем Согда, но даже обращались к нему как к своему клиенту (там же, с. 78).

Точка зрения Р. Н. Фрая, О. И. Смирновой и С. Г. Кляшторного, считающих, что Девашгич стал царем Согда после смерти Тархуна, с. 710 по 712 г., противоречит письму Абд ар-Рахмана ибн-Субха.

Точка зрения В. А. Лившица основана на письме Фатуфарна, которое, по его мнению, отражает ситуацию в Согде во время похода Кутейбы (там же, с. 78). Однако мы не имеем достаточных данных о том, что письмо было написано именно в эти годы. В то же время письмо Абд ар-Рахмана ибн-Субха позволяет предполагать другую дату.

Мы уже говорили, что суждения о том, что Девашгич в 710—712 гг., или 712—714 гг. был царем Согда, недостаточно обосновано.

Обратимся к последующим годам жизни Девашгича, связанным со сложившейся в Согде ситуацией после смерти Кутейбы, т.е. к 715—722 гг.

Как известно, Кутейба осенью 715 г. был убит в Фергане. После его смерти, с 715 по 718 — 719 гг., в Средней Азии никаких походов и крупных столкновений между арабами и согдийцами не происходило. Это говорит о том, что среднеазиатские владения в эти годы были более или менее самостоятельными. Положение изменилось в конце 718 — начале 719 г., когда недовольство масс в Мавераннахре возрастает. Халиф Омар II (717 — 720 гг.) был вынужден пойти на некоторые уступки неарабским народам. Был издан приказ о том, чтобы не брать джизью у людей, принявших ислам. Однако эмир Хорасана ал-Джаррах всячески нарушал постановление халифа Омара II. Он брал джизью и от новообращенных, требовал обязательного обрезания. Очевидно, господство захватчиков-арабов, издевательства и тяжелый налог вели к возмущению и подготовке согдийцами восстания против арабов. Халиф Омар II в 719 г. отстранил ал-Джарраха и на его место назначил Абд ар-Рахмана ибн-Нуайма (719—720 гг.).

Письмо Гурека о военной помощи было послано именно в это время, т.е. в конце 718 — начале 719 г. В письме говорится, что уже 35 лет его войска беспрестанно сражались против разбойников даши (арабов): каждый год выставляли в поле многочисленные армии солдат и всадников, но не удостоились счастья. Им суждено быть могущественными всего в течение 100 лет; именно в этом году оканчивается этот срок (Бартольд, 1964, т. 2, ч. II, с. 386).

В.В.Бартольд, анализируя это письмо и другие материалы по истории Средней Азии и Ирана, писал, что народы этих стран «действительно были убеждены в том, что господству

арабов суждено продолжаться всего сто лет, что в таком убеждении следили за годами мусульманского летосчисления и в 100 г.х. ожидали наступления этого конца» (Бартольд, 1964. т. 2, ч. II, с. 387). Вероятно, и Гурек был уверен, что 719—720 гг. являются годами конца арабского господства. В. В. Бартольд пишет, что слухи о том, что «господство арабов подходит к концу были и среди арабов» (там же, с. 385—386).

Очевидно, эти слухи, с одной стороны, и движение среди согдийцев за освобождение, с другой, беспокоили халифа и наместника Хорасана. Возможно, халиф и ал-Джаррах знали о поведении Гурека. Если все это так, то у арабов могло появиться желание заменить Гурека другим человеком, который бы помог им управлять непокорным Согдом. Арабам нужен был человек, который бы управлял государством так, как они хотят. Но на престол должен был вступить только такой правитель, который имел бы связь с царями Согда. Этим требованиям, казалось бы, соответствовали сыновья покойного царя Согда—Тархуна (700—710 гг.).

К этому времени относится вышеупомянутое письмо Деваштича эмиру ал-Джарраху, из содержания которого ясно, что эмир ал-Джаррах просит Деваштича отправить к нему сыновей Тархуна.

Возникает вопрос (ведь Тархун умер или погиб в 710 г.), почему спустя 9 лет вдруг эмиру ал-Джарраху понадобились сыновья Тархуна? Очевидно, арабы хотели на место Гурека поставить одного из сыновей Тархуна, как законного преемника царя Согда. Такое предположение было выдвинуто И.Ю.Крачковским. Сопоставляя письмо Деваштича эмиру ал-Джарраху с событиями 719—720 гг., он писал: «... возможно, конечно, что дело шло глубже и в арабских или арабофильских кругах было предположение выставить сыновей Тархуна как продолжателей «законной» династии согдийских царей в противовес Гуреку (Крачковский и Крачковская, 1934, с. 56).

Однако, судя по этому письму Деваштича, сыновья Тархуна были несовершеннолетними и, понятно, не могли бы управлять государством. Поэтому арабам нужно было искать другого кандидата, который бы имел какую-то связь с царями Согда. К тому же новый царь должен был иметь влияние на согдийцев и мог бы помочь арабам подавить восстание непокорных.

Судя по мугским документам, Девашти́ч был довольно дальновидным политиком, выдавал себя за мусульманина и был (или считался) опекуном сыновей покойного согдийского царя Тархуна. Кроме того, Девашти́ч, судя по его письму, в это время был с арабами в хороших отношениях.

Известны также обстоятельства, которые могли ускорить приход Девашгича к власти. Это изо дня в день растущее восстание в Согде. Когда на помощь согдийцам пришли тюрки во главе с Курсулем, восставшие напали на расквартированный в Самарканде гарнизон арабов. Арабы, не вступая в бой, попросили мира, по условиям которого должны были дать 40 тыс. дирхемов и 70 человек заложников. Эмир Абд ар-Рахман отправил против восставшего Согда большое войско во главе с Мусайибом ибн-Бишром ар-Рияхом. Однако согдийцы нанесли ему поражение и, понеся потери, арабы были вынуждены покинуть пределы Самарканда. Абд ар-Рахман ибн-Нуайм как человек, не справившийся с восставшим Согдом, был заменен Саидом ибн-Абд ал-Азизом (720—721). Автор книги Кандия Малая (Кандияи Хурд) сообщает, что самаркандцы после Кутейбы ибн-Муслима до завоевания Самарканда Саидом ибн-Абд ал-Азизом сожгли мечети и приняли веру своих предков. По сообщению этого автора, Саид ибн-Абд ал-Азиз во время завоевания Самарканда остановился в Нав-Баге, там он разбил лагерь и целый год вел большую войну (Кандия Малая, 1905, с. 250).

Вероятно, именно в эти годы Девашгич и был назначен царем Согда и государем Самарканда. Это предположение подтверждается письмом Абд ар-Рахмана ибн-Субха «согдийскому царю, самаркандскому государю Девашгичу». Приведем полностью это письмо: «Во имя бога, средоточия творения от имени эмира (пишет) Абд ар-Рахман бен Субх согдийскому царю, самаркандскому государю Девашгичу —почтение («уважение») господину. И вот вчера Нижитак пришел и жрец Курчи, и принесли они (мне) от эмира такое письмо с (выражением) неудовольствия эмира по твоему адресу: «Когда он (Девашгич) составил тебе (Абд ар-Рахману) письмо, он также и мне (эмиру) с помощью того же лица составил такое же письмо. И если затем он (Девашгич) это письмо тебе не послал, тогда как он мне его послал, то я это письмо тебе пришлю (чтобы ты убедился)». И я еще впоследствии пришлю тебе то письмо (письмо эмира Абд ар-Рахману), чтобы ты сам его увидел и выслушал (его содержание). Но вот я никогда (ничего) из того (твоего) письма не видел—ни раньше, ни потом («позднее»), ни еще позже. И если ты сам, по собственной инициативе (?), эмиру (когда-либо еще) таким же образом письмо составишь, (то) и мне аналогичное (?) письмо составь, и (если) ты его (письмо) достаточно надежным образом не сможешь (мне) переслать, то не скрывай (это от эмира). И также на письмо, которое ты составил, (эмир) через Нижитака и жреца Курчи прислал устный ответ, но он не написал (этот ответ) в письме. Но ты ведь сам знаешь, что Нижитак и жрец Курчи являют-

ся твоими самыми лучшими («совершенными») друзьями, очень заботятся о твоем благополучии, и благополучия тебе желают, и в то же время они очень переживают и думают о волнениях эмира. И ты так сделай—письмо эмира у них получи. А то, что Нижитак и жрец Курчи принесли от эмира (в качестве) устного ответа, ты (это)внимательно выслушай и всегда по этому пути следуй, так, чтобы ни в коем случае не поступать иначе. И ни одной минуты ни завтра, ни сегодня у ... не задерживайся и то, что нужно, сделай немедленно («сейчас»). А если ты приказ эмира тотчас не выполнишь, то тогда в скором времени от эмира придут многие другие приказы, и эмир и (?) много ...» (Лившиц, 1962, с. 111 — 112).

Абд ар-Рахман ибн-Субх упоминается в истории ат-Табари во время похода 720—721 гг., предпринятого Саидом ибн-Абд ал-Азизом против восставшего Согда (Табари, 1881—1889, 2, с. 1425; Кандия Малая, 1905, с. 241 — 242), позднее Абд ар-Рахман ибн-Субх упоминается при Асаде ибн-Абдаллахе (724 — 726), как амиль Балха и советник эмира (Табари, 1881—1889, 2, с. 1544), т. е. Асада ибн-Абдаллаха.

Следовательно, Абд ар-Рахман ибн-Субх находился в Согде в 720—721 гг. (о пребывании Абд ар-Рахмана в Согде в более раннее время мы пока ничего не знаем). И был он, как и при Асаде ибн-Абдаллахе, советником эмира, т.е. Саида ибн-Абд ал-Азиза.

Таким образом, мы вправе предполагать, что интересующее нас письмо было написано советником эмира Хорасана Саида ибн-Абд ал-Азиза—Абд ар-Рахманом в 720—721 гг., и поэтому кажется наиболее вероятным относить «правление» Деваштича Согдом к 720—722 гг.

Скорее всего, титул царя Согда и государя Самарканда Деваштич получил от арабов или во всяком случае, с их согласия. Таким образом, все письма, в которых Деваштич называется царем Согда и государем Самарканда, относятся к этим годам.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ПАНЧЕ И ПОХОД АРАБОВ В БУТТАМ В 722 г.

Деваштич получил от арабов или с их согласия титул царя Согда и государя Самарканда и в течение двух лет носил это звание. Что же случилось, что за такой короткий срок отношения между ним и арабами ухудшились до того, что арабы совершили в 722 г. поход, в результате которого была разрушена столица его государства город Пенджикент и многие селения и крепости. Остановимся на этом вопросе более детально.

Политическая история Пенджикентского княжества — Панча в начале VIII в. и, прежде всего, события, связанные с походом в Буттам отряда Сулеймана Абу-с-Сари в 722 г., привлекли к себе внимание сразу же после находок на горе Муг, т. е. 40 лет тому назад. Не известные ранее ни Девашт.ч, ни княжество Панча, ни затерянный в горах Буттам той эпохи оказались в центре внимания многих ученых. Однако почти все работы, в которых речь шла о бегстве Девашт ича из его столицы — Пенджикента в Буттам и походе, вслед за ним, отряда Сулеймана Абу-с-Сари, были написаны еще до полной публикации мугских документов. Понятно, что вне поля зрения авторов этих работ остались не только археологические материалы, добытые в ходе исследований последних лет, но и значительная часть данных мугского архива. В связи с этим необходимо снова рассмотреть всю совокупность известных сейчас данных по политической истории Панча и Буттама в конце VII—начале VIII вв.

Об истории Панча в VII в., вплоть до последнего его десятилетия, мы также знаем немногое: как показали исследования О.И.Смирновой, княжеством Панч в VII в. правил некий Амогйан (Смирнова, 1963, с. 12—17). Правивший вслед за ним Бидийан, монеты которого помимо городища древнего Пенджикента были найдены и в замке на горе Муг, теперь отождествляется с князем, известным по мугским документам: он упоминается в документе В-8, — «Договоре о продаже земельного участка», прочитанном и изученном В. А. Лившицем. Этот князь носил имя Чикин Чур Бильга и, судя по имени, был тюрком по происхождению. Известно и имя его отца — Билут (?) (Лившиц, 1962, с. 43 — 53). Устанавливается более точно и время его правления: документ В-8 датируется 15-м годом его царствования, следовательно, он воцарился не менее, чем за 15 лет до Девашт ича, т.е. около 693 г.[3]

Ко времени правления в Пенджикенте Чикин Чур Бильги относится первый известный нам поход арабов в Буттам; его совершил сын арабского наместника Язида ибн ал-Мухаллаба (701 — 704 гг.) —Мухаллад (Белазури, 1863—1866, с. 417). Поскольку в сообщении ал-Белазури об этом походе ни словом не упомянуты ни Панч, ни его владетель, можно предполагать, что Буттам, т.е. Верхний Зеравшан, Чикин Чур Бильге не подчинялся. Не подчинялся он, по-видимому, пенджикентскому князю и в 713 — 714 гг., когда в Панче правил уже Девашт ич, сын Иодхшетака, а в Буттам вторгся сподвижник знаменитого военачальника Кутейбы ибн-Муслима—Джахм ибн-Захр (там же, с. 425). По словам ал-Бе-

[3] Воцарение Девашт ича можно относить к 706—707 гг.

лазури, воины Джахма ибн-Захра вернулись из Буттама с богатой добычей, в том числе с большим числом драгоценностей и золотых статуй божеств из буттамских храмов. Буттам, по-видимому, подвергся серьезному разгрому.

В сообщении о походе Джахма ибн-Захра в Буттам Панч не упоминается. Не упомянут он и в сообщениях о других походах Кутейбы ибн-Муслима и его соратников. И само это молчание арабоязычных источников достаточно выразительно: ведь они сообщают о походах на Сурхандарью и в Бухару, в долину Кашкадарьи и в верховья Кафирнигана, в Хорезм и Самарканд, в Ходжент и Уструшану, Фергану и Чач. Пламя пожаров бушевало тогда вокруг Пенджикентского княжества: на юге отряды Кутейбы ибн-Муслима побывали в то время в Чаганиане, Ахаруне и Шумане, на юго-западе — в Самарканде, на севере — в Уструшане, на востоке — в Буттаме.[4] Панч, таким образом, оказался одним из немногих среднеазиатских княжеств, которым удалось уберечься от вторжения арабов. Каким образом ему это удалось — пока неизвестно. Но о том, что пенджикентский князь не преминул воспользоваться ослаблением своих соседей (во всяком случае на востоке), мы теперь можем судить достаточно определенно.

На престоле в Панче в это время сидел знаменитый Деваштич. Дата его воцарения определяется на основании данных документов с горы Муг. Помимо документов, датированных 1-м и 2-м годами правления Деваштича как «царя Согда, господина Самарканда», которые следует относить к 720—722 гг. н. э., при раскопках замка на горе Муг были найдены также согдийские документы, датированные: A-4—6-м годом, NOV-1—7-м, A-8—8-м, NOV-6—10-м, B-3 и A-10—11-м, NOV-6—12 и 13-м, A-13—14-м годом правления Деваштича, «господина Панча». Если исходить из того, что в 720 г. н. э. Деваштич принял титул «царя Согда, господина Самарканда», то 14-й год его правления в качестве «господина Панча» не мог быть позднее 720 г. н. э. Воцарение Деваштича в Пенджикенте, таким образом, приходится на 706—707 гг. Далеко не все вопросы, связанные с воцарением Деваштича, могут быть сейчас решены. Так, неясно, в каких отношениях был он с предыдущими владетелями Панча, был ли он родственником кого-либо из них и «законным» наследником Чикин Чур Бильги или нет. Неясно также, почему Деваштич, правивший в Панче не менее 14 (или 16, если учитывать и то время, ког-

[4] Последнюю сводку сведений о политических событиях времени походов Кутейбы см.: (Большаков, 1958, с. 420—427; Джалилов, 1961, с. 97—101; Гафуров, 1972, с. 309—316).

да он, фактически правя Панчем, носил титул «государя Согда, господина Самарканда») лет, не выпускал монет со своим именем. Но как бы то ни было, все эти годы (с 706—707 по 721 — 722 гг.) он был князем и владетелем Пенджикента. Не совсем ясен вопрос о месте происхождения Деваштича. Среди мугских документов из его архива нет такого документа, который мог бы указать родину Деваштича. Правда, есть один документ, где говорится, что некий Махйан, сын Дапатшира, получил от царя Деваштича, сына Иохшетака в (местности) Twtyskt (?) три мельницы со всеми каналами, строения, жернова. В. А. Лившиц предполагает, что Twtyskt находится где-то в бассейне Зеравшана, в области Пенджикента (Лившиц, 1962, 57, 59). Но если это даже и так, у нас нет уверенности считать это место родиной Деваштича.

Судя по мугским документам и многочисленным распоряжениям Деваштича через фрамандара и других лиц по хозяйственным делам Буттама, как будто бы можно полагать, что его родное владение находилось в Паргаре, а родом он был из Буттама. С другой стороны, если считать, что Буттам и Панч во время похода Джахма ибн-Захра в 714—715 гг. были единым владением, то непонятно, почему арабы завоевали Буттам и не пошли в Панч, где сидел правитель Буттама — Деваштич. Логичнее, видимо, предполагать, что во время похода Джахма в Буттаме был другой правитель, который был убит в этой войне, а Буттам был до этого самостоятельным, отдельным от Панча владением.

Анализ мугских документов позволяет установить время, когда Буттам стал владением пенджикентского государя. В связи с этим особенно важен для нас документ А-8. Вот текст этого документа (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 63): «Правлению господина Панча Деваштича восемь лет, месяц нисанч, день хурроч (11-й день третьего согдийского месяца). и получил Вгашмарик от фрамандара Утта 43 шкуры «простые и ягнячьи». Это—расписка, выданная Вгашмариком фрамандару Утту (или хранившаяся у Вгашмарика копия этой расписки).

Вгашмарик, как это видно из расписки и документов А-4, А-10, В-2 и В-5, был подчинен Деваштичу, ведал обработкой кож и водоемом для их вымачивания в сел. Мартуш (вероятно, Мадрушкат в Матче).

Фрамандар Утт — это управляющий владениями Деваштича в Паргаре и на Верхнем Зеравшане вообще (Ставиский, 1957, с. 86 — 94; Лившиц, 1962, с. 133 — 336; Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 97), резиденцией или местом пребывания его в Буттаме был, очевидно, Гардани Хисор возле Мадма (Якубов, 1966, с. 43 — 45).

Документ А-8, связанный с этими двумя подданными Деваштича, мы вправе рассматривать как свидетельство о распространении власти пенджикентского князя на верховья Зеравшана, т.е. на ранее независимый Буттам. Дата же этого документа — 8-й год «господина Панча» Деваштича, т.е. 714 — 715 гг. н.э. дает основание предполагать, что весь Буттам достался Деваштичу после разгрома, учиненного в верховьях Зеравшана отрядом Джахма ибн-Захра.[5] Поэтому предположение, что Деваштич был родом из Буттама, недостаточно подтверждается фактами.

Ал-Мадайни называет Деваштича просто дихканом, а ат-Табари — дихканом Самарканда (Табари, 1881 — 1889, 2, с. 1441, 7). Если верить словам ат-Табари, то можно предположить, что Деваштич родом из Самарканда и какой-то родственник царя Согда — Тархуна. Его письмо эмиру ал-Джарраху, где он выступает опекуном сыновей покойного царя Тархуна, еще раз доказывает, что Деваштич был каким-то образом связан с Самаркандом и его троном. Правда, в документе В-4—договор об аренде мельниц—его отец Иодхшетак не называется царем, и В. А. Лившиц считает, что Деваштич не происходил из династии царей Согда (Лившиц, 1962, с. 66). Не исключена возможность, что Деваштич после смерти Чикин Чур Бильги при помощи Тархуна стал царем Панча. Очевидно, он считался сторонником арабов и мирно управлял Панчем. Как известно, Кутейба ибн-Муслим после взятия Самарканда в 712 г. вторично завоевал почти все районы Средней Азии, но в Панче он не был. Возможно, что Деваштич с согласия арабов включил в состав Панча непокорный Буттам. Деваштич вел двойную политику: с одной стороны, он выдавал себя за мусульманина и истинного сторонника арабов и претендовал на самаркандский престол, а с другой стороны, подготавливал антиарабское восстание.

Арабоязычные источники, а также ал-Мадаини в передаче ат-Табари сообщают о Деваштиче, упоминая Панч и Буттам лишь в связи с походом Сулеймана Абу-с-Сари в

[5] Вгашмарик упомянут и в более ранних документах А-4 (6-й год «господина Панча» Деваштича) и № 1 (7-й год «господина Панча» Деваштича), причем в последнем из них упоминается также Утт. Однако, во-первых, так как текст этих документов хотя и указывает, что Вгашмарик ведает кожевенным производством во владениях Деваштича, не содержит сведений о связи в то время Вгашмарика с верхнезеравшанскими селениями, а, во-вторых, Утт в документе № 1 фигурирует без титула «фрамандар», то неясно, было ли лицо, носящее это имя, тезкой фрамандара или же перед нами будущий «управляющий домами Деваштича в Паргаре», в то время, однако, еще не занявший этой должности (ее тогда еще могло просто не существовать). Документы А-4 и № 1 изданы и переведены М. А. Боголюбовым и О. И. Смирновой (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 37 — 41; 60 — 61).

721 — 722 гг. Однако определение времени «правления» Девашти́ча Согдом и, соответственно, датировка 720—722 гг. тех мугских документов, в которых он назывался «царем Согда, господином Самарканда», позволяют осветить политическую обстановку в годы, предшествовавшие походу арабов против Девашти́ча.

Ко времени «правления» Девашти́ча Согдом относится довольно большая группа мугских документов. Это и распоряжения Девашти́ча фрамандару Утту о выдаче зерна и иных продуктов (документы А-2, А-3, А-16, А-18), и договор об аренде мельниц (документ В-4), и дипломатическая переписка. Первая группа документов чрезвычайно ценна для хозяйственной характеристики жизни Паргара. Дипломатическая же переписка Девашти́ча проливает свет именно на политические события 720 — 722 гг. Но прежде чем перейти к анализу писем Девашти́ча, вспомним, что известно о политической истории остального Согда этого времени.

Гибель Кутейбы ибн-Муслима, восставшего в 715 г. против вступившего на престол нового халифа Сулеймана и оставленного его сподвижниками, приостановила дальнейшие походы арабов в Среднюю Азию. Более того, вступление в 717 г. на престол Омара II, по определению В. В. Бартольда «самого благочестивого из омейядских халифов» (Бартольд, 1964, с. 386), привело даже к смягчению политики арабов по отношению к завоеванным ими народам. По словам ат-Табари, Омар II дал указание своим наместникам не брать джизью со всех принявших ислам, а также не требовать обязательного обрезания новообращенных (Табари, 1881 — 1889, 2, 1354). Наместник Хорасана (с конца 717 г.) — эмир ал-Джаррах ибн-Абдаллах, не разделявший взглядов халифа и предпочитавший править посредством «меча и кнута» (Табари 1881—1889, 2 1355; Крачковская и Крачковский, 1934, с. 59—61), уже в апреле 719 г. вынужден был оставить свой пост. Его сменил Абд-ар-Рахман ибн-Нуайм ал-Гамиди, что, однако, не спасло положения: началось восстание согдийцев, поддержанных тюрками. Восстание продолжалось и в 720—721 гг., когда халифом стал Язид II, а его наместником на Востоке — Саид ибн-Абд ал-Азиз, пытавшийся заигрывать с местными владетелями. Подавить восстание Саиду ибн-Абд ал-Азизу не удалось, и халиф решил вновь прибегнуть к жестоким мерам: осенью 721 г. в Хорасане был назначен новый наместник — Саид ибн-Амр ал-Хараши, известный сторонник политики, проводимой еще Кутейбой ибн-Муслимом. На Согд обрушилось новое нашествие. Карательные экспедиции арабов и поддерживавших их местных правителей следовали одна за другой. На сей раз тюрки не поддержали восставших. По словам ат-Табари, они «боялись за самих себя» (Табари,

1881 — 1889, 2, 1439). В результате силы арабов оказались намного более многочисленными, чем те, которыми могли располагать восставшие согдийцы. Восстание было подавлено с такой жестокостью, что это встревожило даже двор халифа и привело к падению Саида ал-Хараши. Однако власть арабов в Согде была укреплена на несколько лет (следующее мощное антиарабское движение здесь началось лишь в 728 г.).

Такова в самых общих чертах политическая история Согда в 715—722 гг. К этому следует добавить, что все эти годы (а также с 711 по 737—738 гг.) фактическую власть над Самаркандом, столицей всего Согда, осуществлял, с небольшими перерывами, Гурек, носивший титул «царя Согда, господина Самарканда». Деваштич, также претендовавший на этот титул, тем самым выступал основным соперником Гурека. Это соперничество, как мы уже видели, приходилось на 720 — 722 гг. и объяснялось той позицией, которую в это время занимали по отношению к арабам оба претендента на верховную власть в Согде. И Гурек и Деваштич, преследуя свои личные интересы, вели одинаково искусную дипломатическую игру с арабами, переходя от покорности и даже союза с ними к открытой борьбе против их власти.

Так Гурек, возглавивший согдийцев, возмущенных капитуляцией перед арабами царя Тархуна в 711 г.[6], уже в следующем году сам заключил позорный мир с Кутейбой ибн-Муслимом, за что был признан им как «законный» преемник Тархуна на троне Самарканда и всего Согда (Табари, 1881—1889, 2, 1245; Смирнова, 1957, с. 119 — 134; 1960, с. 69—79). Деваштич, судя по его письму эмиру ал-Джарраху ибн-Абдаллаху, также поддерживал одно время хорошие отношения с арабами и был даже клиентом (маула) ал-Джарраха, равно как покойный Тархун был маула Кутейбы ибн-Муслима. К концу наместничества ал-Джарраха (апрель 719 г.) и времени правления Абд ар-Рахмана (719 — 720 гг.) арабы имели все основания отдавать предпочтение именно Деваштичу.

Гурек в преддверии 100-го года хиджры явно готовился к открытому восстанию против арабов. Деваштич же, вероятно, учитывая обстановку, как раз в это время подчеркивал свою верность арабам. Вряд ли бескорыстно он держал при себе и двух малолетних сыновей царя Тархуна, свергнутого в свое время Гуреком с самаркандского престола. Как мы уже отмечали, все это, видимо, и привело к призна-

---

[6] Свержение и смерть Тархуна и воцарение Гурека часто относят к 710 г. Уточнение даты этих событий (711) см: Большаков (1958, с. 422, прим. 6).

нию арабами Деваштича «царем Согда, господином Самарканда».

Во время восстания согдийцев в 719—721 гг. (в период правления Абд ар-Рахмана ибн-Нуайма ал-Гамиди и Саида ибн-Абд ал-Азиза) Деваштич, по-видимому, уклонялся от открытой борьбы с арабами. Поэтому-то арабские отряды не угрожали Пенджикенту, хотя их конница, преследуя тюрков — союзников восставших самаркандцев, доходила в 720 г. до Варагсара, района современного сел. Рабати Ходжа, более чем в половине пути из Самарканда в Пенджикент (Табари, 1881—1889, 2, 1430; Ставиский, 1959, с. 90). Однако, как и Гурек, Деваштич мечтал освободиться от своей зависимости от арабов и вел интенсивную дипломатическую переписку, готовясь к борьбе с ними.

От переписки Деваштича с арабами до нас дошло два документа: написанное по-арабски письмо Деваштича эмиру ал-Джарраху ибн-Абдаллаху и составленное по-согдийски письмо Абд ар-Рахмана ибн-Субха Деваштичу.

Первое из этих писем, в переводе В. А. и И. Ю. Крачковских (Крачковская и Крачковский, 1934, с. 56), таково: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.

Эмиру ал-Джарраху, сыну Абдаллаха, от клиента (маула) его Дивасти. Мир над тобой, о эмир, и милость Аллаха. Я восхваляю тебе Аллаха, кроме коего нет божества.

А затем — ..., да направил Аллах эмира и сохранит его, я ... (вероятно «сообщил» или «послал известие о») эмиру мою нужду и нужду обоих сыновей Тархуна, ведь эмир, да сохранит его Аллах, вспомнил добром сыновей Тархуна. И если эмир соизволит принять решение (и написать) Сулейману, сыну Абу-с-Сари, чтобы он отправил их обоих (к эмиру), то пусть сделает. Или эмир прикажет мне одну лошадь из почтовых и я отправлю на ней своего слугу, чтобы он доставил их обоих эмиру. Ведь Аллах сделал сан (?) эмира для семьи (или жителей) ... помощь и милость. И прошу я у Аллаха для ... и мир над тобой, о эмир, и милость Аллаха».

Академик И. Ю. Крачковский дал блестящий комментарий тексту этого документа, сопроводив его описанием действующих лиц и обстановки, в которой это письмо было написано. Если учесть, что чтение и анализ этого письма были даны еще до чтения мугских согдийских документов, то работа И. Ю. Крачковского, приобретает еще бо́льшую ценность.

И. Ю. Крачковский собрал все известные в науке сведения об эмире ал-Джаррахе ибн-Абдаллахе, крупном араб-

ском полководце, вышедшем, как и Кутейба ибн-Муслим, из школы знаменитого наместника Ирака ал-Хаджжаджа (660 — 714 гг.). Хорасаном ал-Джаррах правил с конца 717 по апрель 719 г. Следовательно, письмо могло быть написано только в этот период (там же, с. 54).

Второй представитель арабской власти, упомянутый в письме — Сулейман ибн-Абу-с-Сари, по заключению И. Ю. Крачковского (там же, с. 61), был, скорее всего, не арабом, а местным уроженцем (возможно, уроженцем Мерва), определенно и систематически действовавшим на стороне арабов. Он был маула племени Увафа и сделал на службе у арабов довольно хорошую карьеру: в 719 — 720 гг. он занимал какой-то важный пост в Самарканде, столь важный, что халиф Омар II направлял непосредственно ему инструкции об организации постоялых дворов и упорядочении почтовой службы (характерно, что и в письме Деваштича, написанном несколько ранее, Сулейман ибн-Абу-с-Сари упоминается в связи с почтой). В 720—721 гг. Сулейман ибн-Абу-с-Сари заведует податями Согда, а в 722 г. именно он по поручению Саида ал-Хараши преследует Деваштича и берет его в плен. Последний раз он упоминается в 728 — 729 гг. вновь как заведующий податями.

Столь же обстоятельно разобрал И. Ю. Крачковский и сведения арабских источников о Тархуне и Деваштиче (Дивасти) (там же, с. 61—66).

И. Ю. Крачковский также отметил, что Деваштич выступает в этом письме «таким же мусульманином из дипломатии» (там же, с. 67), как и его соперник Гурек. Он подчеркивает, что находившийся при Деваштиче «для сношений с арабами» писец с большим искусством владел «всеми формулами бюрократически-мусульманского стиля, которые, он и располагал в нужном порядке». «У писца, — писал он далее, — и в языке, и в письме чувствуется большая уверенность» (там же). И. Ю. Крачковский, анализируя сведения о маула, указывал, что в данный момент он признавал себя союзником арабов. Из других выводов И. Ю. Крачковского, связанных с текстами письма, отметим его заключение о сыновьях Тархуна. «Судя по тону, — писал он, — отношение к ним, скорее, покровительственное и заботливое: в таком тоне речь не ведется о врагах адресата или корреспондента. Иначе и не могло быть, так как Тархун погиб союзником арабов. С другой стороны, сообщение сформулировано так, как будто дело касается малолетних, которых отправляют в сопровождении слуги; говорится об одной лошади, тогда как, если бы требовалась отправка двух взрослых под стражей — вероятно, было бы упомянуто несколько лошадей» (там же).

Как установил И. Ю. Крачковский, письмо Девашти́ча эмиру ал-Джарраху датируется временем наместничества последнего в Хорасане, т.е. с конца 717 по апрель 719 г. Думается, что эту датировку можно несколько уточнить, отнеся письмо к началу 719 г. К тому же найденный в замке на горе Муг документ вряд ли был копией письма, посланного Девашти́чем эмиру ал-Джарраху. Более вероятно предположить, что оно было составлено в самом конце правления ал-Джарраха и осталось неотправленным в связи со смещением этого эмира (там же, с. 70).

В любом случае это письмо свидетельствует о том, что Девашти́ч в то время, во-первых, не носил еще титула «царя Согда, господина Самарканда» и, во-вторых, находился в хороших отношениях с представителями арабской власти в Хорасане.

Второе письмо — Абд ар-Рахмана ибн-Субха Девашти́чу, приведенное выше, как уже указывалось, можно датировать 720 — 721 гг., т.е. временем правления Саида ибн-Абд ал-Азиза, сменившего на посту наместника преемника ал-Джарраха — Абд ар-Рахмана ибн-Нуайма ал-Гамиди. Несмотря на две смены наместников, времени от составления первого письма до второго прошло немного — не более 1 — 2 лет. Между тем арабы обращаются уже к Девашти́чу как к «царю Согда, господину Самарканда» и в то же время недовольны им. На первый взгляд кажется, что причина недовольства весьма незначительная. Девашти́ч послал эмиру Саиду ибн-Абд ал-Азизу письмо, текст которого он утаил от советника эмира Абд ар-Рахмана ибн-Субха. Но при более внимательном чтении письма выясняется, что недовольство советника эмира и самого эмира вызвано не только этой уловкой Девашти́ча. Ему велено не только в будущем не поступать таким образом, но и немедленно, не задерживаясь у кого-то (или где-то), и «то, что нужно сделать»—исполнить сейчас же, более того Абд ар-Рахман не исключает даже того, что Девашти́ч может уклониться от выполнения приказа эмира и грозит ему какими-то новыми приказами. Нотации по поводу утаенного от Абд ал-Рахмана письма Девашти́ча эмиру, выставленные на первый план, оказываются на поверку далеко не основной провинностью этого «царя Согда, господина Самарканда». В чем проявилось самоволие и непослушание Девашти́ча, из этого письма неясно.

Возможно, недовольство эмира и Абд ар-Рахмана было вызвано, скорее всего, дипломатической активностью Девашти́ча, о которой мы теперь можем судить на основании дошедших до нас его писем хахсарскому владетелю Афаруну (документы В-17 и В-18), а также писем, полученных Девашти́чем от его посла в Чач Фатуфарна (документ А-14),

и от других лиц (документы А-9, В-10 и №2). До нас дошли два письма Девештича государю Хахсара Афаруну, написанные на дорогой китайской бумаге. Одно из них — В-18, судя по титулу Девештича («согдийский царь»), датируется 720 — 722 гг.

Документ В-18 гласит: «От согдийского царя Девештича хахсарскому государю Афаруну — здравие, много почтения. Так вот: если ты будешь совершать глупости и упрямиться, то дом погубишь—не свой, а мой (?) (возможно: «ведь вред (от этого) не (только) тебе, но и мне). Ведь я так знаю: ты ... И мне не следовало (тебя) на такое дело посылать, как я тебя сейчас послал. Ведь вот я тебя к кагану отправил послом, а ты из-за трусости («слабости») и своеволия у себя («там у тебя») отсиделся. Но теперь вот я не хочу, чтобы ты шел наверх, — я наверх других послов отправлю, а ты возвращайся ко мне («сюда ко мне»). Но только такого чудачества (или «такой глупости») не делай: китайца—посла (?), того, которого я тебе ранее от себя прислал, (приказов): «к кагану его послом отправь!», — если ты его уже не послал, то сейчас не отправляй (и) письма (кагану?) не посылай. И также не допускай («не совершай») такой оплошности, чтобы у тебя кто-либо какое-нибудь (из этих писем) передал или получил, ибо я... не желаю, чтобы ты когда-любо (?) так благополучно прибыл («спустился») ко мне. И также то письмо, которое мною не было тебе дозволено («приказано»), ты написал Вешкарту (или «в Вешкарт»). И если я так услышу, что ты отнес это письмо или что-либо взял, то пока я жив, я не соглашусь увидеть твою рожу. И ywz «new» (?) (имя собственное или обозначение какого-то человека) здесь должен сам получше узнать о распре (или «беде») в царстве, (о том), какие нужно дать подкрепления, чтобы спасти нас, чтобы они нас спасли (или «и они нас спасут»). От согдийского царя Девештича хахсарскому государю Афаруну» (Лившиц, 1962, с. 124).

В. А. Лившиц полагает, что Хахсар — владение Афарунa, тождественен с селением حاخسر (в рустаке Даргом, в двух фарсахах от Самарканда), упоминавшимся арабскими географами хотя сам же отмечает, что этимологически хахсар — «начало источника», синонимично с «сарчашма», которое очень часто встречается в топонимике Ирана и Средней Азии (там же, с. 118). Локализация владения Афаруна в непосредственной близости от Самарканда, таким образом, вряд ли убедительна. Но как бы то ни было, В. А. Лившиц прав, утверждая, что Девештич дорожил связью с Афаруном (документ А-18), который в конце концов остался в числе его приверженцев. Об этом убедительно свидетельствует уже то, что документы его архива (помимо писем Девештича—

B-18 и B-17, а также письма от «его презренного ничтожнейшего слуги Ревака» —B-16 и B-14) были найдены на горе Муг. Очевидно, что Афарун был рядом с Девашти́чем во время бегства в Паргар и вместе с ним укрывался здесь от отряда Сулеймана Абу-с-Сари. (там же, с. 116).

Контекст письма, относящегося ко времени, близкому к переписке Девашти́ча с Абд ар-Рахманом ибн-Субхом, свидетельствует отнюдь не о верности его арабам. Каган Тюрок (будь то западные или восточные тюрки) был одним из постоянных врагов арабов и переговоры с ним могли вестись только тайком от арабов и против них. Понятно, что Девашти́ч указывает Афаруну на необходимость скрывать письма, адресованные кагану. Уже одной этой переписки было достаточно, чтобы вызвать гнев арабов; переговоры с каганом мало чем в их глазах должны были отличаться от обращения за помощью в Китай. А между тем из письма B-17 мы узнаем, что Девашти́ч обращался (или делал вид, что обращался) и туда.

Это письмо, написанное также на китайской бумаге, тем же почерком (т.е. тем же писцом), а следовательно примерно в то же время, что и документ B-18, адресовано Афаруну, хохсарскому государю, но Девашти́ч называет себя здесь не царем, как в других документах 720 — 722 гг., а всего лишь государем, как в более ранних документах. В. А. Лившиц считает, что это письмо было написано в трудное для пенджикентского владетеля время, когда ему приходилось не приказывать своим вассалам, а уговаривать их сохранять верность, чуть ли не заискивать перед ними, успокаивая их сообщениями о переговорах с могучими союзниками и обещая в будущем военные успехи (Лившиц, 1962, с. 116). Думается, что в определении исторической обстановки того времени, когда Девашти́ч писал этот документ, В. А. Лившиц прав.

В этом письме написано (там же, с. 117—118): «От государя Девашти́ча хахсарскому государю Афаруну много почтения. И, господин, вот уже много времени прошло, как от тебя никаких известий я не слышал. И тебе вот уже ранее я так указывал: «Как-то следует поступать, себя следует поберечь, быть в безопасности». И теперь я вот скоро и слабых правителей, и все наши (земли?) подчиню и остановлюсь около тебя, в области («земле») рустской (?). И ты так должен поступать—до того дня пока мы к тебе прибудем («спустимся») должен ты быть в безопасности («очень хорошим и крепким»). А у меня известия таковы: наши гонцы сюда спустились и мне от кагана высокий чин и почет принесли. И прибыло также много войск (или «сородичей», т. е. согдийцев), а также тюрки (Ywn — восточные

тюрки). А от ферганского царя в день апвах-роч сюда к YW"nk—у (имя собственное или обозначение врага: Yw"nk—возможно «негодяй»: не исключено, что Девашгич так в своих письмах обзывал Гурека) пришел военачальник, а я здесь военачальника схватил. В ... новолуние (?) пребываю я в полной готовности («совершенно, полон сил») —вот об этом я послал (тебе) письмо. Как живешь, чем ты был занят, почему ты скрываешься? И если также кто-либо из людей находится с тобой, то соизволь подробно сообщить мне об этом. И если такое известие будет, что мне к тебе нужно будет прибыть, то ты мне сообщи, я обязательно прибуду. А если тебе потребуется подкрепление, то сообщи, я обязательно пошлю, но со следующим (условием): людей (которых я пошлю), нужно поберечь и ты сам должен поберечься, и никакого ущерба пусть не будет».

Многое в этом письме звучит неожиданно. Тут и указание на признание какой-то зависимости от кагана — Девашгич даже хвастается тем, что каган удостоил его «высокого чина и почета» и сообщение о прибытии многочисленного войска (или согдийцев) и восточных тюрков, и извещение о захвате (или пленении) какого-то военачальника, прибывшего от ферганского царя. Тут также и призыв к осторожности, и кажущаяся забота о безопасности Афаруна, и обещание помощи и подкреплений. Если перевод всех этих странных мест верен, то придется признать, что Девашгич действительно, мягко говоря, преувеличивал свои связи и возможности, дабы удержать Афаруна в своем лагере. Однако, если не принимать во внимание указанных в письме китайцев, то какие-то связи с тюрками и Ферганой у Девашгича все же могли быть, что особенно ясно видно из донесения Фатуфарна, гонца или посла, направленного пенджикентским владетелем в Чач. Это донесение (документ А-14), написанное на тонкой китайской бумаге, адресовано «царю Согда, государю Самарканда Девашгичу», т. е. относится к 720—722 гг.

Приведем этот интересный документ в переводе В.А.Лившица (Лившиц, 1962, с. 78—79). «Господину, государю, великому оплоту, согдийскому царю, самаркандскому государю Девашгичу от его ничтожнейшего раба Фатуфарна —донесение. Господин, государь, (тебе), великославному, много почтения я адресую. И, господин, я прибыл сюда к чачскому государю. И, господин, я и письма вручил и то, что следовало устно передать, я полностью, ничего не опуская, изложил — и тудуну (титул, означающий примерно «начальник гражданской администрации»), и «помощнику» (*буквально —«близкий к себе»*, т.е. что-то вроде «представителя» или «заместителя»). И, господин, письмо кагану и письмо ферганскому царю я через ферганского тутука

(«начальника военной администрации») ферганскому царю переслал. И, господин, я потому дальше не могу пойти, ибо, господин, кагана по слухам совсем нельзя увидеть. И, господин, от тудуна и от «помощника» я получил письма и ответы. И, господин, когда я подошел к 'pw'rtk'n—у (или «стал возвращаться»), то, господин, о Нижней стране сколько-нибудь утешительных («хороших») известий я не слышу, а Уструшанская область вся сдана. И, господин, я один-одинешенек, без спутников, и, господин, не осмеливаюсь я идти. И, господин, потому я вернулся снова в Чач. И, господин, из-за этого (т.е. из-за того, что Фатуфарн выполнил поручение Девештича не до конца) тебя я страшно боюсь. И, господин, тудун в соответствии с перемирием с арабами отступил (или «тудун вместе с арабами отступил в соответствии с перемирием»). И, господин, в соответствии с перемирием Жамрараз и перс-полководец пошли вниз — по слухам (для того), чтобы получить выкуп и чтобы отвести войско от арабов (может быть, «отвести войска, сражающиеся с арабами» или «войска, осаждающие арабов»). И, господин, Yw"nk (возможно «грешник», т. е. Гурек),[7] по слухам, вовсе (?) исчез, потому что ушли они (вероятно, Yw"nk с войском) наверх и до сих пор никто не вернулся («не спустился»). И, господин, тудун (ранее) с Тарбандом (т.е. Отраром) заключил перемирие (или «помирился»), и, господин, все земли он (там) получил. И, господин, по слухам, «помощник» очень опечален перемирием, (касающимся) Нижней (страны), и он также боится тебя из-за того, что он не прибыл к тебе (буквально —«и также он очень боится из-за неприхода к тебе»). И, государь, затем от тебя известий не может поступить. И, господин, вот эти письма я послал через Марвана в Канд. Господину, государю, великому оплоту, согдийскому царю, самаркандскому государю Девештичу от его ничтожнейшего раба Фатуфарна—донесение («обращение»).

Блестящий перевод и анализ этого письма В. А. Лившицем дал науке ценнейший материал по истории Средней Азии в 720 — 722 гг. К сожалению, недостаток сведений о событиях этих лет не позволяет полностью понять многочисленные разбросанные Фатуфарном намеки и краткие сообщения. По-видимому, полное понимание этого письма (и уточнение неясных его мест) еще впереди. Пока же отметим лишь некоторые, непосредственно интересующие нас сообщения Фатуфарна.

Из письма Фатуфарна явствует, что Девештич внимательно следил за событиями, происходящими не только в Согде,

[7] Ср. выше, документ В-17 (письмо Девештича Лфаруну).

но и в Чаче и Фергане. Посылка специального гонца в этот момент с письмами и устными посланиями чачским властям — тудуну и «помощнику», а также царю Ферганы и тюркскому кагану не была, конечно, случайной. Интересно, что чачский «помощник», судя по письму, находился в какой-то зависимости от Деваштича (боялся его гнева за то, что не явился к нему)[8] и был, по-видимому, проводником его политики на севере Средней Азии и характерно, что именно ему (и тудуну) Деваштич поручил передать помимо писем еще какие-то устные наказы и сообщения. В чем заключались функции «помощника» в Чаче, — еще не ясно, но уже одно то, что Фатуфарн ведет в Чаче переговоры только с ним и тудуном, свидетельствует о крупной роли «помощника», безусловно, одного из высших чинов чачской администрации.

По данным И. Я. Бичурина известно, что в это время чачским тудуном был Мохедо (Бичурин, 1950, 2, с. 313), следовательно, письмо Деваштича было адресовано ему.

Судя по письму Фатуфарна, тудун во время прихода Фатуфарна сидел в Бинкенте, а в Тарбанде управлял другой правитель, и между Мохедо-тудуном и тарбандом, или правителем Тарбанда, были разногласия, и они помирились только перед приходом Фатуфарна в Чач. Согласно этому договору, тудун получил все земли, на которые раньше претендовал. Причем «помощник»— сторонник Деваштича — был против этого соглашения. Таким образом, человек, с которым помирился тудун, был противником Деваштича и борьбы против арабов. Тудун после получения земли от тарбанда помирился с арабами и отступил к себе.

Мы не знаем, какие ответы Фатуфарну давали тудун и «помощник», однако, когда он вернулся в Чач, то уже тудуна и «помощника» не было на месте. Тудун, который до этого времени помирился с тарбандом и получил землю в каком-то месте, теперь заключил с арабами договор и ушел наверх.

Из контекста письма не совсем ясно, кому была сдана в то время Уструшана. С одинаковым успехом это, казалось бы, могли быть и арабы и тюрки. Однако поскольку Фатуфарн вез письмо Деваштича кагану, понятно, что тюрков он бы не боялся. Следовательно, опасался Фатуфарн, скорее всего, именно арабов, от которых ему, видимо, и следовало держать втайне свою дипломатическую миссию.

Из письменных источников известно, что Уструшана была полностью завоевана Кутейбой ибн-Муслимом. После Кутейбы в 720 г., когда восстали ходжентцы, через Устру-

[8] Возможно, что именно этот «помощник» упоминается также в документе А-15, где говорится о посылке ему 40000 драхм. См.: Лившиц 1962, с. 163 — 165.

шану прошел Саид ибн-Абд ал-Азиз, но никаких военных действий в Уструшане не предпринимал. Следовательно, Уструшана была сдана и отчасти завоевана во время похода ал-Хараши в Ходжент в 722 г., и об этом Фатуфарн сообщает Деваштичу.

Следует обратить внимание на человека, которому Фатуфарн доверил пересылку своего письма. Марван, через которого этого письмо дошло до Деваштича (иначе оно вряд ли оказалось бы в Паргаре), как подчеркивает В. А. Лившиц, араб, на что указывает его имя (Лившиц, 1962, с. 77).

Возможно, этот Марван и писец, составивший по-арабски письмо эмиру ал-Джарраху ибн-Абдаллаху,—одно и то же лицо. Возможно также, что именно он упоминается в документе А-5, представляющем запись денежных расходов и выдачи ряду лиц, в том числе должностным лицам двора Деваштича (там же, с. 181 — 185). Среди приближенных пенджикентского владетеля, таким образом, был, безусловно, араб (или арабы), причем преданный ему.

Ферганский царь упомянут в письме Фатуфарна как один из тех, к кому он был послан Деваштичем со специальным письмом. Тон по отношению к этому ферганскому царю здесь дружественный, равно как и по отношению к кагану и к властям Чача. Если сравнить этот документ с письмом В-17 «хахсарскому государю Афаруну», где говорится о захвате военачальника, посланного царем Ферганы к какому-то врагу Деваштича, то станет ясно, что отношения Деваштича с царем Ферганы не были стабильными. Письмо В-17 вряд ли могло быть написано в то же время, что и донесение Фатуфарна (720 — 722 гг.). Если относить его к более раннему (до 720 г.) периоду, то придется признать, что в 720—722 гг. наступило улучшение отношений между Ферганой и Панчем. Если же датировать письмо В-17 более поздним временем, то получится, что хорошие отношения с Ферганой в 720 — 721 гг. изменились к 722 г. (последнему году жизни Деваштича). Обе эти возможности, т.е. отнесение письма В-17 ко времени до 720 г., или к 722 г. исключать нельзя, однако отсутствие в письме В-17 у Деваштича царского титула заставляет все-таки предпочесть второе решение.

Что же касается отношений Деваштича к царю Ферганы в 722 г., то, как было сказано выше, оно резко ухудшилось, так как он обещал помочь восставшим против арабов согдийцам, союзникам Деваштича, а затем предал их. Несмотря на то, что в письме Фатуфарна ничего не говорится о прибытии ал-Хараши в Ферганскую долину, и о ходжентской трагедии, оно относится к этому времени.

Возможно Девашгич, узнав о переходе Гурека на сторону арабов и о том, что ал-Хараши назначил его снова царем

Согда, решил возглавить антиарабское движение согдийцев. Он послал Фатуфарна в Ферганскую долину, чтобы договориться о совместной борьбе против арабов. Однако арабы действовали быстро и решительно и, как видно из письма Фатуфарна, он даже не успел вернуться в Панч.

Возможно, что с теми же событиями связано также письмо А-9, не содержавшее (или не сохранившее) имен автора и адресата. Судя по обращению «государь» (MLK) внутри текста, адресовано оно было Деваштйчу (там же, с. 92 — 93).

Приведем перевод первой части этого письма (там же, с. 95). «И есть такой слух: кучинцы (?) ... и весь народ в брахманскую веру (возможно, в буддизм индийского толка) перешли — и знать, и купцы, и простой народ, и 14000 духовных наставников.[9] И гонца мы отправили, но затем так услышали, что якобы он вернулся в Хутталь. А (в день) ахшевар-роч военачальник остановился в Шавкате. Пеших воинов (?), всех что были, я отправил через Буттаман против (?) него (возможно, что речь идет не о людях—«пеших воинах», а о каких-то предметах, посланных не «против», а «к» военачальнику). А земли, которые в Паргаре самыми лучшими будут, ты ему не оставляй («не покидай») — этот военачальник до тебя не дойдет. И, государь (вероятно, Деваштйч), был такой приказ (от тебя): «вместе с Диштвачем готовь коней! (В день) матрат-роч надежные («хорошие») люди придут в Рамуш»—но известий об этом (у меня) еще нет. Как бы ты ни заключил перемирия, ни ты не получишь справедливого (мира) ни (твой) народ. И еще одного гонца я послал, а какие новые вести будут, я сообщу и еще гонца ... пошлю. А уструшанские люди, немногие, (тоже) придут. И никакой тревожной вести не появилось, а о нас не тревожься (?)».

Текст второй части письма более фрагментарен. Ясно лишь, что автор готов лично предстать перед адресатом и ждет только его согласия на это (там же, с. 95).

Как и в других документах дипломатического характера с горы Муг, далеко не все в этом письме нам (и переводчику) ясно. Так спорно упоминание здесь Кучи (точнее, кучинцев). О. И. Смирнова считает, что слово Kwc'nth—это «не что иное, как согдийский вариант названия города Ходжента (Худжанда), последнего убежища согдийцев, бежавших от арабов в Фергану в 721 г. Предлагаемая идентификация тем более вероятна, что название Ходжента китай-

[9] Другие варианты перевода этого места, согласно которым здесь речь шла не о Куче, а 14 000 относится к общему числу людей, не перешедших в иную веру, а куда-то бежавших (см.: Лившиц, 1962, с. 96 — 97).

цы передают с начальным мягким согласным Kin-tehan-t'-i, что соответствует в таком случае его написанию в письме согдийца» (Смирнова, 1970, с. 16). Нам кажется, чтение О. И. Смирновой первых строк документа А-9, т.е. вместо слова «кучинцы» более подходит к контексту «кучанди», и в письме речь идет о массовом переходе населения не в «брахманскую веру», а в ислам во время похода ал-Хараши в Ходжент в 722 г.

Из письма вытекает, что Деваштич или его окружение вступили в какие-то переговоры и с Хутталем. Что же касается сообщений о событиях в Уструшане, то они напоминают и донесение Фатуфарна, и письмо В-17 Деваштича Афаруну. Возможно, что упоминаемый здесь «военачальник», тот же самый, о котором говорится в письме к Афаруну, как о присланном Ферганским царем к врагу Деваштича (Гуреку?).[10] Если это так, то сведения об этом «военачальнике» в документе А-9 (о прибытии его в Шавкат, на севере Уструшаны в одном дне пути от Ходжента), предшествовали его захвату в плен Деваштичем, о чем сообщается в письме В-17 Афаруну. Не исключено даже, что речь здесь шла о событиях одного и того же месяца и что от прибытия «военачальника» в Шавкат (в день ахшевар-роч, т. е. в 4-й день согдийского месяца) до его захвата в плен (в день апвах-роч, т. е. в 10-й день согдийского месяца) прошла всего неделя. Крайне важно, что, по мнению автора письма А-9, этот военачальник не дойдет до Деваштича, в связи с чем не следует «покидать» лучших земель Паргара. Похоже, что в момент написания письма А-9 Деваштич мог быть в Паргаре (то, что в письме не назван месяц, а названы лишь дни, В. А. Лившиц объясняет тем, что адресат был уверен в быстрой пересылке его письма Деваштичу) (там же, с. 93).

Следует обратить внимание и на опасения автора письма, касающиеся возможного перемирия Деваштича с арабами (как предполагает В. А. Лившиц) (там же, с. 93), он прямо предостерегает Деваштича, утверждая, что ни сам государь, ни его народ не получат от этого перемирия никакой пользы.

Меньше сведений сообщают, но, вероятно, связаны с этими же событиями и письма Деваштичу В-10 (от неизвестного лица) и NOV-2 (от владетеля Партана Ревахшйана).

Документ NOV-2 — письмо Деваштича от Ревахшйана также связано с событиями, происходившими после принятия Деваштичем царского титула. Его автор — Ревахшйан, вла-

[10] В. А. Лившиц считает его арабским полководцем (Лившиц, 1962, с. 101 — 102).

детель Партана, небольшого, вероятно, владения в бассейне современной Магнандарьи пишет «... Господину, государю, великому оплоту, согдийскому царю, самаркандскому государю Деваштичу от его слуги, партанского государя Ревахшйана — послание. И Вам, господину, великославному, много почтения. И если ты, сиятельный господин, со славой благоденствуешь, то, господин, я радуюсь. И, господин, (на) то послание, которое было, я, господин, уже переслал ответное письмо через Азак и, господин, теперь вот те слухи и известия, которые здесь были, о них, господин, написал в своем письме Арсиан (?), чтобы, господин, ты прислал ответ. И, господин, я пребываю здесь, у Навзандика (?). И, господин, благодаря твоей (господин) силе мы в полной безопасности и, господин, благополучными пребываем. И, господин, да будет государь (ты) со славой. Господину, государю, великому оплоту, согдийскому царю, самаркандскому государю Деваштичу от его слуги, партанского государя Ревахшйана.

Любой приказ господина, государя (твой), который только будет (и)который, господин, мне, холопу, подобает выслушать, ты, господин, соизволь сообщить и, господин, я твой приказ обязательно исполню.» (там же, с. 105).

В связи с этим письмом отметим, что в мугском собрании сохранилось еще одно письмо (В-15) Ревахшйана, некоему βwrw'δk-*скому* государю, в котором партанский владетель упоминает как будто бы о трудностях служения Деваштичу, (там же, с. 163).[11]

О событиях этого же времени идет, вероятно, речь и в отрывке письма № 5, адресат и автор которого неизвестны. В нем несколько раз упоминается Деваштич и содержится указание быть осторожным в переписке: «Это известие, которое (ты или Деваштич) изложил, на (него) никто пусть (в письмах) не отвечает» (там же, с. 170—171).

Как уже отмечалось, многое в переписке Деваштича остается еще не совсем ясным, и дать связное изложение событий, упоминаемых в письмах пенджикентского владетеля и его корреспондентов, мы пока не можем. Однако в свете этой переписки мы вправе уже сейчас говорить о большой роли Деваштича не только в политических событиях 721 — 722 гг., но и в политической жизни Средней Азии в предшествующие годы. Яснее обрисовывается теперь и история Пенджикентского княжества и связанного с ним Буттама.

На основании мугских документов мы точнее можем представить себе пределы фактической власти пенджикентского

[11] Интересно, что Ревахшйан упоминается (правда, без титула) и в документе А-5 — сводной записи денежных расходов; здесь отмечается выдача ему довольно крупной суммы — 50 дирхемов (там же, с. 182).

государя Деваштича накануне трагических для него и его владений событий 721 — 722 гг. Уже в приведенных выше документах говорилось о том, что непосредственно пенджикентскому государю принадлежал Буттам (документ А-9), а в зависимости от него находились также мелкие владения Хахсар, местоположение которого еще не совсем ясно (документы В-17 и В-18), и Партан, расположенный в бассейне Магиандарьи, в западной части Зеравшанского хребта (документ №2 и, возможно, документ В-15). Из хозяйственных документов видно, что непосредственно Деваштичу и управляющему его хозяйством фрамандару Утту были подвластны также многие верхнезеравшанские селения: Вешист (док. Б-1, Б-3, Б-4); Мадм и Кум (док. Б-12); Заровод (док. Б-11, Б-12, Б-18, Б-19); Искодар (док. Б-11, Б-13, Б-14, Б-15, Б-1); Хшикат (док. Б-1, Б-2, Б-10, Б-13); Варз (позднее Варзиминор, Захматабад и, наконец, Айни) (док Б-6); Фатьмев (док. Б-10), Похут (док. Б-6); Вишак (док. А-5); Фальмоут (док. Б-5, Б-6, Б-13, А-13); Дарг (док. Б-6, Б-15) и, возможно, Маргузар (док. А-5) и Рарз (док. А-2). К этим селениям, подвластным Деваштичу и фрамандару Утту (т. е. в конечном счете тому же Деваштичу), следует, по-видимому, добавить также ягнобское селение Канси (док. Б-1).

Помимо перечисленных выше селений, входивших, очевидно, непосредственно во владения пенджикентского князя, в зависимом положении от него (таком же, как уже названные «государи» Хахсара и Партана) находились, по-видимому, и владетели Курута (неподалеку от современного Айни) (док. Б-16), Кштута и Мадрушката (Матча) (док. Б-7), а также Сора (в верховьях Магиандарьи) или Сарытага (к востоку от Искандеркуля) (док. №1). Во всяком случае, находка на горе Муг писем, адресованных этим владетелям, показывает, что «государи» этих владений сплотились вокруг Деваштича и были вместе с ним, фрамандаром Уттом и владетелями Хахсара и Партана в последний период его борьбы с арабами, завершившейся в 722 г. в горах Пargара.

Анализ мугских документов и данные раскопок в Пargаре позволяют несколько конкретизировать также наши представления о событиях 721 — 722 гг. Как уже отмечалось, эти события начались с назначения наместником Хорасана вместо Саида ибн-Абд ал-Азиза сторонника жесткого курса по отношению к согдийцам — Саид ибн-Амра ал-Хараши. Новый наместник, приступив к исполнению своих служебных обязанностей поздней осенью 721 г., уже весной 722 г. двинул свои войска в Согд.

Тюрки на сей раз не поддержали согдийцев. Надежда на

то, что господству арабов суждено закончиться на 100-м году (718 — 719 гг. н.э.), не оправдалась. Арабский наместник был известен как опытный и умелый полководец, прославившийся своей борьбой с хариджитами. Ал-Хараши, очевидно, предложил Гуреку прекратить борьбу против арабов и вернуться к исламу, пообещав за это признать его вновь царем Согда. Гурек принял это предложение и стал уговаривать восставших прекратить борьбу. Часть согдийской знати перешла на сторону Гурека. Все это, очевидно, деморализовало согдийцев, и многие согдийцы решили бежать из страны. Царь Гурек отговаривал их и от этого: «Оставайтесь (на своих местах), —заявил он, —и доставьте ему (т.е. Саиду ал-Хараши) харадж, срок которому пришел, и гарантируйте харадж, который вы будете (платить) впредь, гарантируйте ему обработку ваших земель и (участие) в походе вместе с ним, если он этого захочет; повинитесь в том, что было сделано вами, и дайте ему заложников, чтобы они были в его руках» (Табари, 2, с. 1430; Джалилов, 1957, с. 104)

В этих условиях те, кто решился все-таки на бегство (8 — 9 тыс. человек), во главе с Карзанджем, направились в Фергану, царь которой ат-Тар обещал предоставить им для поселения ущелье Исама (в районе Исфары). Основная масса беглецов сконцентрировалась в Ходженте, где их и настиг отряд Саида ал-Хараши. Между тем оказалось, что ат-Тар вел двойную игру. Согласившись помочь беглецам, ат-Тар оговорил свою помощь условием, что он сможет поддержать их только через 20 (или 40) дней. В то же время ат-Тар послал к Саиду ал-Хараши своего двоюродного брата («сына дяди царя Ферганы») Нилана[12], который указал арабам местонахождение беглецов. После долгой и неравной борьбы согдийцы были разбиты и приняли условия мира, продиктованные победителем. Однако Саид ал-Хараши их обманул, и, в конечном итоге, все беглецы (за исключением 400 купцов, которые откупились богатыми товарами) были перебиты. За солидарность с ними были жестоко наказаны и жители Ходжента. Возможно, что с этими событиями, а не с событиями походов предшественника Саида ибн-Амра ал-Хараши — Саида ибн-Абд ал-Азиза, связана и какая-то

---

[12] М. Н. Боголюбов и О. И. Смирнова предлагают отождествить этого ферганского царевича с тюрком Утт-тегином, свадебный договор которого с согдийской женщиной Чатой найден на горе Муг (документ NOV-3 и NOV-4). Утт-тегин в этом документе (Лившиц, 1962, с. 17—45) носит прозвище Нидан (Нилан). Более того, они предлагают считать этого человека (Утт-тегина по прозвищу Нидан) не только царевичем Ферганы, но и фрамандаром Уттом. Все эти заманчивые отождествления, однако, оспариваются В. А. Лившицем (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 7, 121—128; Лившиц, 1962, с. 26—27, 29).

часть мугских документов. Но не зависимо от того, были ли, к примеру, посланы письма Девашгича с Фатуфарном кагану, властям Чача и царю Ферганы в это время или годом ранее, их содержание теперь, после явного перехода ферганского царя ат-Тара к союзу с арабами, вряд ли оставалось тайной для Санда ал-Хараши: ведь ферганский царь не только получил письмо Девашгича, но и знал об его письме кагану, а опасность для него была столь велика (арабы-то действовали в Ходженте), что для своего спасения он, вероятно, был готов на все. Да и Гурек вряд ли сидел сложа руки, когда ему представилась такая хорошая возможность направить Санда ал-Хараши на своего злостного соперника и врага.

Нам еще не совсем ясно, когда Девашгич решился бежать в горы, т. е. предпринять хотя и пассивный, но в тех условиях явно антиарабский шаг. Мы не знаем еще, что или кто (Гурек, ат-Тар или еще кто-либо) привели к столь резкому обострению отношений с арабами Девашгича. Но о самом факте разрыва ранее дружеских связей арабов с пенджикентским князем мы осведомлены достаточно определенно: осенью 722 г. отряд Сулеймана ибн-Абу-с-Сари последовал за бежавшим из Пенджикента (вместе со своими приверженцами) Девашгичем в глубь Буттама. Ат-Табари (со слов ал-Мадаини) сообщает об этих событиях весьма лаконично.[13] «И ушел Дивасти с людьми Бунджикета (т. е. Пенджикента) в крепость Абаргар, а Карзандж и люди Согда прибыли в Ходжент» (Табари, 2, с. 1441), и далее: «Говорит рассказчик (т. е. ал-Мадаини); послал ал-Хараши Сулеймана ибн-Абу-с-Сари, клиента племени Увара, к крепости, которая со всех сторон, кроме одной, окружена рекой Согд, и с ним Шаукара ибн-Ханука (вероятно, владетель Бухары), Хорезмшаха и Гурама, владетеля Ахаруна и Шумана. Сулейман ибн-Абу-с-Сари послал в авангарде ал-Мусейиба ибн-Бишра ар--Рийахи, и они (согдийцы) встретили его в фарсахе от крепости, в селении, которое называется Кум; ал-Мусейиб разбил их и заставил вернуться в крепость. Сулейман осадил их и дихкана ее (крепости) по имени Дивасти. Говорит (рассказчик). И написал ему, а он ответил: место, где мы могли бы сойтись (слишком) тесно. Иди к кешу, а для нас достаточно (помощи) аллаха. Дивасти предложил сдаться на милость ал-Хараши с тем, чтобы (Сулейман) выполнил условие и послал его к Санду ал-Хараши, а тот притворно принял его ласково и с почетом.

[13] Первым обратил внимание на эти сообщения, разъяснив их, И. Ю. Крачковский. Перевод их, цитируемый нами, сделал С. Л. Волин (1940, с. 31). Все последующие работы, где рассматривались события 721—722 гг., основывались именно на этих сообщениях.

После его (т. е. Девашгича) ухода люди крепости стали просить мира с тем, чтобы он (Сулейман) не причинил вреда ста самьям их с женами и сыновьями, а они сдадут крепость. Сулейман написал ал-Хараши, чтобы тот послал доверенных лиц для приема (добычи), находившейся в крепости. Говорит (рассказчик): Он (ал-Хараши) послал Мухаммеда ибн-Азиза ал-Кинди и Илба ибн-Ахмара ал-Пашкури. Они продали то, что было в крепости, с аукциона, он (Сулейман) взял пятую часть и разделил остальное между ними (воинами)» (Табари, 2, с. 1447).

Из этих кратких сообщений ясно, что Девашгич и его приверженцы, бросив на произвол судьбы Пенджикент, двинулись в Паргар. В литературе многократно высказывалось предположение, что Девашгич, как и Карзандж, направлялся-де через Паргар и современный перевал Шахристан в Фергану.

Никаких оснований для этого предположения источники не дают, и единственным основанием для исследователей послужило то, что в Паргаре был известен вплоть до самого недавнего времени лишь один археологический памятник — замок на горе Муг, который ни по размерам, ни по характеру своему не мог, как казалось, рассматриваться как убежище, где долгое время мог укрываться пенджикентский князь и его сподвижники. Новые материалы, полученные в ходе археологических работ в Паргаре, и данные мугских документов позволяют предполагать, что Девашгич готовился к обороне Паргара и, следовательно, думал либо, обосновавшись здесь, переждать какое-то время грозный ход событий, либо вступить в переговоры с Саидом ал-Хараши, находясь в сравнительно безопасном положении.

Раскопки крепости в сел. Кум, мощной военной твердыни Паргара (Якубов, 1973 б, с. 172 — 185), и горной резиденции — Гардани Хисор возле сел. Мадм показали, что здесь действительно были условия для размещения знатных семей и воинов на длительное время. Хранилища для зерна и других продуктов питания, большое количество удобных помещений в относительно труднодоступных местах — все это при соответствующей подготовке и достаточном числе воинов-защитников могло подавать надежду на успех операции, тем более, что иного выхода у Девашгича и его приверженцев фактически не было (особенно после измены ферганского царя). Как бы то ни было, ряд мугских документов вполне можно считать подтверждением того, что Девашгич готовил Паргар к длительной обороне. Таковы, например, документы Б-19, Б-3, Б-12, Б-20, Б-1, Б-4. Все они написаны на деревянных палках в Паргаре. Дата их неясна, но навряд ли они были составлены задолго до разгрома замка на горе Муг.

скорее всего, они относятся ко времени, непосредственно предшествующему походу Сулеймана ибн-Абу-с-Сари.

Документ Б-19, по заключению В. А. Лившица, представляет собой часть письма, составленного на двух палках, одна из которых до нас не дошла. Судя по почерку, это письмо написал Спадак, автор документов Б-11, Б-13, и Б-15, адресованных фрамандару Утту. Дошедший до нас текст в переводе В. А. Лившица таков: «... что они пришли (или идут) в Заровод. И если у меня будет это зерно, то я сам приду в Заровод. И государь (Девашгич) тебе так приказал: «Тотчас же вывези зерно и (другое) продовольствие,... унеси и хорошенько позаботься о безопасности (или сохранности)». И я тебе послал одну кольчугу, sn"th (какой-то предмет снаряжения), одно седло и небольшие башмаки (или сапоги). А ntr.бу'n (имя какого-то лица) здесь ...и, господин, он (сейчас) находится (?) совсем рядом с нами. И, господин, сделай так — пришли его сюда к нам » (Лившиц, 1962, с. 152 — 153)[14].

Документ явно отражает заботу Девашгича о сборе и сохранении продовольственных запасов. Упоминание же отправки одной кольчуги и т.п., конечно, могло и не быть связано с какой-либо опасностью. Однако в сочетании с документами Б-3, Б-12, Б-20, Б-1 и Б-4, даже это упоминание приобретает, быть может, определенное значение—подготовку к предстоящим боевым действиям. Так, в документе Б-3 упоминаются 11 конских доспехов, доставленных из сел. Вешист (Лившиц, 1962, с. 151 — 154; Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 67), а в документе Б-12 —пять конских доспехов, 250 составных стрел (вероятно стрел, составленных из камышового древка и деревянных окончаний, такие стрелы были найдены на горе Муг) и 150 седел, доставленных из Заровода (Лившиц, 1962, с. 155 — 156; Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 48). О получении предметов вооружения (возможно, кольчужных перевязей, наручей, защищающих шею бармиц и т. п.) говорится также в документе Б-20 (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 66). Раздача кольчуг и других предметов вооружения ряду лиц из верхнезеравшанских селений отмечена и в документе Б-1 (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 43—47; Лившиц, 1962, с. 27, 39, 134, 151, 154, 159). О получении шлемов и кольчуг, с одеваемыми под них защитными рубахами, читаем мы и в документе Б-4 (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 65; Лившиц, 1962, с. 155, прим. 9).

Иное дело, что все эти приготовления не спасли ни Буттам, ни Девашгича, ни его сподвижников, — об этом помимо

[14] Несколько иной перевод этого документа см.: Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 76.

сообщения ат-Табари красноречиво свидетельствуют также следы разгрома в замке на горе Муг и пожарище в Гардани Хисоре. — но сие уже от Девештича не зависело: силы Девештича и Сулеймана ибн-Абу-с-Сари оказались явно неравны, а надежда на труднодоступность Паргара — ошибочной. Однако одолеть Паргар Сулейману Абу-с-Сари было далеко не столь просто, как это может показаться при поверхностном чтении сообщения ат-Табари. Дороги в Буттаме были действительно столь узкими, что большое количество воинов здесь было не нужно (потому-то Сулейман и отказался от подкреплений, предложенных ему Саидом ал-Хараши, после победы последнего над Карзанджем, по пути в Кеш). Тем же, кто под водительством Сулеймана преследовал Девештича, пришлось не только отразить натиск сподвижников пенджикентского князя возле сел. Кум, т.е., вероятно, у стен расположенной здесь крепости, но и вести длительную осаду замка на горе Муг: за это время Саид ал-Хараши и Сулейман ибн-Абу-с-Сари успели обменяться письмами, а Сулейман дважды вел переговоры об условиях сдачи (Девештича и покинутых им его приверженцев).

Еще И. Ю. Крачковский отмечал, что находки на горе Муг подтвердили удивительную точность приводимых ат-Табари сведений о событиях 721 — 722 гг. (Крачковская и Крачковский, 1934, с. 173).

Дешифровка документа NOV-3 и NOV-4 еще раз подтверждает это заключение: этот документ — экземпляр брачного контракта, принадлежавший Чате (Лившиц, 1962, с. 22—25), — будучи найден на горе Муг, хорошо согласуется с сообщением ал-Маданни о том, что в крепости, омываемой рекой Согд (Зеравшан), укрылись 100 семей пенджикентцев с женщинами и детьми. Однако тот факт, что ат-Табари не упоминает ни Гардани Хисор, ни крепости в сел. Кум, а замок на горе Муг описывает как омываемый Зеравшаном с трех сторон (в действительности же Зеравшан омывает его лишь с двух сторон, с третьей — протекает речка Кум — приток Зеравшана) —все это предостерегает от слепой веры в осведомленность и непогрешимость ат-Табари. Кроме того, ат-Табари упоминает только 100 семей пенджикентцев, которые были с Девештичем, вместе с тем из вышеприведенных писем Девештича известно, что с ним были и другие владетели, такие как Афарун и Ревахшйан и люди не только из Согда, Буттама, но и из Уструшаны. Однако, несмотря на все эти неточности и неполноту сообщения ат-Табари, он достаточно достоверно говорит о крепости Абаргар. По-видимому, замок на горе Муг тогда носил название Абаргар.

В результате событий 721 — 722 гг. были разрушены замок на горе Муг и поселение Гардани Хисор. Пострадали,

вероятно, и другие поселения и постройки Буттама. Как известно, тяжелые потери понес и стольный город Деваштича —столица Панча Пенджикент.Печальной была и судьба самого Деваштича: Саид ал-Хараши в конце концов распял его на погребальном склепе — наусе, на пути из Кеша в Рабинджан, после чего голова бывшего «царя Согда, государя Самарканда» была отправлена правителю Омару ибн-Хубейре, а левая рука — Сулейману ибн-Абу-с-Сари. Заключительным аккордом событий явилось смещение Саида ал-Хараши с должности наместника возмущенным его расправой с Деваштичем Омаром ибн-Хубейрой (Табари, 2, с. 1448, 1453; см.: Крачковская и Крачковский, 1934, с. 65 — 66).

Глава II. ВОПРОСЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Данные мугских документов и дополняющие их археологические материалы из раскопок в Буттаме позволяют осветить ряд вопросов хозяйственной жизни этого района в конце VII—первой четверти VIII в. Так, мы можем судить о земледелии, садоводстве и виноградарстве, животноводстве, отдельных ремеслах Верхнего Зеравшана этого времени, некоторых более общих вопросах, связанных с хозяйственной жизнью Буттама: об администрации и системе управления горными селениями Верхнего Зеравшана во время их подчинения владетелю Пенджикента, об определенной специализации отдельных селений, об уровне развития товарно-денежных отношений.

Верхним Зеравшаном в период, освещенный мугскими документами (примерно с 714 — 715 по 722 гг.), правил, судя по этим документам, как сам Девашгич, владетель Панча, так и фрамандар Утт. Девашгич управлял Буттамом, видимо, от случая к случаю, фрамандар же, как будто бы, постоянно управлял всем районом. Практически фрамандар был наместником пенджикентского князя в Верхнем Зеравшане, управляющим его дворцовым хозяйством. Он вел учет зерна и скота, поступивших (вероятно, в виде податей) из горных селений Искандара, Аншака и Заровода (док. Б-11), осуществлял контроль за выполнением приказов Девашгича о поставках, перевозках, и выдаче различных продуктов (док. Б-13, Б-15, А-2, А-3, А-6, А-16, А-18), выдавал предметы вооружения (док. Б-1), получал и выдавал кожи и кожевенные изделия (док. А-8 и Б-3). О значении этого крупного администратора свидетельствует и то, что все адресованные ему письма (кроме писем Девашгича) начинаются с пышного обращения, напоминающего обращения к самому князю: «господину, государю, великому оплоту, фрамандару Утту от его слуги такого-то». «Слуги», обращавшиеся к фрамандару, это и его (или Девашгича) уполномоченные, чиновники-админис-

траторы — Гмир, Апанак, Спадак—наблюдавшие за поставками, перевозками и выдачей продуктов и продовольствия в различных местностях (док. А-6, А-1, Б-11, Б-13, Б-15 и, возможно, Б-19), и арспаны отдельных селений (например, арспан селения Заровод — Хуфарн в документе Б-18); каковы были функции арспанов — не совсем ясно, но это, безусловно, какие-то должностные лица.[1]

Власть на местах осуществляли также владетели мелких районов, носившие, как и более крупные владетели и князья, титул Ywβw (кштутский и мадрушкатский в документе Б-7, курутский — в Б-16), и «сельские старосты» (kty'βs'yws) (документы Б-1 и Б-17)[2].

По приказам всех этих представителей власти отдельные лица или группы сельских жителей направлялись отбывать трудовую повинность—барщину (док. Б-7 и Б-9), переносили или перевозили грузы и перегоняли скот (см., например, док. Б-11). Помимо «работающих по принуждению» ('rkr'kt) в Паргаре в VII — VIII вв. были и наемные работники (mr'z) (Лившиц, 1962, с. 159 — 160; Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 9). Селения же или сельские общины выплачивали подати или налоги разными видами продукции: ячменем, пшеницей, вином, скотом и т.п. В казну поступали также пошлины за пользование мостами (док. А-13), вероятно, и от отдельных лиц и от селений. Из дворцовых запасов или податей отдельных селений получали, очевидно, плату за свой труд должностные лица паргарской (и пенджикентской вообще) администрации. Эти выдачи бывали денежными и вещественными (т.е. даровались вещи, оцениваемые в определенной сумме денег), (док. А-5), а также натуральными; последние особенно ярко представлены в документах А-16, Б-13 и Б-15: в первом из них речь идет о выдаче одному из близких ко двору Девештича лиц — Литпиру довольствия вином, в двух последних—зерном и скотом (овцами).

По мнению М. Н. Боголюбова и О. И. Смирновой, существовало и «дневное содержание» (rwcyk), упомянутое в документе А-6 (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 10, 76). В. А. Лившиц (1962, с. 141 — 142) оставлял это слово без перевода. Встречавшееся же в документах слово δβ'nk они предлагают переводить как «путевое довольствие» (Бого-

[1] Существуют разные мнения об арспанах. См.: Лившиц, 1962, с. 39, прим. 74; с. 154 и 177; Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 9.

[2] В. А. Лившиц относит к сельской администрации также «главу» (Ywyst, но, как он сам отмечает, пока не ясно, административный ли это титул или духовный чин. Еще менее обоснованно отнесение к местной администрации «старшего писца» (δeytpt), предлагаемое М. Н. Боголюбовым и О. И. Смирновой.

любов и Смирнова. 1963, с. 10, 67 — 68, 75 — 76), что, однако, оспаривается В. А. Лившицем, который переводит его просто как «зерно» (Лившиц, 1962, с. 136).

Дворцовое хозяйство располагало в Буттаме достаточным запасом продовольствия, предназначенным не только для выдачи местной администрации и отдельным лицам, но и для помощи страдающим от голода селениям; распоряжения Деваштича фрамандару Утту о необходимости таких выдач содержатся в документах А-2 и А-18, относящихся ко времени «правления» Деваштича Согдом и Самаркандом.

Особо следует отметить явную специализацию различных селений (или местностей) в поставках разных продуктов сельского хозяйства и ремесла дворцовому хозяйству на Верхнем Зеравшане. Так, из Хшиката доставлялись ячмень и вино (док. Б-10 и Б-2), из Фатьмева — пшеница (док. Б-10), Искодар поставлял, вероятно, фрукты (док. Б-13, Б-15) и зрено (док. Б-11). Вешист — предметы вооружения (док. Б-3. Б-4), Мадрушкат—кожи и кожаные изделия (док. А-4, А-8, В-3, А-10, В-5, В-19). Такая специализация поставок, объясняемая, скорее всего, местными (в том числе и природными) условими, отражала, по всей видимости, и своеобразную направленность хозяйственной деятельности отдельных местностей и селений в Верхнем Зеравшане.

Различная специализация разных местностей и селений не могла не вести к обмену между ними. Как осуществлялся этот обмен, мы не знаем. Скорее всего, это был все-таки натуральный обмен. Однако можно предполагать, что в то время развивались уже и денежные отношения. Находки монет здесь, правда, немногочисленны. В замке на горе Муг найдено шесть монет: серебряная драхма, чеканенная в Самарканде в конце VII — начале VIII в., в подражание образцу, восходящему к монетам сасанидского царя Варахрана V (421 — 438 гг.) (Смирнова, 1963, с. 58, № 8.), одна медная монета царя Согда, владетеля Самарканда Тархуна (там же, с. 73, № 144.), одна медная монета царя Согда, владетеля Самарканда Гурека (там же, с. 74, № 163) и три медные монеты пенджикентского владетеля Бидийана (Чикин Чур Бильги) (там же, с. 15, рис. 9). В Гардани Хисор найдены четыре медные монеты: Тархуна и Гурека, царицы Панча и чекана Уструшаны[3]. Недавно где-то в сел. Вашан (недалеко от Мадма) колхозники случайно нашли клад серебряных самаркандских драхм VIII — IX вв. (?)

Этих находок, конечно, недостаточно для того, чтобы говорить о широком развитии в Буттаме денежного хозяйства. Однако преуменьшать значение этих находок также не сле-

[3] Монеты из Гардани Хисор определила О. И. Смирнова.

дует. Нельзя забывать, что в Панче, в состав которого входил Верхний Зеравшан, и в особенности в дворцовом хозяйстве пенджикентского владетеля, товарно-денежные отношения в VIII в. были достаточно развитыми.

В ходе раскопок городища древнего Пенджикента, столицы княжества, ежегодно находят около сотни монет, в том числе медных, выпущенных владетелями Панча (там же, с. 3, 10). О развитом денежном хозяйстве говорят и мугские документы. Так, документ А-5 (Лившиц, 1962, с. 181 — 185; Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 51 — 54) представляет собой сводную запись денежных выдач лицам, близким к двору Деваштича. Документ А-11 (Лившиц, 1962, с. 185; Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 54 — 55) содержит сведения о денежных расходах, документ NOV-6 (Лившиц, 1962, с. 185 — 188; Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 49—51) — о денежных поступлениях. Интересно, что в этих документах в деньгах исчислялась пшеница (док. NOV-6), а также башмаки, шляпы, платье (документ А-5), коровы (док. А-5), пара быков (док. А-11), яхонты (док. Б-9) (Лившиц, 1962, с. 160—162; Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 55), стоимость возведения крыши или дома (док. А-5). Пожалования, судя по этим документам, также давались в деньгах, а если жаловались вещи, то указывалась их стоимость, и вместо вещей можно было, видимо, получить деньги.

В деньгах исчислялись подневные расходы или, что менее вероятно — доходы (док. Б-27) (Лившиц, 1962, с. 182 — 183; Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 55 — 56). В деньгах же фиксировались также расчеты в юридических документах — брачном договоре (док. NOV-3—NOV-4) (Лившиц, 1962, с. 17—45) и купчей на приобретение земельного участка (док. Б-8) (там же, с. 45 — 53). В деньгах исчислялась пошлина за пользование мостом (там же, с. 69 — 70). И лишь арендная плата за мельницу исчислялась не в деньгах, а в определенном количестве муки (док. В-4) (там же, с. 53 — 63).

Все мугские документы, упоминающие деньги, составлены, скорее всего, не в Буттаме, а в Пенджикенте, документ же NOV-3 — NOV-4, возможно, даже в Самарканде. Однако в некоторых из них перечисляются люди, как будто бы связанные с Верхним Зеравшаном. Так, Гон, упомянутый в документе А-5, значится и в документе на деревянной палке (Б-6), который был, видимо, составлен в Буттаме.[4] Все это — находки монет, тесная политическая и хозяйственная связь

[4] «...Хозяйственные документы из архива Деваштича, как, впрочем, и другие, исходящие из его канцелярии, написаны на бумаге или коже, тогда как канцелярии ramn'r-a и буттамских владетелей писали свои отношения, письма и т. д. на дереве (очищенных от коры ветвях)» (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 7).

Верхнего Зеравшана с Пенджикентом и, наконец, связь с денежным хозяйством Панча отдельных буттамцев или часто бывавших в Буттаме лиц — позволяет предполагать, что верхнезеравшанские селения не только знали деньги пенджикентского и общесогдийского (самаркандского) чекана, но и были в какой-то степени втянуты в товарно-денежные отношения, широкое развитие которых в Пенджикенте и при дворе его владетеля представляется несомненным.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Для всестороннего освещения хозяйства Верхнего Зеравшана VII — VIII вв. мы еще не располагаем достаточными данными. Мугские хозяйственные документы не дают нам полного представления о сельском хозяйстве, экономике и т. п. Сведения по этим вопросам авторов IX — XI вв. еще более ограничены. Однако, несмотря на фрагментарность данных мугских документов, письменных источников IX — XI вв., а также археологических материалов, все они вместе взятые позволяют осветить некоторые вопросы хозяйственной жизни Верхнего Зеравшана VII — VIII вв. Так, в частности, мы можем получить представление об основных сельскохозяйственных культурах начала VIII в., а также о садоводстве и животноводстве.

Зерноводство. Еще в 1933 г. в замке на горе Муг во время раскопок были найдены растительные остатки, в том числе косточки вишен, черешен, виноградные усики, части яблока, зерна ячменя, колос проса, черные бобы, семена хлопка (Данилевский и др., 1940, с. 480). Эти материалы по просьбе Таджикской базы АН СССР были исследованы сотрудниками кафедры истории технологии Государственной академии истории материальной культуры, в содружестве с сотрудниками Всесоюзного института растениеводства, Ботанического института АН СССР и кафедры лубяных волокон Института прядильных культур.

Согласно проведенным исследованиям среди растительных остатков из замка на горе Муг выделяется группа полевых культур, к которой относятся ячмень, пшеница, просо и черные бобы.

Ячмень. Об этой сельскохозяйственной культуре в Верхнем Зеравшане VIII в. мы можем судить и по находкам его зерен и по упоминанию ячменя в мугских документах.

В документе Б-10 из архива фрамандара Утта ячмень упоминается в следующем контексте: «И доставил Кг'г (имя собственное) 10 больших мер ячменя, а из Хсиканда (Хшиката. — *Ю. Я.*) он 27 больших (ячменя) привез... Из Хсиканда позднее привез пять больших мер и два кафча ячменя» (Лив-

шиц, 1962, с. 129). О поступлении, вероятно, в склады фрамандара Утта 8 больших мер (рδп) ячменя сообщается также в документе Б-20 (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 66). Эти сообщения дают возможность судить о тех количествах ячменя, с которыми имели дело фрамандар Утт и жители подвластных владетелю Панча (и фрамандару) буттамских селений.

По данным мугских документов, в Согде в это время существовали три меры объема: большая рδп, кафч и малый кафч. Размеры большой меры (рδп) неизвестны. Кафч же состоял из двух малых кафчей. Рδп состоял, вероятно, из определенного числа кафчей, причем не менее десяти. По мнению исследователей, кафч как единица объема равнялся приблизительно 8 кг зерна или 10 л жидкости (Лившиц, 1962, с. 62; Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 10). Рδп, таким образом, равнялся не менее чем 80 кг зерна или 100 л жидкости.

По этим расчетам, упомянутый в документе Б-10 Кч'ч доставил из одного лишь селения Хшикат за два раза 2576 кг ячменя (32 рδп+2 кафча), а всего через его руки прошло 3376 кг ячменя (42 рδп+2 кафча). Упомянутое же в документе Б-20 поступление ячменя равнялось 640 кг.

Все это немалое количество ячменя доставлялось, как мы вправе предполагать, из тех селений, где произрастала эта культура (в частности, из Хшиката). Таким образом, документы Б-10 и Б-20 свидетельствуют о том, что ячмень в Верхнем Зеравшане в начале VIII в. производился в относительно большом количестве.

Что же это был за ячмень? Согласно ботаническим определениям зерен ячменя с горы Муг, они принадлежали семейству Cramineae L, роду Hordeum (ячмень), виду Satiwum Jessen, (subsp), подвиду vulgare L (обыкновенный) (Данилевский и др., 1940, с. 481).

Основные характерные признаки мугских образцов ячменя: «1 — удлиненная форма зерна; 2 — отсутствие у некоторых зерен щетинки (при обмолоте в Средней Азии ячменей subsp — щетинка остается при колосовом стержне); 3 — характер самой щетинки и опушение ее... — зерна ячменя были взвешены и измерены в количестве 13 зерен, каждое в отдельности. Колебания в весе от 0,0540 до 0,0284 г; средний вес 0,0440 г. При пересчете веса на 1000 зерен получается 44 г.» (Данилевский и др., 1940, с. 481 — 483).

Результаты исследования показали, что ячмень, найденный в замке на горе Муг, очень близок к ячменям Северного Кавказа и Афганистана: 1000 зерен ячменя с Северного Кавказа весят от 37 до 47 г, а из Афганистана — от 32 до 45 г.

Сравнение зерен ячменя из замка на горе Муг с современными показывает, что они близки к одному из видов этой

культуры, засеваемых сейчас в Узбекистане, Таджикистане и Чимкентской области — Hordeum vulgare L., тысяча зерен которого весит от 45 до 52 г. Мугский ячмень лишь ненамного менее урожаен, чем современый вид этой культуры в Средней Азии. В то же время мугский ячмень превосходит по урожайности многие современные виды, как, например, нутан С-187 (вес 1000 зерен 37—42 г), производящийся в Центрально-Черноземной области, на юго-востоке и на Украине, а также в Казахстане и Киргизии; палидиум 43 (вес 1000 зерен — 32—36), культивируемый в Поволжье и на Северном Кавказе (Майсурян, 1964, с. 45—52).

Местные сорта ячменя, к сожалению, не подвергались еще тщательным лабораторным исследованиям, и мы не имеем возможности сравнивать мугские находки с местными сортами, которые до сих пор используются на Верхнем Зеравшане, в частности в Ягнобе. По дореволюционным сведениям, в Кухистане выращивались разные сорта ячменя: харджав, джавибопуст, джавидупахлунок, джави кабудтак, джави сафедак и, более редко, джави лучак или калчав. Известно также, что харджав составлял 17% всего сбора урожая ячменя Паргара, джавибопуст (палидиум) — 46%, джавидупахлунок (нутан) — 6,2%, джави кабудтак (хималаленз) — 44,9%, а джави сафедак (целесте) — 1,2% ячменного сбора (Сухобрус, 1939, с. 40).

Ячмень из развалин здания на горе Муг был, очевидно, кормового сорта (Данилевский и др., 1940, с. 482). Он выращивался, вероятно, специально на корм для лошадей и ослов и в ограниченном количестве; для этих же целей служил и сорт харджав, дававший, как мы уже видели, лишь 17% урожая ячменя дореволюционного Кухистана.

Пшеница. Исследование пшеницы из замка на горе Муг показало, что она представляла собой мягкую пшеницу — Triticum vulgare. Var. ferrugihcum Al относится к типу Sup.rigidum Phlaksb. Ее характерные признаки: форма остистая, ости красные, колосья красные, зерна красные. Индекс густоты D = 22,5, т. е. это рыхлоколосная форма (там же, с. 483). Эта пшеница до сих пор выращивается во многих районах Таджикистана, в том числе на Верхнем Зеравшане, хотя сейчас в Айнинском районе сеют в основном новые сорта пшеницы иродн гандуми сафедак 100Б и сурхак 262 и 5688, которые произведены из местных сортов и дают больше урожая, чем старые сорта (Майсурян, 1964,с. 43).

В хозяйственных документах мугского архива приводятся данные о поступлениях и расходах пшеницы, доставлявшейся из селений Паргара. Например, в документе Б-10 сообщается, что «из Фатьмева 10 больших мер пшеницы и два кафча привез. А ранее из Фатьмева 10 больших мер пшеницы при-

вез» (Лившиц, 1962, с. 128; Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 34).

Таким образом, из Фатьмева за два раза привезли 20 больших мер (pδn) и два кафча, что составляет не менее 202 кафчей, или 1616 кг пшеницы. У нас нет данных для определения количества пшеницы, ячменя, гороха и других видов зерна, которое в течение одного года отдавало Деваштичу отдельное селение. Поэтому трудно судить, какую часть ежегодной подати сел. Фатьмев составляли 1616 кг зерна. Но как бы то ни было для VIII в. такое количество пшеницы было, вероятно, немалым. Пшеница упоминается также в документах Б-2, Б-8 и NOV-6: в них говорится о расходе пшеницы со складов в разное время. Названия складов или мест, где они находились, не приводятся. Но, очевидно, речь идет о складах Верхнего Зеравшана, скорее всего, принадлежавших Деваштичу и находившихся в распоряжении фрамандара Утта. В документе Б-2, говорится: «Месяца γwryznγcy, день 'zmwγtγ—zwc. И доставлено из Хшиканда четыре с половиной меры (pδnyh вина). И тут же я израсходовал из этого вина в тот день для вечерней трапезы три малых кафча вина. День mrspnt—rwc. И я израсходовал пять малых кафчей вина... И ту пшеницу я доставил из srβwγ (из какого места). И я израсходовал два кафча и один малый кафч пшеницы и два кафча и три малых кафча вина. День spntrmtrwc. И я израсходовал один кафч вина. День rt't—rwc γβw (т. е. Деваштич) здесь ел. И я израсходовал два малых кафча пшеницы и кафч и два малых кафча вина. И я израсходовал один малый кафч пшеницы и один кафч и два малых кафча вина. И я получил от Спадака 19 малых кафчей сполна пшеницы. Месяц nysnycy. И израсходовал от дня rtt—rwc до (дня) γws—rwc четыре кафча пшеницы, девять кафчей вина и три малых кафча» (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 30).

В документе указываются приход и расход вина и пшеницы за три дня второго месяца и 8 дней третьего месяца согдийского календаря. За 11 дней было израсходовано около 150 л вина, а за 5—6 дней — 50 кг зерна.

Очевидно, эти расходы делались из государственного склада для государя, фрамандара и других высокопоставленных представителей пенджикентских властей и их приближенных.

Просо. Просо упоминается в мугских документах лишь один раз — в документе Б-5 сообщается о получении фатьмевцами (жителями сел. Фатьмев) 40 кафчей (т. е. 320 кг) проса. Эти данные дополняются находками проса в замке на

Находки в Кумской крепости еще не подвергались специальному ботаническому исследованию.

Ботаническим же определением проса, найденного в замке на горе Муг, установлено, что в VIII в. в Паргаре, возделывалось просо типа — Echinochloa crus galli (L) Roem et Schult, так называемое «куриное просо» или таджикский «курмак». Кроме «курмака» паргарцы выращивали и посевное просо — Panicum miliaceum L. (Данилевский и др., 1940, с. 484).

Просо очень своеобразное растение — оно не требует много воды и плодородной почвы. Оно растет и дает высокие урожаи и в таких местах, где мало воды и земля каменистая, а таких мест в горных районах Верхнего Зеравшана очень много. Крестьяне дореволюционной Средней Азии от проса получали большие доходы. Его в большом количестве сеяли в Паргаре, Матче, Ягнобе, Дарвазе и на Памире. Старые сорта проса сейчас сеют в малом количестве на Памире, в Дарвазе и на Верхнем Зеравшане. Просо, найденное в замке на горе Муг, соответствует дарвазскому. Этот сорт — Panicum miliaceum L. растет на высоте до 2400 м и поспевает через три месяца после посева (Баранов и Райкова, 1928, с. 4). Иными словами, просо в VII—VIII вв. можно было выращивать почти во всех селениях Верхнего Зеравшана.[5]

Бобы. В документах с горы Муг бобы не упоминаются, но при раскопках замка были найдены их семена. 24 экземпляра семян черных бобов с горы Муг были подвергнуты ботаническому определению, которое показало, что они принадлежат к виду бобов Vicia faba L. (бокле).

Образцы бобов (Vicia faba L.) из ископаемых остатков весьма сходны с ныне возделываемыми в Таджикистане, которые бывают обычно мелкосемянные и, как все азиатские, характеризуются своеобразной формой семян, совершенно отличной от формы тех, которые распространены в европейских и среднеазиатских странах. Они угловаты и почти одинаковы по длине и ширине. Встречаются две формы: черносемянная и сероватого цвета. Длина семян обычно колеблется от 80 до 90 мм, ширина от 75 до 85 мм и толщина от 60 до 70 мм (Данилевский и др., с. 484).

На Верхнем Зеравшане бобы сеют и сейчас, причем используют такие сорта, как бокле, лубиё и др.

горе Муг и в четырех помещениях крепости возле сел. Кум.

[5] В дореволюционное время и сейчас в Верхнем Зеравшане также выращивают кунак — Panicum Italicum L. Кунак на вид очень похож на просо, однако не крупнее, по существу он заменял рис. Из него готовили молочную кашу, вкусные супы и лепешки. Кунак, как просо, не только служил пищей домашним птицам, но употреблялся в пищу крестьянами. Не исключена возможность, что кунак мог использоваться, наряду с просом, и в Паргаре VII—VIII вв.

Академик Н. И. Вавилов, исследуя историю культурных растений Таджикистана, писал, что его флора «входит в состав одного из важнейших мировых очагов происхождения культурных растений» (Вавилов, 1956, с. 565). Он указывал, что Таджикистан является ключом для понимания эволюции таких культурных растений, как горох и бобы. Находки в замке на горе Муг подтверждают заключение Н. И. Вавилова.

Горох в раскопках Верхнего Зеравшана еще не встречался, но он упоминается в одном из мугских документов Б-8. Документ этот сильно пострадал, и место, где было указано количество гороха, не сохранилось. Тем не менее ясно, что в нем речь шла об израсходовании какого-то определенного числа кафчей гороха (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 32).

О том, какие сорта гороха выращивали в Верхнем Зеравшане в VII — VIII вв., судить трудно. Можно лишь предполагать, что это были те же сорта, которые распространены в современном сельском хозяйстве Верхнего Зеравшана. Сорт гороха Pisumsa livum (мулк) распространен сейчас в районе Верхнего Зеравшана, в Шахристане, Даштиджуме, в Дарвазе и в Горном Бадахшане. Он рассматривается как особый азиатский подвид Sp. asiaticum. Он, как и просо, хорошо растет на каменистых и песчаных местах, но в отличие от проса, любит воду и нуждается в постоянном орошении. Ныне на Верхнем Зеравшане растет также другой сорт гороха—нут—Cicer arieírnnuw L (нахут). Зерно его намного крупнее мулка. Другой отличительной чертой нахута является то, что он, как и просо, не нуждается в постоянном уходе и орошении.

До недавнего времени местные крестьяне смешивали мулк и нахут с пшеницей или ячменем, употребляя эту смесь в пищу; сейчас эти сорта гороха выращиваются на корм скоту.

В некоторых документах мугского собрания, особенно в письме Девашгича фрамандару о выдаче зерна голодающим жителям Верхнего Зеравшана, говорится о зерне без указания, идет ли речь о пшенице, ячмене, просе, бобах или горохе.

Приведем некоторые из этих писем. Документ А-2: «От согдийского царя, самаркандского государя Девашгича фрамандару здравие. И когда мое письмо получишь, то в Иски Разре (видимо: сел. Рарз) голодным людям 300 кафчей (т. е. 2400 кг) зерна следует выдать, и никакого промедления не делать» (Лившиц, 1962, с. 136 — 137). Документ А-18: «От согдийского царя Девашгича фрамандару здравие. Тем (людям), относительно которых я тебе так приказываю: «зерно (им) выдай!» — ты не выдаешь. Тогда тем, которым тебе не следует (выдавать), ты выдаешь? И, по слухам («по такому слуху»), ты очень уж беспечен. Ведь я тебе послал

такое письмо: «Озрунбцах (?) позаботиться, ты им должен выдать зерно, чтобы от голода они не бедствовали». А сейчас они пришли и так говорят: «Ничего мы не получили». И когда вот (это) письмо получишь, выдай (им) 200 кафчей (т. е. 1600 кг) зерна. От согдийского царя Деваштича фрамандару Утту. А зерно (его) они все сами разделят между собой» (там же, с. 133).

Из этих двух документов видно, что фрамандар должен был выдать голодающим жителям Верхнего Зеравшана 4000 кг зерна. Название зерна не указывалось. Вероятно, Деваштич это оставлял на усмотрение самого фрамандара.

О выдаче зерна говорится и в документах А-3 и Б-13, а в документе Б-11 некий Спадак сообщает фрамандару, что «из Заравадка [Зароводa], из Скатера и из Аншака (?) привезли зерно. И ты его все зарегистрируешь («перепишешь») и пришлешь сюда. И, господин, этим людям (которые привезли зерно) там у тебя никакой остановки (?) не приказывай делать. Пусть они идут ко мне («сюда ко мне»). А что касается людей, которые у тебя получили («взяли») зерно, то всех их имена мы переписали, но (и) ты должен составить на них ведомость, прикажи также записать имена их всех, и прикажи ее (ведомость) отослать нам сюда» (Лившиц, 1962, с. 147).

В этом документе также сообщается о перевозке зерна из селений Верхнего Зеравшана, хотя вид его и не указывается.

Все эти данные говорят о том, что Буттам в VII — VIII вв. был одним из зерновых районов и выращивал зерно в довольно большом количестве.

Пшеница и ячмень, как и сейчас, сеялись, вероятно, осенью и зимою на орошаемых землях. Просо же и горох могли выращиваться и на неорошаемых участках, причем просо сеяли, по-видимому, ранней весной.

Садоводство занимало важное место в хозяйстве Верхнего Зеравшана VII — начала VIII в. В замке на горе Муг были найдены орехи разного сорта, абрикосы, персики, яблоки, виноград, миндаль. В крепости у сел. Кум и в Гардани Хисор также были найдены орехи, косточки персика и абрикоса.

Косточки слив, вишен, яблок, абрикосов, персиков, а также виноград, джида и другие фрукты отмечены и в археологических памятниках близлежащих районов VII — VIII вв. (Гайдукевич, 1946, с. 10; Большаков и Негматов, 1958, с. 178 — 187).

Эти фрукты и сейчас растут во многих районах Средней Азии, в том числе и в верховьях Зеравшана.

Ботаническое определение косточек персика из замка на

горе Муг показало, что они принадлежат культурному крупноплодному сорту — Amugdalus persica L., который и сейчас растет в Таджикистане и Узбекистане (Данилевский и др., 1940, с. 485).

Ботаническое определение косточки абрикоса показало, что мугский абрикос тоже относится к культурному сорту, который сейчас растет в Паргаре и играет существенную роль в питании населения, а также в товарообмене.

Действительно, по всему Верхнему Зеравшану абрикос является одним из любимейших плодовых деревьев. Он встречается во всех садовых насаждениях верхнезеравшанских селений до высоты в 2000 м, хотя в верхних селениях данной зоны — лишь как одиночное дерево.

В селениях Верхнего Зеравшана известно более 30 разновидностей абрикосов. Продукты таких сортов, как махтаби I — II, ходжмири, кандак-корсаки, кандак-джойдори, ширпайванд, сафедаки I — II, муслими, шохшикан, искодари, шабширак, арбобы, бобои, кошифи и др. широко известны не только в Средней Азии, но и по всему Союзу. Сушеный абрикос у населения Кухистана был не только продуктом питания, но и предметом сбыта на ближайших базарах и в соседних районах Средней Азии.

Несомненно, многие из этих сортов абрикосов выращивались в VII — VIII вв.[6]

Судя по мугским документам, население Буттама вносило в виде налога государству ежегодно определенное количество сушеных фруктов, которые частично расходовались на жалование государственным служащим, т. е. управленческому аппарату княжества Панч. Так, уже известный нам Спадак в своем письме фрамандару (док. Б-13) пишет, что государь, т. е. Деваштич, «и дал Литпиру половину (довольствия) из Скатара, и дал он ему эту половину (состоящей) из фруктов. И, господин, кроме фруктов (ему) ничего другого не посылай» (Лившиц, 1962, с. 144).

В мугских документах не упоминаются названия фруктов. Поэтому мы не знаем, какие фрукты в виде «государственного довольствия» получил Литпир, но сам факт выдачи ему такого «фруктового довольствия» несомненен.

В мугских документах часто речь идет о поступлении и о расходах продуктов виноградарства. Как было отмечено

[6] Великолепные персики, привезенные в VII в. из Самарканда в Китай, произвели большое впечатление на китайцев. Эти персики были так велики, как гусиные яйца, а цвет их был подобен золоту, и их назвали в Китае «золотыми персиками». Это наименование вошло в китайскую литературу, как символ замечательных и таинственных для китайцев зарубежных продуктов и товаров. Современный американский ученый Э. Шефер свой труд, посвященный ввозу в Китай из других стран, образно назвал «Золотые персики Самарканда» (Schafer, 1963, p. 111).

выше, в документе Б-2 сообщается, что в «месяце» γwrγznγ̊ycy день zmwγtγ—rwc̊ «было доставлено из Хсиканда четыре с половиной меры (δnyh) вина» (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 30). Если одна такая мера равняется десяти кафчам, а один кафч—10 л, то из Хшиката в этот день было доставлено 450 л вина.

Из этого же документа следует, что за 11 дней из этого вина были израсходованы 150 л, т. е. среднем 13—14 л в день.

В документе Б-9 говорится: «И взял (и) ту фрамандарову кладь: nwc̊—пять кафчей вина, и tymsyr̊ — три кафча вина, и βrtksyr̊—пять кафчей вина; и γwn взял пять кафчей pγt; и pstn (r) wk — пять кафчей pγt;n βγstyn̊ — пять кафчей вина; и pyw/r (?) — пять кафчей вина; и γwt'ynβntk — пять кафчей вина; и βγgrrn—пять кафчей вина; и tynt—пять кафчей; pγt и nprm (?) четыре кафча 'pγt». В документе идет речь о клади, принадлежащей фрамандару и состоящей из двух продуктов—вина и pγt (там же, с. 33).

М. Н. Боголюбов и О. И. Смирнова считают, что кладь состояла из двух видов вина. Одно из них было «вареное вино» (там же). Кладь из одного места на другое доставили 11 человек. Один из них перенес 3 кафча, другой 4 кафча, а остальные 9 человек по 5 кафчей вина каждый. Если считать, что один кафч равен 10 л вина, то кладь состояла из 520 л вина.

В документе А-16 сообщается: «от согдийского царя, самаркандского государя Деваштича фрамандару Утту — здравие, много почтения. И когда мое письмо получишь, то ... Литпиру благовонного вина выдать следует, того, которое служанки пьют, и промедления не делать. А его (-вина) остаток следует запечатать, и его так (запечатанным) следует хранить» (Лившиц, 1962, с. 139).

Из этих документов следует, что в начале VIII в. на Верхнем Зеравшане, в Паргаре вино делали и употребляли в большом количестве, причем, были разные вина, видимо, разных сортов и выдержки, хотя остается неизвестным, сколько лет выдерживали здесь старые вина.

Как известно, согдийцы в IV—VIII вв. расселились вдоль древних путей, нередко и далеко за пределами Согда, в частности, в Восточном Туркестане. Для нас в данной связи интересно, что один из основанных согдийцами городов в VII в. назывался виноградным — в центре его имелся виноградник (Pelliot, 1916, с. 122). Согдийское обозначение

вина — тюбу (в документах с горы Муг — тбю) происходит, как считал Г. Бейли, из древнеиранского маби, авестийского маби — «вино». Из согдийского оно перешло в таджикско-персидский язык как «мул». С другой стороны, из согдийского или родственного ему ферганского языка происходит китайское название вина — ви́-да́и (Bailey, 1954, p. I—II), что еще раз подтверждает вывод о том, что в Китай искусство виноделия попало из Средней Азии. Показательно, что в «Худуд ал-Алем», автор которой обычно включал Буттам, и следовательно, Паргар, в Уструшану, упоминается о набиз نبيذ — вине (Худуд ал-Алем, 1930, л. 23б).

Китайские источники сообщают, что в Согде «много виноградного вина. Богатые дома содержат его до 1000 дней, и оно несколько лет не портится» (Бичурин, 1950, с. 172). Это сообщение можно, видимо, отнести и к столь дальнему району Согда как Паргар, равно как и ко всему Пенджикентскому княжеству. Как приготавливали вино в Паргаре, мы не знаем. Однако находка винодельни в пригороде древнего Пенджикента VII — VIII вв. позволяет предполагать, что и в Паргаре его изготавливали таким же образом: открытая в Пенджикенте винодельня включала площадку-давильню с резервуаром и сток, по которому виноградый сок стекал в большой сосуд (хум), стоящий в специальном углублении (Большаков и Негматов, 1958, с. 189).

Интересно, что в «Науруз-наме» Омара Хайяма (1961, с. 216 — 218), описывается примерно такой же способ приготовления вина.

Омар Хайям так рассказывает о появлении вина: по приказу царя «в саду поставили чан, и, выжав сок винограда, наполнили им чан... когда сок в чану стал бродить, садовник пришел и сказал царю: «Этот сок кипит, как вода в котле, без огня. Из него выходит (газ?)». Царь сказал: «Когда он успокоится, сообщи мне». Однажды садовник увидел, что сок стал прозрачным и ясным, блестел как красный рубин» (там же). После испытания этого сока люди стали пить вино.

Хамдуло Казвини сообщает, что в Хорасане и Средней Азии возделывалось более ста сортов винограда. Виноград из Бухары и Самарканда был известен далеко за пределами Средней Азии. (Более подробно о сортах винограда Ирана и Средней Азии в X—XIV вв. см.: Петрушевский, 1960, с. 222—226; Давидович, 1961, с. 27).

Животноводство. Большое значение в хозяйстве Верхнего Зеравшана рассматриваемого периода имело и животноводство. Так как в горных условиях крестьянам легче кормить мелкий скот, его в Паргаре было, видимо, больше, чем круп-

ного рогатого скота. Во всяком случае, бараны и овцы, кожи и шкуры от этих животных (Якубов, 1973, с. 18 — 24) упоминаются в мугских документах гораздо чаще, чем быки, коровы и их кожи и шкуры.

В документе Б-13 говорится, что государь Деваштич приказал задержать поставки продуктов, которые были назначены Литпиру. «А мне здесь (государь) приказал выдать Литпиру 200 кафчей зерна, и (еще) ему 50 овец приказал (выдать) — тех, овец, что у меня есть, их он и приказал (выдать)» (Лившиц, 1962, с. 144).

Письмо был написано Спадаком, одним из чиновников Деваштича фрамандару Утту. Кто такой Литпир — неизвестно, но для нас это не имеет значения, важно, что ему сразу выдали 50 овец.

В документе Б-11 тот же Спадак пишет фрамандару: «Из Заравадка тебе я послал с Аштатчем 63 овцы. И тем (овцам), которые до тебя дойдут, ты им составь очень подробную ведомость» (Там же, с. 148).

В документе В-11 сообщается, что за десять дней в Пенджикенте съели 12 овец и двух баранов (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 36).

Все эти данные позволяют говорить о большом количестве овец в Буттаме VII—VIII вв. От овец получали не только молоко и мясо, но и шерсть.

Как уже было отмечено выше, из овечьей шерсти изготовляли ткани, кошмы, паласы, одежду, веревки и другие бытовые изделия.

Среди шерстяных изделий в замке на горе Муг больше всего вещей из белой овчьей шерсти. Однако попадается также черная и коричневая шерсть.

Очень важно для нас сообщение документа NOV-1, где говорится, что из шкуры ягнят изготовляли разные одежды типа плаща или тулупа и др. (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 38).

В документе упоминаются плащи, на которые израсходовано только 5 — 6 шкур. Но говорится и об одеждах, на которые пошло от 30 до 50 шкур ягнят: из 30 шкур изготовлен плащ для фрамандара Утта, из 50 — плащ для пенджикентского государя Деваштича.

Как известно, для парадных одежд используются шкуры не простых, а каракульских овец. Вполне вероятно, что и в Паргаре VII — VIII вв. наряду с другими породами овец разводились и каракульские.

В Согде в то время существовали и курдючные овцы. Об этом свидетельствует сообщение китайских источников, из которых видно, что в Самарканде выращивались овцы с «громадным тяжелым хвостом» (Schafer, 1963, p. 75).

Среди мугских кожевенных находок есть много фрагментов козлиных кож и шкур, в том числе большой фрагмент шкуры белого козла и фрагменты необработанных шкур, с остатками черной, серой и рыжей козлиной шерсти.

Из козлиной шерсти были сделаны также найденные на горе Муг десятки шнуров и веревок из белой и рыжей шерсти. Таким образом, отсутствие сведений о козах в мугских документах не означало, что в Верхнем Зеравшане VII — VIII вв. их не разводили.

Из крупного рогатого скота в мугских документах упоминаются корова и бык. Так, в документе А-5, говорится: «за II драхм я купил корову, ту, которую на (празднике) новогоднем(?) съели» (Лившиц, 1962, с. 182). В документе же А-11, сообщается: «получил 12 драхм на (за) два вола, т. е. за пару быков» (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 54). Таким образом, корова в VII — VIII вв. в Паргаре стоила почти в два раза больше, чем бык: за нее уплатили II драхм, а за каждого быка по 6 — 7 драхм. Очевидно, такая высокая цена на коров свидетельствует о том, что корова ценилась не только как источник мяса, но и как источник молока.

Из домашних животных в документе А-5 упоминается также лошадь, купленная за 200 драхм (Лившиц, 1962, с. 182; Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 51). Это говорит о высокой стоимости лошадей в начале VIII в. Лошади были не только рабочим скотом, но использовались преимущественно в кавалерии, а конный воин играл тогда большую роль в согдийском войске вообще.

В условиях Кухистана высоко ценились в начале VIII в. и ослы. Они выполняли, очевидно, такую же роль, как и сейчас, — служили для перевозки самых разнообразных грузов, а также и для верховой езды. В мугских документах не упоминается стоимость осла, но о его ценности позволяет судить письмо мелкого владетеля Афаруна некоему Закатчу. В этом письме говорится об осле, который не может ходить и поэтому не может быть приведен к Афаруну, князек велит отправить его на крепкой лошади (Лившиц, 1962, с. 158).

РЕМЕСЛА И РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Документы и вещественные находки в замке на горе Муг и на других археологических памятниках Верхнего Зеравшана позволяют осветить вопрос о некоторых ремеслах и ремесленном производстве этой области в VII — VIII вв. Такие постройки, как крепость в сел. Кум, Гардани Хисор, замок на горе Муг, сооруженные с большим умением и знанием строительного дела и строительных материалов,

свидетельствуют о высоком профессиональном мастерстве возводивших их людей. Безусловно, ремеслом была также работа по дереву (находки в Гардани Хисор). Существовало в Буттаме, судя по находкам в замке на горе Муг, крепости в сел. Кум и в Гардани Хисор, также и керамическое производство (хотя часть сосудов явно привозилась из ремесленных центров Согда, в первую очередь, видимо, из Пенджикента). Более детально о ремесленном производстве Верхнего Зеравшана VII — VIII вв. мы можем судить на примере ткацкого, кожевенного и кузнечного дела.

Ткани и ткацкое ремесло. Ткачество в Средней Азии в начале VIII в. было одним из наиболее развитых ремесел. Многочисленные и разнообразные материалы о тканях VII — VIII вв. получены при раскопках замка на горе Муг. Ценные данные о тканях этого времени дали также стенные росписи Пенджикента, Варахши, Балалыктепе, Шахристана, Афрасиаба (Беленицкий, 1958, 1973; Шишкин, 1963; Альбаум, 1960; Негматов, Хмельницкий, 1966).

Следует, однако, подчеркнуть, что и мугские находки, и стенные росписи не дают возможности говорить о каких-либо локальных текстильных центрах, но дают лишь общее представление об уровне среднеазиатского ткачества и о тканях, использовавшихся в то время в Средней Азии. Поэтому, характеризуя ткани с горы Муг, мы отнюдь не связываем их только с Буттамом или Пенджикентским княжеством. Но в то же время сам факт находки их в центре Верхнего Зеравшана в комплексе начала VIII в. позволяет предполагать, что они или подобные им ткани могли использоваться и даже изготовляться (особенно карбосы и шерстяные ткани) и в буттамских селениях VII — VIII вв.

Карбосы.[6] Во время раскопок на горе Муг было найдено более 100 фрагментов хлопчатобумажной ткани типа карбосов, которые, бесспорно, были продукцией согдийцев начала VIII в. Мугские карбосы можно разделить на шестнадцать групп. Приведем сводные характеристики каждой из таких групп.

Первая группа (табл. 1) по количеству найденных образцов занимает первое место среди мугских карбосов. Они очень плотные, нитки их ровные, переплетение полотняное (и в других группах тоже). Среди карбосов этой группы два образца (СА 8918 и СА 8919) отличаются тем, что нити основы и утка не очень плотно переплетены (хомбоф), хотя пряжа у них нормального кручения, нити ровные, хорошие.

[6] Карбосы специальному лабораторному исследованию не подвергались. Даны визуальные определения.

Их переплетение зависело, вероятно, от индивидуальных особенностей ткача, и было бы неправильным выделять эти два образца в разные группы карбосов.

Карбосы 2-й и 3-й групп (табл. I) близки и по качеству, и по плотности ткани. Они отличались хорошим качеством, были, вероятно, широко распространены в Согде VII—VIII вв.

Почти все карбосы 4 — 6-й групп (табл. 1) сделаны из ровных белых нитей хорошего кручения. Близки они и по качеству и плотности ткани, хотя, казалось бы, карбосы 6-й группы должны быть более качественными. Однако разница между ними еле различима. Вряд ли существенны и различия в количестве нитей утка и основы на 1 см² между тканями, объединенными нами в одну—6-ю группу. Количество нитей в разных местах одного и того же куска карбоса не всегда совпадает. Так, в одном месте их может быть 18 на 12, в другом 18 на 11, 18 на 10 или 19 на 11 нитей.

Карбосы групп 7а и 7б (табл. 1) менее качественные. Нити основы и утка у них более грубые и толстые. Однако большинство из них плотные и на вид кажутся даже тканями хорошего качества. Из 7-й группы карбосов, очевидно, изготовляли рабочую одежду. В этой группе есть несколько карбосов, у которых нити слабого кручения.

Карбосы 8-й группы (табл. 1) еще более грубые, чем 7-й. Нити и основы утка в них толстые и грубые. Но переплетение у большинства образцов хорошее.

9-я группа (табл. 1) карбосов сделана из хлопка более низкого качества, нити очень грубые и неровные. Эти ткани предназначались, видимо, для рабочей одежды. Из них делались также мешки и другие предметы домашнего обихода: образец СА 9030 был нашит внутрь крышки из переплетенных прутьев.

Карбос 10-й группы (табл. 1) единственный образец хорошего плотного переплетения. Количество нитей в утке и в основе почти равное и сходной толщины, что придает карбосу вид ровной плотной ткани.

11-я группа (табл. 1) объединяет карбосы также очень качественные. Они изготовлены из хлопка хорошего сорта. Их нити ровные, хорошего кручения.

Карбосы 12-й группы (табл. 1) очень качественные. Нити — из хлопка хорошего сорта. Ткани аккуратные и плотные. Из них могли изготавливаться и парадные одежды.

13—14-я группы (табл. 1), особенно 14-я объединяют одни из лучших сортов хлопчатобумажных тканей мугского собрания. Нити основ тонкие, ровные, хорошего кручения. Хорошим качеством отличаются и нити утка, плотность которых в 14-й группе почти равна плотности нитей основы.

Таблица 1

КАРБОСЫ ИЗ ЗАМКА НА ГОРЕ МУГ

Шифр	Кручение	Плотность на 1 см²		Цвет
		основа	уток	
	Группа 1			
CA 8986	Нормальное	20	9	Белый
CA 8922	.	21	9	.
CA 9186	.	20	9	.
CA 8876	.	20	10	.
CA 8877	.	20	10	.
CA 8888	.	20	10	.
CA 8894	.	20	10	.
CA 8902	.	20	10	.
CA 8903	.	20	10	.
CA 8918	.	20	10	.
CA 8919	.	20	10	.
CA 8920	.	20	10	.
CA 8922	.	20	10	.
	Группа 2			
CA 8881	Хорошее	21	11	Белый
CA 8882	.	21	11	.
CA 8912	Нормальное	21	11	.
CA 8927	.	20	12	.
CA 8933	Хорошее	21	11	.
CA 8953	Нормальное	21	12	.
CA 9012	.	20	12	.
CA 9054	Хорошее	20	12	.
CA 9156	Нормальное	20	12	.
CA 8879	Хорошее	22	12	.
CA 8892	.	22	12	.
	Группа 3			
CA 8900	Хорошее	22	11	Белый
CA 8901	.	22	11	.
CA 8908	.	22	11	.
CA 8911	.	22	11	.
CA 9051	.	22	11	.
CA 9011	.	22	12	.
	Группа 4			
CA 8889	Нормальное	18	9	Белый
CA 9038	Слабое	18	9	.
CA 9042	Нормальное	18	8	.
CA 9044	.	17	8	.
CA 9045	.	17	8	.
CA 8923	.	18	8	.

Продолжение табл. 1

Шифр	Кручение	Плотность на 1 см²		Цвет
		основа	уток	
	Группа 5			
СА 8877	Нормальное	18	11	Белый
СА 8883	.	17	11	.
СА 8884	.	18	11	.
СА 8885	.	17	11	.
СА 8886	.	18	10	.
СА 8984	.	18	10	.
	Группа 6			
СА 8898	Нормальное	18	13	Белый
СА 8929	.	18	12	.
СА 8939	Хорошее	19	12	.
СА 8899	.	19	10	.
СА 8891	.	19	10	.
	Группа 7а			
СА 8926	Слабое	15	9	Белый
СА 9037	Нормальное	15	9	.
СА 8922	.	15	9	.
СА 8925	Слабое	15	9	.
СА 8952	Нормальное	17	10	.
СА 9040	.	16	9	.
СА 9052	.	16	10	.
	Группа 7б			
СА 8890	Нормальное	16	11	Белый
СА 8907	Хорошее	15	12	.
СА 8982	.	15	13	.
СА 8890	.	16	11	.
КИ 708	.	16	12	.
И 1990	.	16	12	.
	Группа 8			
СА 8896	Слабое	13	8	Белый
СА 8921	Нормальное	14	9	.
СА 8930	.	13	10	.
СА 8976	.	14	8	.
СА 9030	Слабое	18	8	.
СА 9046	.	13	7	.
СА 9046	.	13	7	.

Продолжение табл. 1

Шифр	Кручение	Плотность на 1 см²		Цвет
		основа	уток	
	Группа 9а			
СА 8913	Слабое	10	10	Белый
СА 9030	.	9	7	.
СА 9158	.	11	7	.
633 / 70—17	.	11	7	.
	Группа 10			
СА 8916	Хорошее	18	16	Белый
	Группа 11			
СА 8905	Хорошее	21	14	Белый
СА 8906	.	21	14	.
СА 8910	.	22	15	.
СА 8914	.	22	14	.
СА 8915	.	22	14	.
СА 9002	.	21	13	.
	Группа 12			
СА 8880	Хорошее	25	15	Белый
СА 8898	.	24	14	.
СА 8904	.	24	13	.
СА 8975	.	24	12	.
СА 8984	.	22	14	.
СА 8985	.	20	15	.
	Группа 13			
СА 8917	Хорошее	26	11	Белый
СА 8928	.	26	12	.
СА 9058	.	26	12	.
СА 9047	.	22	22	.
	Группа 14			
СА 8885	Хорошее	25	24	Белый
СА 9001	.	24	23	.
	Группа 15			
СА 8932	Хорошее	30	17	Белый
СА 8977	.	30	13	Оранжевый
СА 9089	.	30	14	Белый
СА 9041	.	30	12	.
СА 9048	.	30	14	.
СА 9050	.	30	12	.
	Группа 16			
СА 8934	Хорошее	34	34	Белый
СА 9014	.	34	26	Красный
СА 9049	.	32	22	Белый

В 15-й группе (табл. 1) карбосов нити основы изготовлены с большим мастерством. Они тонкие, ровные, хорошего кручения. По числу нитей на 1 см² эти ткани сходны с некоторыми шелковыми тканями. Однако нити утка у карбосов этой группы грубоватые, местами даже с бугорками.

Карбосы 16-й группы (табл. 1) представляют самый лучший сорт хлопчатобумажных тканей VIII в. По тонкости пряжи и плотности переплетения они не уступают шелковым тканям. Особо следует остановиться на образце карбоса СА 9014. Основа его состоит из окрашенных красной краской нитей, а уток белый. Нити этого карбоса столь тонкой работы, что на первый взгляд их можно даже принять за шелковые, особенно красные нити основы.

Интересно было бы сравнить карбосы горы Муг с другими карбосами Средней Азии этого периода и проследить общее развитие текстильного ремесла этого времени. Но, к сожалению, пока у нас таких данных очень мало.

Несколько фрагментов карбосов найдено в Тешик-Кале, в замке №36 и Якке-Парсен в Хорезме. В публикации Е. Е. Неразик не приводит количество нитей основы и утка тканей, она лишь отмечает, что они по виду не отличаются от современной среднеазиатской маты (Неразик, 1966, стр. 98).

Во время археологических работ на памятнике Тепаи Муборакходжа в 1971 — 1972 гг. в Нуреке автором найдено много фрагментов лепной керамики с матерчатым шаблоном. Памятник датируется VIII — X вв. н. э. На 16 фрагментах хорошо сохранились следы ткани. По всей вероятности, они были хлопчатобумажными типа карбоса. Судя по отпечаткам, среди них есть карбосы хорошего качества и низкого грубого сорта типа паласа.

Четкие отпечатки тканей на стенках сосудов позволяют определить количество нитей основы и утка. Судя по отпечаткам, здесь можно выделить шесть групп тканей.

Судя по отпечаткам, нити 1-й группы (табл. 2) очень ровные и пряжа хорошего кручения. Плотность нитей основы и утка почти одинаковая.

Во 2-й группе (табл. 2) нити основы ровные и пряжа нормального кручения. Однако нити утка грубые, плохого кручения, о чем свидетельствует плотность нитей основы и утка.

Ткани 3-й группы (табл. 2) менее качественны, причем нити основы более качественные, чем нити утка. Переплетение в тканях этой группы полотняное.

Ткани 4-й группы (табл. 2) более грубые, чем 3-й, однако, так как количество нитей основы и утка одинаковое, то тка-

Таблица 2

КАРБОСЫ ИЗ ТЕПАИ МУБОРАХОДЖА

Шифр	Кручение	Плотность на 1 см²		Цвет
		основа	уток	
		Группа 1		
182	Нормальное	16	16	Белый
		Группа 2		
207	Нормальное	15	12	Белый
		Группа 3		
62	Нормальное	15	12	Белый
184	.	14	12	.
156	.	11	9	.
51	.	14	10	.
		Группа 4		
82	Нормальное	12	12	Белый
184	.	12	12	.
102	.	12	12	.
96	.	12	11	.
198	.	12	11	.
208	.	12	10	.
		Группа 5		
73	Нормальное	11	11	Белый
140	.	10	10	.
		Группа 6		
201	Нормальное	8	7	Белый
71	.	7	7	.

ни выглядят довольно хорошо. Пряжа в этой группе нормалного кручения.

Нити ткани 5-й группы толстые и грубые, похожи на мешковину. Так как количество нитей в основе и утке почти равное, ткань выглядит плотной и хорошей.

Ткани 6-й группы типа мешковины и, очевидно, предназначались для одежды на полевых работах и иного хозяйственного назначения.

Для более позднего периода при раскопках крепости Сарвода на р. Фандарья в верховьях Зеравшана найдено много фрагментов карбоса, алочи, молаги и набойки, изготовленных из хлопка. Ткани Сарвода относятся к XVII — XIX вв. н. э. В табл. 3 приведено несколько фрагментов карбосов для сравнения.

Хлопчатобумажная ткань — алоча, изготовлена из хлоп-

Таблица 3

КАРБОСЫ ИЗ КРЕПОСТИ САРВОДА

Шифр	Кручение	Плотность на 1 см²		Цвет
		основа	уток	
		Группа 1		
823	Нормальное	20	18	Красный, синий, белый
		Группа 2		
900	Нормальное	17	17	Белый
876	»	17	16	»
884	»	18	16	»
		Группа 3		
921	Нормальное	16	16	Белый
415	»	16	16	»
		Группа 4		
878	Нормальное	16	15	Белый
893	»	15	13	»
		Группа 5		
926	Слабое	10	10	Белый
879	»	9	9	»
894	»	9	9	»

ка хорошего качества. Нити в основе и утке хорошего кручения. Нити основы чуть тоньше нитей утка.

Ткани 2-й группы тоже изготовлены из хорошего хлопка, а их нити довольно ровные.

То же можно сказать и о тканях 3-й группы. Правда, в них нити основы и утка местами грубые и слабого кручения.

Карбосы 4-й группы тоже довольно хорошие, но нити в них более тонкие и грубые.

Карбосы 5-й группы изготовлены из менее качественного хлопка. Нити грубоватые и слабого кручения.

Для сравнения приведем также некоторые карбосы, пользовавшиеся спросом у горных таджиков в 30 — 40-х годах XX в. и хранящиеся в Музее этнографии Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР.[7]

Карбосы Каратегина и Дарваза в большинстве своем хорошей сохранности. Количество нитей основы и утка в них

[7] Мы признательны Н. Н. Ершовой, заведующей фондом, за любезное разрешение ознакомиться с коллекцией музея.

определяется без труда. Мы считали количество нитей основы и утка в трех разных местах каждой ткани, пытаясь таким образом дать наиболее точную их характеристику (табл. 4).

Таблица 4

КАРБОСЫ ДАРВАЗА И КАРАТЕГИНА

Шифр	Кручение	Плотность ткани на 1 см²		Цвет
		основа	уток	
		Группа 1		
270—273	Нормальное	12	10	Белый
		12	9	"
		12	9	"
		Группа 2		
271—273	Нормальное	12	7	Белый
		12	7	"
		12	7	"
		Группа 3		
156—95	Нормальное	10	8	Белый
		10	8	"
		10	8	"
		Группа 4		
156—89	Нормальное	10	8	Белый
		10	8	"
		10	8	"
		Группа 5		
273—112	Нормальное	13	8	Белый
		13	8	"
		Группа 6		
273—271	Хорошее	10	9	Белый
		10	9	"
		10	9	"

Эти карбосы сделаны из хлопка хорошего качества. Однако их нити очень толстые и местами грубые. Нити основы сравнительно ровные и их число при замерах в разных частях карбосов оказывается равным. Нити же утка иногда не совпадают, так как они грубее и толще, чем нити основы.

Почти все современные карбосы (табл. 4 и 5), несмотря на то, что они произведены в разных местах Таджикистана, по качеству переплетения и количеству нитей основы и утка близки между собой.

Таблица 5

КАРБОСЫ ИЗ ДРУГИХ МЕСТ ТАДЖИКИСТАНА

Район	Шифр	Кручение	Плотность ткани на 1 см²		Цвет
			основа	уток	
Куляб	9--344а	Среднее	11	8	Белый
	9—341а	.	11	8	.
	9—344а	.	11	8	.
Куляб	9—344б	.	12	10	.
			12	11	.
			12	6—7	.
	9—315	.	12	9	.
			12	8	
	2—375	.	12	9	.
			12	9	.
			12	8	.
	2—45	.	12	11	Красный
			12	14	Белый
			12	12	.
Ура-Тюбе	2—75	.	11	8	.
			12	8	.
			12	8	.
Верхний Зеравшан	338/32	.	12	11	.
			12	11	.
			12	11	.
	338/32	.	15	10	.
			15	10	.
			15	10	.

Прежде чем перейти к анализу мугских карбосов, отметим способ определения плотности нитей основы и утка на 1 см². Как известно, среди археологических находок очень редко встречается ткань с кромкой, поэтому перед исследователем встает проблема: как различить нити основы и утка без кромки фрагментов. Этнографические данные и наблюдения автора показывают, что количество нитей основы всегда больше, чем утка. В итоге мы вправе утверждать, что хотя в идеале ткачи хотели бы иметь максимально сходными нити утка и основы (это не только повысило бы качество ткани, но и облегчило бы ее изготовление), на практике нити основы почти всегда отличаются от нитей утка: последние: как правило, грубее и толще

и соответственно количество их на 1 см² ткани меньше, чем более аккуратных и тонких нитей основы.

Этнографические наблюдения свидетельствуют далее, что нити для основы ткани нередко поручались прясть одному мастеру, чтобы они были одинаковыми, в то время как нити утка в ряде случаев изготовляли несколько человек. В тканях нити основы, таким образом, в разных местах имеют примерно равную плотность, т.е. равное или почти равное число нитей на 1см². Нити же утка нередко отличаются и по качеству и по плотности. Так, в карбосе 9-844б из Куляба четко видны три разных сорта нитей утка и соответственно разное число их на 1 см² ткани: наряду с участками, где на 12 нитей основы приходится 10 — 11 нитей утка, имеются места, где число нитей утка (при том же числе нитей основы—12) снижается до 6—7.

Рассмотрим также данные о ткачестве, собранные автором в кишлаке Равнову Калайхумбского района, где еще в начале 50-х годов в каждом доме индивидуально пряли нити для карбоса и алочи. Их пряли из хорошего хлопка, в основном они были изготовлены одним человеком. Прядильщиками были женщины. Качество хлопка зависело от состоятельности семьи. Состоятельные семьи изготовляли нити основы и утка из одного сорта хлопка, чтобы карбос был одноцветным и хорошим. Для качества очень важно, чтобы нити основы и утка изготовлял один человек, тогда кручение было одинаковое и совпадало бы количество ниток основы и утка на 1 см². Если же это не удавалось, нити изготовляли два человека: один из них, наиболее искусный, прял для основы, другой для утка. Когда нити для основы были готовы, заказчики шли к мастеру-ткачу и ждали своей очереди. Случалось, что очередь доходила раньше, чем были готовы нити для утка; тогда устраивался хашар, т.е. созывались на помощь другие женщины. В таких случаях нити были разными, так как у каждой прядильщицы был свой стиль изготовления нитей. Понятно, что количество нитей основы и утка получалось различным.

Кроме того, бедные семьи изготовляли из качественного хлопка лишь нити для основы, для утка же шел хлопок низкого сорта; в таком случае нити утка, естественно, получались грубее, чем нити основы.

Совпадение количества нитей основы и утка показывает, что для данного материала нити прял один человек и вся ткань изготовлена из одного сорта хлопка. Такая ткань выглядела лучше, чем та, в изготовлении которой участвовало несколько человек.

В отличие от основной массы карбосов IX — X, XVII — XIX вв. и современных, среди мугских тканей есть немало об-

разцов, в которых количество нитей основы и утка на 1 см² одинаково.

Многие мугские образцы карбосов резко отличаются от тканей более поздних периодов по количеству нитей основы и утка на 1 см². Особенно разительно в этом плане отличие от современных карбосов 15-й и 16-й груп мугских тканей: тонких и аккуратных нитей основы в них на 1 см² более 30, а нитей утка — до 22—26.

Деление мугских карбосов на 16 групп, предложенное выше, не следует понимать, как деление мугских тканей по району или месту их производства. Изучение современных карбосов позволяет утверждать, что, во-первых, ткани разных районов и разных мастеров могут быть очень близки между собой по их техническим характеристикам и, во-вторых, одна и та же мастерская (или даже мастер) могут производить разные по качеству ткани.

Для характеристики ткацкого дела и выделения разных мастерских важно определить ширину кусков мугских тканей, так как этнографические данные говорят о том, что ткацкие станки часто бывают рассчитаны на продукцию разной ширины. Ширина современных карбосов даже из таких отдаленных друг от друга районов, как Дарваз, Ура-Тюбе и верховья Зеравшана, колеблется от 29 до 34 см.

К сожалению, ширину большинства мугских карбосов определить невозможно: они дошли до нас без краев или же в виде очень небольших фрагментов. Однако в двух случаях мы можем все же судить о величине дошедших до нас кусков тканей. Эти фрагменты СА 9047 и СА 9045. Первый из них имеет кромку и сохранился на ширину 42 см. У второго ни одна из кромок не сохранилась, но ширина самого фрагмента равна 43 см. Ясно, что оба куска принадлежали тканям шириною более 42—43 см, а ткацкие станки, на которых они изготовлялись, были рассчитаны на производство гораздо более широких тканей, чем современные станки в горных районах Таджикистана.

Если сравнить мугские карбосы с карбосами IX—X вв. из Нурека, XVII—XIX вв. из Сарвода и современными из разных районов Таджикистана, то видно, что по качеству пряжи, переплетению, плотности, количеству нитей основы и утка на 1 см² большинство мугских хлопчатобумажных тканей превосходит поздние карбосы.

Отметим еще одно свойство современных карбосов. В процессе эксплуатации и стирки они садятся и нити уплотняются, в результате количество нитей на 1 см² становится гораздо больше, чем было первоначально. Учитывая все это мы пришли к выводу, что по характеру и месту изготовления мугские карбосы можно разделить на две группы:

I. Карбосы, произведенные, скорее всего, в Буттаме; сюда относятся ткани 7-й, 8-й и 9-й групп. Возможно, карбосы групп Муга и Нурека и часть тканей из Сарвода изготовлены индивидуально отдельными крестьянскими семьями, аналогично тому, как это наблюдалось в к. Равнов в Дарвазе. Качество и технология производства таких карбосов остаются примитивными и до наших дней.

2. Более качественные карбосы с горы Муг изготовлены в текстильных центрах Согда: в Пенджикенте, Самарканде и других местах, где в это время было развито ткацкое ремесло, и им занимались специалисты — прядильщики и ткачи.

Судя по этнографическим данным и сообщениям письменных источников, ткачество было самым распространенным видом ремесленного производства в Средней Азии (Сухарева, 1962, с. 91, 123; Ершов, 1956, с. 176 — 179; Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 93 — 98, 270 — 273).

По сообщению письменных источников в Бухаре, Дабусии, Самарканде из хлопка изготовлялись высококачественные карбосы, которые развозились во все районы (Истахри, 1340, с. 227; Хаукаль, 1340, с. 217; Большаков, 1973, с. 273).

Археологические находки в Пенджикенте показывают, что там было развито текстильное ремесло (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 98).

Судя по характеру хлопчатобумажной пряжи, можно полагать, что она в основном была изготовлена на прялке — чарха.

Шелка. В мугском собрании было найдено около 40 фрагментов шелковых тканей разных сортов и цветов (Винокурова, 1957, с. 25—90; Бентович, 1958, с. 377—380; Беленицкий, Бентович, Лившиц, 1963, с. 114—115; рис. 28, 29).

Для полной характеристики этих тканей необходимы дополнительные исследования. Но уже сейчас можно отметить, что шелковые мугские ткани сделаны разными мастерами на разных станках. Вполне возможно, что некоторые из них были изготовлены на тех же (или сходных с ними) станках, что и карбосы 15-й и 16-й групп. Думается, что значительная часть, а может быть и большинство шелковых тканей, найденных в замке на горе Муг, могло быть произведено в Согде. Во всяком случае, согдийское шелкоткачество было опасным конкурентом для персидского еще в VI в. (Пигулевская, 1951, с. 20).

Интересно, что некоторые данные о шелках Средней Азии содержатся и в мугских документах. Так, в документе А-5 говорится о выдаче «по восемь драхм на бумагу, на шелк и на масло (в селении) Вардаккат и фраметанской женщине за 15 драхм платье» (Лившиц, 1962, с. 182). Упоминаемое здесь селение Фраметан (или Фарметан) находилось в рустаке Даргом, селение Вардаккат тоже располагалось, видимо, в Согде. Мы не знаем, какой величины были куски шелка, о которых

идет здесь речь, равно как и материю, из которой было сшито платье «для фраметанской женщины». Но сам факт, что шелка наряду с бумагой и маслом потреблялись в селении, весьма интересен.

В другом мугском документе—письме хахсарскому владетелю Афаруну (В-16) некий Ревак сообщает, что он послал «через сына пять кусков плотной (?) зеленой шелковой ткани». В. Б. Хеннинг читает это место как «дама—плотная монохромная шелковая ткань» (там же, с. 172). В любом случае, речь здесь идет о шелковой ткани.

Из других данных известно о существовании и изготовлении в Средней Азии VII—VIII вв. также шелковой ткани «занданечи» (Беленицкий, Бентович, 1961, с. 67; Shepher and Henning, 1959, p. 15—40; Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 98, 270—273).

Из сообщения ат-Табари о договоре 712 г. между арабским военачальником Кутейбой и царем Согда Гуреком известна еще одна разновидность шелковой ткани — «дибо». Каждый кусок «дибо» стоил сто дирхемов (Смирнова, 1957, с. 131). Неизвестно, правда, какой величины были куски «дибо», но, судя по его цене, это был очень дорогой материал. Ведь по мугским документам, конь стоил 200, корова 11 и бык 6 драхм. Таким образом, за два куска «дибо» можно было купить хорошего коня, а за один кусок—16 быков или 9 коров.

В другом рассказе ат-Табари — о совместных действиях среднеазиатских правителей и тюркского кагана Корсула против арабов — сообщается о выдаче Корсулом воинам по куску шелка, стоимостью в 25 дирхемов каждый. Стоимость этого шелка, точнее куска шелка, вчетверо меньше, чем шелка «дибо», хотя и она достаточно высока (более стоимости быка и коровы вместе взятых). Однако разница в стоимости упомянутых ат-Табари шелков позволяет предполагать, что он говорил о двух разновидностях шелковых тканей, либо изготавливавшихся в Средней Азии, либо бытовавших здесь в больших количествах.

О широком распространении шелковых одежд в Согде VII—VIII вв. позволяют говорить и росписи Пенджикента, Варахши и Афрасиаба. Учитывая, однако, стоимость шелков, следует иметь в виду, что такие одежды в отличие от одежды из карбосов в Паргаре, как и в Согде вообще, в то время могли носить лишь представители знати, вроде упоминавшихся в мугских документах владетелей Хахсара, Кштута, Мадрушката или же пенджикентского князя Девештича и его наместника в Паргаре—фрамандара Утта.

Шерстяные изделия. В замке на горе Муг найден лишь один фрагмет шерстяной ткани и часть изделия типа паласа. Эти находки дополняются шерстяными нитками, веревками и

шкурами. Все эти изделия могли не только широко применяться, но и изготавливаться в паргарских селениях, где, как мы видели, было развито животноводство и имелась для этого необходимая база.

Образец шерстяной ткани, найденный при раскопках замка на горе Муг — СА-8980 изготовлен из белой тонкой овечьей шерсти. Он хорошей сохранности, причем шерстяные его нити окрашены в красный цвет. В основе ткани использованы только шерстяные нити, в утке же чередуются красные шерстяные, желтые и синие хлопчатобумажные нити. Таким образом, ткань эта не чисто шерстяная, а комбинированная. По типу она напоминает современные ткани алоча, изготовление которых по сей день развито в горных районах Таджикистана. Сейчас ткани алоча изготавливаются, как правило, из хлопчатобумажных нитей. Однако еще перед Великой Отечественной войной они были комбинированными — из шерсти и хлопчатобумажных нитей. Ткань СА-8980 — наиболее ранний образец изделий такого рода в горных районах Таджикистана, свидетельствующий о бытовании таких тканей в Паргаре в VII—VIII вв. Возможно, что для изготовления подобных тканей предназначались и найденные также на горе Муг тонкие белые шерстяные нитки — СА-9020 и СА-8988.

Иной тип шерстяных изделий представлен фрагментом паласа СА-8773. Материалом для него послужила толстая шерстяная нить, по-видимому, из конского или коровьего хвоста. И в основе и в утке нити двойные — черная и белая, скрученные вместе. По переплетению и общему своему характеру мугский фрагмент сходен с современными таджикскими паласами, которые изготавливаются теперь из овечьей шерсти. Как бы то ни было, эта находка, равно как и шерстяная ткань СА-8980, свидетельствует о бытовании, а возможно и производстве в Паргаре VII—VIII вв. тех же видов тканей, что и в современном горном Таджикистане.

Плетеные сетки. Среди находок на горе Муг отдельную группу составляют целые и фрагментированные плетеные сетки. Их более десяти (рис. 2, 3, 4). Изготовлены они из хлопчатобумажных белых нитей, ровных и хорошего кручения. Каждая из нитей двойная, т.е. скручена из двух. Большинство сеток узорные со сложным переплетением. Сетки предназначались, вероятно, для ношения поверх волос, причем концы их в виде двух длинных полос закрывали, очевидно, косы. Характерно, что один из дошедших до нас образцов — СА-8983 представляет собой незаконченное изделие с квадратными и ромбическими узорами и нанизанными внутри плетения 9 мелкими черными бусинами. Тот факт, что в сетку были уже вплетены бусины, свидетельствует, вероятно, что ее не собирались окрашивать. Она, как и все остальные дошедшие до нас мугские

сетки, по замыслу должна была оставаться белой. Мы обращаем особое внимание на цвет сеток потому, что, по сообщениям китайских авторов, «женщины (в Согде — *Ю. Я.*) складывают волосы на голове и накрывают черным покрывалом с золотыми цветами» (Бичурин, 1950, с. 310). Речь в этих сообщениях идет явно об иных головных уборах. Но показательно, что и по их данным, согдийские женщины покрывали свои волосы. Исходя из этого, мы вправе предполагать, что сетки — отнюдь не случайные находки в комплексе согдийских одежд VII — VIII вв., хотя их изображения в открытых росписях Пенджикента, Варахши и Афрасиаба еще не засвидетельствованы.

Все приведенные выше материалы позволяют говорить о высоком уровне ткацкого дела в Согде VII—VIII вв. и, возможно, в самом Паргаре. Однако для более конкретного суждения о ткацком деле Паргара данных у нас еще недостаточно. Найденная также на горе Муг деревянная шестизубая вилка для прибивания нитей основы, предназначавшаяся для грубых тканей, свидетельствует как будто бы о производстве таких тканей в Паргаре. На месте (в замке на горе Муг, и в близлежащих селениях) изготовляли, очевидно, и карбосы, причем пользовались ручными самопрялками, вроде сохранившихся до сих пор чарха (Андреев, 1958, с. 207). Найденные на горе Муг ткани более высокого качества. Они изготовлены, безусловно, на хороших ткацких станках с ремизками разного вида, приспособленными для производства различных тканей. Производством этих и подобных им тканей были заняты, несомненно, ткачи высокой профессиональной выучки.

Кожевенные изделия. В замке на горе Муг найдено много предметов из кожи. В мугском собрании имеется более 10 документов, где говорится о получении и выдаче готовых и необработанных кож и о людях, занятых кожевенным делом, на Верхнем Зеравшане (Якубов, 1973, с. 18—23).

Большинство из этих документов связано с именем Вгашмарик (Ywsmryk). Личность Вгашмарика не совсем ясна. Впервые он упоминается в документе А-4, где говорится о том, что он взял от людей кожевенного дела более 280 кож и шкур (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 61). Документ датируется 6-м годом правления Девашгича, т.е. 714 годом. В документе А-4 Вгашмарик фигурирует только как получатель кожи, т.е. без должности и титула.

Пять лет спустя, в 11-й год правления Девашгича, т.е. в 719 г., он в своей расписке, включенной в докумет А-10, пишет: «Получил я, Вгашмарик, от Качака 10 козьих и пять бычьих шкур, как малых, так и больших, и одну ослиную шкуру» (Лившиц, 1962, с. 71—72). Как мы видим, и здесь ни ти-

тул, ни должность не указаны. Однако в документе Б-3, который написан через месяц после документа А-10, сообщается: «государя Панча Девашгича 11 лет есть месяц мазеххандич, день хорроч. От фрамандара Утта начальнику водоема Вгашмарику. И получил я от тебя, Вгашмарик, начальника водоема, ... кож отборных, и (?) ... и четыре (кожи) горного козла, из них одна цветная кожа, а три невыделанные («скрученные») шкуры и 13 лисьих шкурок..., и еще четыре лисьих» (там же).

По мнению В. А. Лившица, под «водоемом» следует понимать бассейн для вымачивания кож. Исходя из этого, можно предполагать, что Вгашмарик был начальником кожевников в Мадрушкате.

Возможно, что назначение Вгашмарика на должность начальника «водоема» кожевников Мадрушката связано с расширением кожевенного дела в этом районе.

О бассейнах, в которых вымачивали шкуры, известно по этнографическим данным. Такие водоемы (хавзи) были распространены в Средней Азии в XVIII—XX вв.

О. А. Сухарева пишет, что в Бухаре около мастерских кожевников есть специальное место, которое называется «кули кемухгаро», т. е. бассейн кожевников, где вымачивали шкуры, которые лежали там до 10 дней (Сухарева, 1962, с. 107).

Наличие такого водоема в Мадрушкате и упоминание в связи с ним о ведающем кожами начальнике водоема Вгашмарике можно воспринимать как свидетельство о наличии в этом районе организованного кожевенного производства.

Мы не знаем структуры и устройства организации кожевников VII—VIII вв. Но некоторые сведения, содержащиеся в рассматриваемых документах, в некоторой степени характеризуют постановку кожевенного дела в верховьях Зеравшана.

В документе В-5 говорится, что в «месяце mazexxandic v день cpandarmat-roc v и взял Вгашмарик от кожевника из (числа) хороших кож всего 32 кожи. И также взял Вгашмарик от кожевников из (числа) хороших кож всего 32 кожи. И также взял Вгашмарик еще две кожи от Syamxak-a. И (этих) расписок две одинаковые, и одну хранит Вгашмарик, а другую («одну»), хранит Syamxak. И написал Тирак по приказу Вгашмарика» (Лившиц, 1962, с. 61).

В документе А-4, относящемся к 6-му году правления «господина Панча Девашгича», говорится: «Дал Kwzyr Вгашмарику пять шкур. Дал ему (в день) четыре шкурки. И получил Вгашмарик от Kwzyr-a 31 шкурку в день mrspnt-rwc. v И дал Kwzyr Вгашмарику 13 шкур и одну бычью кожу в nysn'nc v ме-

сяц. И дал Kwzyr тому Вгашмарику три шкуры и одну бычью кожу. И получил Вгашмарик 212 шкур того...» (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 61).

Как видно из этой расписки, Вгашмарик брал кожи от некоего Kwzyr-a—один раз в 5-й день месяца согдийского календаря, второй раз в 29-й день этого же месяца, третий раз в месяц нисанич, т. е. 3-й месяц согдийского календаря, но день не указан (не указаны также названия дней четвертого и пятого раза). Очевидно, все эти кожи были получены в разные дни второго и третьего или третьего и четвертого месяцев согдийского календаря 6-го года правления Деваштича. Одним словом, Вгашмарик в течение двух месяцев от Kwzyr-a получил 259 кож[8].

Из этих и других мугских документов видно, что кожами и кожевенным производством занимались не один или два, а несколько человек. Из 259 кож, которые получил Вгашмарик, две были из бычьих шкур, а остальные, очевидно, принадлежали мелкому рогатому скоту.

Если судить по данным этнографии, то на изготовление одной кожи козла или барана требуется минимум 13—14 дней. Из них 10 дней шкура лежит в воде, один день высыхает и одновременно очищается от шерсти. Несколько дней уходит на очистку кожи от остатков мяса, сала и на натирание. Если шкура лошадиная, коровья или ослиная, то на их обработку требуется минимум 20—25 дней. Из них 10 дней шкура вымачивается в воде, а кожевник занимается обработкой другой шкуры, уже вымоченной. Один-два дня уходит на просушку и очистку от шерсти. На очистку же бычьих, лошадиных шкур от мяса, жира и на их натирание времени уходит гораздо больше, чем на такую же обработку шкур мелкого рогатого скота.

Таким образом, на изготовление одной кожи мелкого рогатого скота в среднем уходит 3—5 дней, а крупного — 6—8 дней. Очевидно, приблизительно столько же времени тратили и средневековые кожевники на изготовление одной кожи. Исходя из этого расчета, можно ориентировочно предполагать, что на изготовление 257 кож, полученных Вгашмариком от Kwzyr-a, кожевники могли потратить 1036 рабочих дней. А если считать, что эти кожи изготовлены в течение 60 дней, то для обработки их потребовалось 17—18 рабочих.

Из сообщений документов В-5, А-4, В-19, а также других можно сделать предварительное заключение:

---

[8] Слово pwst в переводе М. Н. Боголюбовой и О. И. Смирновой означает «шкура», а у В. А. Лившица — «кожа» Мы со своей стороны поддерживаем мнение В. А. Лившица, так как слово «кожа» больше подходит к контексту, чем «шкура».

а) в разных местах владения Деваштича существовали организованные кожевенные ремесла. Очевидно, в таких «цеховых» организациях работало 10—15 человек и более.

Организация и процесс кожевенного производства осуществлялись, вероятно, по этапам;

б) возможно, среди кожевников была какая-то специализация, так как они изготовляли самые разнообразные по назначению кожи;

в) вероятно, люди, которые под расписку сдавали кожи Вгашмарику, являлись «представителями» кожевников.

Возникает вопрос: откуда брали кожевники столько шкур? В мугских документах о владельцах шкур ничего не говорится. Однако можно предположить, что шкурами их обеспечивал Вгашмарик, который затем собирал готовую продукцию.

Среди мугских документов есть такие, из которых видно, что Вгашмарик брал эти шкуры от фрамандара Утта, управляющего хозяйственными делами Деваштича по Верхнему Зеравшану (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 6). В документе А-8 сообщается, что 11-го дня третьего месяца согдийского календаря 8-го года правления Деваштича получил Вгашмарик от фрамандара Утта 43 шкуры (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 62). В другом документе говорится: «Получил я, Вгашмарик, от Качака 10 козьих и пять бычьих шкур, как малых, так и больших, и одну ослиную шкуру. И этих расписок — две одинаковые, и из них Вгашмарик хранит, а другую («одну») — Качак. Государство Деваштича 11 лет есть, месяц багаканич. А этот равнозначный документ (этот экземпляр расписки) принадлежит («собственный») фрамандару» (Лившиц, 1962,с.73).

Как мы видим, Вгашмарик получал шкуры от фрамандара, а фрамандар собирал их, очевидно, у населения Верхнего Зеравшана. Возможно, население платило государству налог в виде шкур.

Предметы из кожи. Как было отмечено выше, в мугских документах упоминаются различные кожи — бычьи, ослиные, козлиные. Выделанные кожи шли на изготовление различных изделий. Из бычьих, ослиных и лошадиных шкур выделывали кожу для обуви, военного и конского снаряжения; из шкур дикого и домашнего козла — в основном кожу для летней и зимней обуви и «кожанки» (кожаные куртки).

Обувь. Одним из распространенных видов обуви были сапоги с высокими голенищами (современные таджикские мукки баландак). Такого вида сапог с высоким голенищем был найден в замке на горе Муг. Этот сапог сделан из кожи черного цвета, он старый и изношенный, на некоторые места его нашиты заплатки. Сапог состоит из передней части, которая покрывает всю ступню (эта часть тоже пришита потом как за-

платка), голенища, треугольного задника и подошвы. Первоначально он состоял из трех частей: высокого голенища, треугольного задника и подошвы.

В документе Б-19 мугского собрания говорится: «Я тебе послал одну кольчугу, седло и небольшие башмаки» (или «сапоги») (Лившиц, 1962, с. 82). О каких-то башмаках идет речь и в документе А-5, согласно которому, очевидно, из хранилища Деваштича выдавали или продавали кому-то (возможно, придворным работникам) за одну и за две драхмы башмаки (там же).

Кожаные мешки. Из бараньих, козьих и овечьих шкур изготовляли мешки (саноч) для хранения муки, зерна, фруктов и пр. Фрагменты таких кожаных мешков с подкладкой из карбоса были найдены в замке на горе Муг. В мешке сохранились остатки пшеничной муки. Этот мешок красного цвета сшит, очевидно, из козьих или бараньих кож. Возможно, первоначально он был без карбосной подкладки, но со временем стерся и, когда в некоторых местах его появились дырки, для прочности сделали для него специальную подкладку из карбоса так, как это делают, по нашему наблюдению и этнографическим данным, и сейчас в некоторых местах Таджикистана — в Ягнобе, Дарвазе и на Памире (Бобринской, 1905, с. 47 — 50).

Использование в хозяйстве зеравшанцев таких мешков отмечено в мугских документах. Например, в документе Б-1 говорится о том, что фрамандар выдал некоему Ширеару два кожаных мешка и что человек по имени Пив взял у фрамандара один кожаный мешок, а некий Номпир брал у фрамандара четыре кожаных мешка (Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 45).

Из шкур изготовляли одежды — кожанки, шубы, чепраки (болокзин) и, очевидно, седла (?).

В документе NOV-I сообщается, что для Деваштича из 50 маленьких ягнят сделаны один тулуп или плащ— большой, а также какие-то одежды из 35 ягнят и один чепрак из 12 ягнят. Далее в этом же документе говорится, что из пяти шкур сделан для фрамандара один тулуп. Из документов видно, что одежды изготовляли в основном из овечьих шкур и шкур ягнят (там же, с. 38 — 40).

В замке на горе Муг найдены плетеные изделия—корзины. Одна из них находится в Республиканском музее историко-краеведческом и изобразительных искусств им. Бехзода Таджикской ССР, другие — в Эрмитаже. Крышка корзины обтянута кожей. Кожа очень тонкая и окрашена красной краской (Иванов,1952, с. 47). В Эрмитаже (инв. № СА 9130) хранится четырехугольная крышка, сплетенная из расщепленного пополам камыша (?), прутьев и палочек различной ширины.

Крышка сверху обтянута кожей темно-коричневого цвета. Кожа пришита по краям толстыми нитками (Бентович, 1958, с. 365). В Эрмитаже хранится также четыре фрагмента деревянного ящика, обтянутого кожей. Очевидно, эти фрагменты относятся к крышкам сундуков. Такие сундуки до сих пор сохранились у некоторых горных таджиков. Два из этих фрагментов покрыты черной тонкой кожей, на коже нарисована розетка в виде восьмиконечной звезды, в центре ее прикреплена металлическая петелька (там же). Находка эта свидетельствует о том, что кожи употреблялись и для украшения разных предметов быта.

Знаменитый деревянный щит, найденный в замке на горе Муг, обтянут тонкой кожей с красочным изображением коня и всадника (там же, с. 366).

Кожа использовалась также для изготовления своеобразных листов для письма (рис. 5). Большинство мугских документов написано на коже белого и бледно-серого цвета (Фрейман, 1962, с. 39—52).

О способах обработки и изготовления кож в VII—VIII вв. на Верхнем Зеравшане у нас нет никаких данных. В мугских документах об этом ничего не сообщается, а говорится только о получении или выдаче готовых или необработанных кож.

Мы уже упоминали о кожевниках Мадрушката. Добавим только, что для обработки и очистки шкур применяли специальный инструмент—лесса, ковшеобразный предмет с двумя ручками.

В Верхнем Зеравшане нет кожевенного ремесла, но кожи обрабатываются и сейчас. По рассказу 60-летнего жителя селения Зосун Махмадшоева Шуджо, зеравшанцы обрабатывают кожу следующим образом. Шкура вымачивается в кислом молоке 8—10 дней. После этого вынимается и тщательно очищается. Затем в течение 10 дней и более она натирается и массируется руками и ногами (молиш дода мешавад). Время натирания зависит от степени и толщины кожи, от ее вида и качества. Обработка (пухтакуни сафедмолкуни) шкур коровьих, ослиных или лошадиных, требует больше времени.

Как показали наши наблюдения, опросные данные жителей селений Мадм, Кум и Зосун, а также этнографические материалы, собранные сотрудником сектора этнографии Института истории им. А. Дониша А. Давыдовым,[9] способ изготовления кож по Верхнему Зеравшану повсюду одинаков. В городах изготовление кож было, очевидно, более развитым, там занимались этим специалисты-кожевенники (чармгарон и кемухтгарон) (Сухарева, 1962, с. 107—109).

[9] Дневник А. Давыдова под № 140 хранится в Институте истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР.

Нам не известен способ крашения кож, упоминаемых в источниках. Так, в одном из мугских документов говорится о том, что Вгашмарик — начальник мадрушкатского водоема — выдал фрамандару — управляющему хозяйством Девашгича на Верхнем Зеравшане — четыре кожи горного козла, одна из которых была цветной (Лившиц, 1962, с. 73).

Как мы отмечали выше, среди мугских находок есть куски кожи красного, темно-красного и черного цвета. Скорее всего, они окрашивались красками растительного происхождения, как это делают сейчас зеравшанцы. По сведениям Ш. Махмадшоева, они красят кожи следующим способом. Берут корень урюка (непривитого), размельчают его и несколько часов кипятят. После того, как масса остынет, в ней дней 8—10 вымачивается кожа. Затем ее вынимают и после подсушки 4—5 дней натирают. В результате этих операций кожа становится красной. Для крашения используется также руяна — корень одного из видов травы, которая растет на Верхнем Зеравшане. Отвар корня дает темно-красный цвет. Для блеска в раствор добавляют щелочь — ишкар.

Для получения кожи черного цвета в средневековье, так же, как и сейчас, могли использовать плоды зеленого недозревшего ореха. Красящую массу готовят следующим образом. Берут зеленые орехи, размельчают и кипятят длительное время. В остывшем растворе замачивают кожи, и они лежат там несколько дней. Иногда в раствор добавляют сажи, а для блеска щелочь.

Как сообщил сотрудник Института истории АН Таджикской ССР Мухитдинов Икром, некоторые кожевники кожу красят дымом. Танур заполняется сушеным навозом, и огонь разводится так, чтобы было много дыма. Дым проходит по специальному дымоходу, где кожевник держит кожу, намазанную предварительно маслом. Когда кожа почернеет от дыма, ее натирают. Эта операция повторяется десятки раз, после чего кожа становится совсем черной и приобретает блеск.

Все указанные методы окраски кожи просты по своей технологии, связаны с простейшими видами красителей и успешно могли использоваться кожевниками Верхнего Зеравшана в раннем средневековье.

В Древнем Египте был также известен способ «жировой обработки» кожи. Кожевник промазывал кожи густым слоем жира и мял их до тех пор, пока жир не впитывался в поры. Предполагают, что добавление к жиру тех или иных минеральных красящих веществ позволяло окрашивать кожу в различные цвета (Лурье, 1940, с. 218).

Кузнечное дело и добыча металлов. В мугских документах специально не говорится об изготовлении того или иного вида оружия или орудия труда в селениях Верхнего Зеравшана.

Однако отмечается вывоз металлических изделий из селений древнего Паргара. Так, в документе Б-4 сообщается: «Месяц мазекандич, день рамроч. И получил я, Спадак, от фрамандара Утта в селении Евшист (совр. Вешист) три wγwy'nk (название какого-то предмета, снаряжения) и 4 шлема» (Лившиц, 1962, с. 183). В другом документе (Б-3) говорится, что из Евшиста принесли 11 конских доспехов и другие предметы военного снаряжения и один металлический котел (там же, с. 155). В обоих документах упоминается одно селение Евшист, из которого привезли военное снаряжение. Вряд ли это случайность. Учитывая тот факт, что, как правило, по сведениям мугских документов, места вывоза тех или иных предметов совпадают с местами их производства, можно предполагать, что изделия, вывезенные из Евшиста, изготовлены там же. Это тем более вероятно, что источники сырья для этого находились неподалеку. Селение Вешист (Евшист) расположено недалеко от места древних выработок, в районе Кштута и Ери. Еще в 1897 г. в районе Ери неким пастухом было найдено бронзовое кайло, которое ныне находится в Самаркандском музее (Массон, 1934, с. 51; Литвинский, 1961, с. 1, рис, *2, 1*).

В начале 30-х годов геологами около селения Яккахона по р. Артуч были найдены следы древних железных плавок (Иванова, 1932, с. 183). Геолог Т. И. Иванова, обследуя район современного Кштута, пишет, что территория к западу и к югу от Кштута представляет большой интерес. По саю Конинукра встречены старые выработки очень неправильной формы. Медное нахождение встречено на востоке от первого в виде довольно большой площадки окременелых сланцев, пропитанных медной зеленью и синью. На поверхности остались следы работ в виде засыпанных ям (там же,).

В 1963 г. группа ТАЭ (начальник группы М. А. Бубнова) обследовала район Кштута и установила, что в этом районе имеются (более чем в 56 местах) древние выработки.

По предположению геологов в этом районе добывалось железо, а в IX—XI вв. здесь было поселение рудокопов, которое датируется керамикой IX—XI в.

Письменные данные и современные геологические и археологические исследования в районе древних выработок, которые обнаружены в окрестностях селения Вешист, говорят в пользу того, что это селение уже в VIII в. могло быть одним из центров кузнечного дела

В документе Б-12 сообщается, что в месяц хурешанич день фрават-роч некий Вакачиан в селении Зароводж у Сардума взял пять конских доспехов и 250 стрел составных и 150 седел (Лившиц, 1962, с. 155). Возможно, что Сардум — это имя мастера-кузнеца, у которого брали готовую продукцию. В документе Б-19 зароводский арспан пишет фрамандару, что он

(арспан) послал одну кольчугу и одно седло (Лившиц, 1962, с. 152), а в документе Б-18 сообщает, что послал (какие-то предметы снаряжения), а также конские доспехи (там же, с. 154).

Из документов Б-12, Б-18 и Б-19 вытекает, что зароводский арспан неоднократно посылал фрамандару седла, доспехи, стрелы и другие предметы военного назначения. Если все это было изготовлено в Зароводе, то, видимо, там также были специальные мастерские или хотя бы отдельные мастера-кузнецы.

К сожалению, из-за недостаточной археологической изученности точно неизвестно, где производились изделия из меди, железа, серебра и других металлов, трудно судить об устройстве и системе работы кузнецов-ремесленников этого времени. Мы можем, однако, предполагать, что существовало какое-то разделение труда или специализация между ремесленниками. Очевидно, были такие мастерские, где изготовляли котлы, шлемы, кольчуги и др., но о них мы ничего не знаем.

В мугских документах не упоминается о добыче металлов на территории Верхнего Зеравшана в VIII в. Однако в других источниках такие указания встречаются довольно часто. Так, ал-Белазури пишет, что арабы во время завоевания Буттама захватили много золотых идолов (Белазури, с. 417). Автор Худуд ал-Алем сообщает, что в Буттаме в горах много нашатыря (Худуд ал-Алем, 1930, с. 23б). Истахри говорит, что в рудниках Буттама добывают золото, серебро, железный купорос и нашатырь (Истахри, 1340, с. 33—34). Бируни сообщает, что в Буттаме кроме нашатыря добывают купорос, ртуть, железо, медь, свинец, илякскую бирюзу, серебро и золото (Бируни, 1963, с. 180).

Кроме того, как мы отмечали выше, и геологические и археологические исследования показали, что в районе средневекового Буттама — по Кштутдарье, Фандарье, в районах селений Ери, Урметан и других местах имеются железо, ртуть, серебро, медь, свинец и др. (Наследов, 1954, с. 153—160).

Сведения письменных источников IX—XII вв., с одной стороны, обнаруженные древние выработки, с другой стороны, а также многочисленные археологические предметы из железа, бронзы, меди, серебра и других металлов позволяют предполагать, что обработка железа, золота, серебра, меди, нашатыря и других полезных ископаемых была известна буттамцам с древнейших времен. Очевидно, эти металлы добывались и в VII—VIII вв.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I. ЗАМОК НА ГОРЕ МУГ

В 16 км от районного центра Айни вниз по Зеравшану, на левом его берегу, напротив бывшего селения Тухмат, на вершине горы Муг расположены остатки легендарного замка, известного под названием Калаи Мугон — крепость магов.

Замок омывают р. Зеравшан и р. Кум (рис. 6), протекающая к юго-востоку от замка и образовавшая глубокие обрывы, которые местами имеют совершенно отвесные стены. С северо-востока, с севера и с запада замок защищает не только быстрый и широкий Зеравшан, но и крутые склоны горы Муг, местами отвесно обрывающиеся к Зеравшану.

Замок стоит на 150 м выше Зеравшана и р. Кум. Он доступен только с юго-востока, с террасы, которая лежит на 50—60 м ниже подножия замка.

С замка хорошо видна проложенная на противоположном берегу Зеравшана шоссейная дорога, идущая из Пенджикента в Айни. На 50 м выше этой дороги, напротив замка, расположены сады и поля сел. Тухмат, а чуть выше — канал (джуйбор), который берет начало выше селения и идет в сторону Дар-Дара.[1] На востоке, там, где р. Кум сливается с Зеравшаном, на 50—60 м выше устья видны какие-то каменные постройки, очевидно, загон для скота; на юге — вьючная тропа, ведущая из сел. Хайрабад мимо замка в сел. Заровод, а также в сел. Кум. На 5 м выше тропы идет джуйбор, который берет начало в 3 км ниже сел. Кум и течет в сторону Хайрабада.

В 50—60 м ниже замка, у южного и восточного его подножий, вытянута с юга на северо-восток на несколько сот метров терраса шириной местами от 20 до 50 м. По этой террасе шла дорога в замок. Южный конец террасы загорожен стеной, сложенной из черных рваных кусков сланца и вытянутой с юга на север на 100 м до вершины горы. Местами она сохранилась на высоту от 60 до 80 см. По данным А. И. Васильева (Василь-

[1] А. Ю. Якубовский писал что джуйбор идет из Дар-Дара в сел. Тухмат (Якубовский, 1950, с 25).

ев, 1934, с. 18—19), в 1933 г. она имела высоту 1,8 м. Его описания не совсем точны. Во-первых, она вытянута, по его словам, лишь на 20 м. Во-вторых, она прямая: исследование показало, что она идет сначала прямо, потом зигзагообразно, в зависимости от рельефа. На террасе в некоторых местах лежат кучи камней, очевидно, когда-то некоторые участки террасы очищались для посевов. В северо-восточной части, там, где дорога спускается к устью р. Кум, была также сложена каменная стена. Сейчас она разрушена, но следы ее кое-где видны. Стена была вытянута с юга на север на 20 м. Вероятно, именно в этом месте жители замка спускались к Зеравшану за водой. В северо-восточной части террасы, между двумя возвышенностями прослеживаются остатки какого-то каменного здания, состоявшего из нескольких комнат. На поверхности здесь найдены фрагменты посуды VII—VIII вв.

Замок расположен юго-западнее вершины горы, он вытянут с севера на юг на 19,5 м и с запада на восток (вдоль северной стены) — на 18,5 м (Воронина, 1950а, с. 190).

Южная часть замка стояла на каменном фундаменте, сложенном из кусков черного сланца и местами достигавшем 3 м высоты. Северная часть замка базировалась на галечном материале. Участок, выбранный для замка в южной части, состоял из рваной и наклонной скалы. Эта скала была обшита каменной стеной и для сооружения здания здесь предварительно была сделана ровная площадка. Наружная кладка цоколя местами разрушена. С востока к южной стене замка была пристроена стена двора. По южному краю двор был вытянут с запада на восток на 11 м, с юга на север (по восточному краю)—на 60 м; с восток на запад (по северному краю)—на 23 м и с севера на юг (по западному краю)—на 40 м.

На схематичном плане замка, сделанном в 1933 г., южная стена двора показана неточно: она якобы начиналась несколькими метрами южнее южной стены здания. Эту же неточность допустили и члены экспедиции 1946 г. В действительности южная стена двора пристроена непосредственно к южной стене замка. Она не играла оборонительной роли, а, вероятно, лишь ограждала двор и частично загораживала здание от сильных ветров. Вход во двор находился, очевидно, в северо-восточном его углу.

Как известно, весной 1932 г. в развалинах замка на горе Муг Махмадали Джурали, пастух из сел. Хайрабад, случайно нашел плетеную корзину с документами, написанными на непонятном языке. Махмадали взял один лист из корзины и в сел. Хайрабад показал его знатокам старого арабского письма. Однако никто из жителей селений Хайрабад, Кум и Мадм не смог прочитать этот документ. Не смогли его прочесть и в

Урметане и в других селениях Верхнего Зеравшана, равно как и в Пенджикенте и Самарканде.

После долгих споров решили об этой находке сообщить властям, документ передали в ЦК Компартии Таджикистана. Оттуда его фотокопии были переданы ученому секретарю Таджикской базы АН СССР А. И. Васильеву, а последний одну из фотографий послал в Ленинград известному советскому востоковеду-иранисту А. А. Фрейману.

Находка Махмадали оказалась согдийской рукописью на тонкой шелковой бумаге. Это была уникальная рукопись, первый согдийский документ, обнаруженный на территории собственно Согда. Она привлекла к себе внимание сначала местных работников, а затем ученых-востоковедов, археологов, историков многих стран мира.

После того как было установлено, что рукопись с горы Муг является согдийским документом, из Захматабада 18 июля 1933 г. на гору Муг отправилась группа из 8 человек. Этой группой было обнаружено 3 куска шелковой бумаги с надписями («Коммунист Таджикистана», 1933, 17 сентября).

7 августа группа снова вернулась к развалинам крепости и обнаружила еще семь согдийских рукописей, сделанных тушью по коже (там же). Всего была найдена 21 рукопись, из них 10 на бумаге и 11 на коже (Фрейман, 1934, с. 33).

Раскопки велись очень небрежно, без соблюдения основных правил археологической методики.

В основном подбирали только документы, написанные на бумаге и коже. В спешке выбрасывались вещи и даже деревянные дощечки с надписями, которые позднее были найдены и подобраны А. И. Васильевым и сотрудниками экспедиции А. А. Фреймана,

После ухода с горы Муг группы во главе с А. Пулоди раскопы были брошены на произвол судьбы и на горе Муг после этого копали совсем уже случайные люди, про которых мы почти ничего не знаем (Фрейман, 1934, с. 9). Одним из таких людей был душанбинский турист Пасхин, который, услышав о находках на горе Муг, явился туда с кетменем в руках и тут же начал «копать», однако, не найдя ничего для себя интересного, вскоре покинул замок.

В сентябре 1933 г. в замке на горе Муг начал раскопки А. И. Васильев, сотрудник Таджикской базы АН СССР. Он не был профессиональным археологом, однако, судя по его последующей работе в экспедиции А. А. Фреймана (Васильев, 1934, с. 18—32) и тезисам диссертации (Васильев, 1936), он обращал внимание и на архитектуру, и на разные вещественные находки.

Так как развалины замка были уже частично раскопаны, их посещали время от времени разные люди. Не исключено,

что они самовольно копали замок и расхищали, уничтожали его исторические сокровища. Кроме того, дожди и снег могли довершить разрушение. Короче говоря, уникальные памятники согдийской культуры были под угрозой гибели. Тогда-то и было принято решение о срочном снаряжении экспедиции на гору Муг для проведения научных раскопок. Была организована экспедиция Таджикской базы АН СССР в составе А. А. Фреймана (начальник), А. И. Васильева и В. А. Воробьева (Фрейман, 1934, с. 9).

Раскопочные работы продолжались с 10 по 23 ноября 1933 г. За этот короткий срок замок на горе Муг был раскопан полностью. Раскопанное здание, по мнению участников экспедиции 1933 г., состояло из четырех длинных сводчатых комнат, открывающихся на юг, и открытой террасы с западной стороны (рис. 7а).

В результате раскопок экспедицией было найдено более 30 рукописных документов на бумаге, коже и деревянных палках. Рукописные документы на бумаге и коже были найдены во второй и третьей, а на деревянных палках—в четвертой комнате. Кроме того, в замке было найдено более 400 предметов материальной культуры, в том числе много предметов быта, одежды, деревянные и керамические изделия, куски карбоса и других (шелковых и шерстяных) тканей, орудия труда — нож, деревянная лопатка (курчак), вилка для прибивания утка (деталь ткацкого станка), много предметов вооружения (Бентович, 1958, с. 358—383). Здесь же был найден знаменитый деревянный щит, обтянутый тонкой кожей с красочным изображением вооруженного всадника.

Результатам археологических раскопок на горе Муг было посвящено несколько статей и сообщений, опубликованных в «Согдийском сборнике» (1934).

В 1946 г. замок на горе Муг посетили участники Согдийско-Таджикской археологической экспедиции во главе с А. Ю. Якубовским. Замок был заново зачищен и вновь обмерен (рис. 7б). В. Л. Воронина, обмеряя остатки замка, опровергла мнение А. И. Васильева об отсутствии южной торцовой стены сводчатых помещений; она доказала, что южная стена в свое время существовала, но рухнула под откос холма. В. Л. Воронина также опровергла мнение А. И. Васильева о том, что крайнее западное помещение замка было открытой террасой (Якубовский, 1950, с. 24; Воронина, 1950а, с. 190).

Опираясь на работы наших предшественников и собственные наблюдения и замеры, дадим подробную археологическую характеристику известного, но все еще точно не описанного замка на горе Муг.

РАСКОПАННЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ

Замок состоял из пяти сводчатых помещений. Дверные проемы их располагались по одной оси, вдоль северной стены замка. Перекрытие во всех помещениях было сводчатым (рис. 8а). Своды сложены из кирпича-сырца серого цвета на глиняном растворе того же цвета. Пазухи сводов заполнены большими и мелкими камнями (рис. 8б).

Общий вход в замке располагался в северной стене, напротив помещения 3. Его ширина составляет 85 см. В проеме сохранились две выемки от деревянного дверного порога размерами 30 см в ширину, 30 см в высоту и 40 см в глубину. Вход, таким образом, имел деревянную дверь.

Помещение 1 расположено на самом западном скате. В плане оно вытянуто с севера на юг на 11,8 м. С запада на восток его размеры (по северной стене) 2,5 м и (по южной стене) 1,22 м, т. е. оно сужается с севера на юг более чем на 1,25 м. Такая неправильная форма помещения (и всей постройки в целом) объясняется, вероятно, рельефом и размерами того участка горы, где сооружался замок. Стены помещения 1 до 60—70 см высоты сложены из черных рваных камней сланца, скрепленных глиняным раствором. Верхняя часть стен сложена из кирпича-сырца размером 52 х 26 (реже 24—25 х 10—9) см. Сырцовые кирпичи и раствор сделаны из серой (с примесью гальки) глины.

Западная стена сохранилась до высоты 30 см в южной части, в северной — на 80, южная стена — на 30, северная — на 90, восточная — на 1,5 см.

Сырцовые части южной и западной стен не сохранились, а северная и восточная стены местами сохранились до пяты свода. Дверной проем расположен в северо-восточной части восточной стены. Его ширина 1,1 м. Пол помещения состоит из утрамбованного слоя гальки с глиняной обмазкой.

Помещение 1 впервые описано А. И. Васильевым, который, как уже отмечалось, считал его открытой внешней террасой (Васильев, 1934, с. 10). Подлинный характер этого помещения установлен лишь сотрудниками экспедиции 1946 г. Однако в отчетах не давалось его описания.

Помещение 1, как уже говорилось выше, оконтуривается со всех сторон, хотя южная и западная его стены сохранились плохо из-за того, что они находились на самом краю обрыва. В целом это помещение на 5 м короче остальных комнат замка.

О находках в этом помещении А. И. Васильев пишет кратко: «Терраса, самая западная часть замка, имела в 0,5 м слой различного мусора, черепков, костей, обрывков тканей, т. е.

всего того, что выбрасывалось из внутренних помещений» (там же, с. 28).

Помещение 2 (по А. И. Васильеву — комната 1) расположено к западу от помещения 1. Оно в плане прямоугольное, вытянутое с севера на юг на 17,5 м и с запада на восток на 2 м.

Стены внизу, на высоту 80 см, сложены из кусков черного сланца, на глиняном растворе. Выше стены сложены из кирпича-сырца серого цвета размером 52(50)×26(25)×10(9) см на глиняном растворе того же цвета. Высота стен до пяты свода 1,50 м[2]. Стены сохранились местами до 2 м.

Пол помещения 2 состоит из забутованного мелкого галечника и сверху закреплен глиняной обмазкой. Заполнение помещения, по описанию А. И. Васильева, начиная от пола до высоты 1 м состояло из чередующихся слоев козьего и овечьего навоза и лёсса (там же, с. 28).

Анализируя это заполнение, А. И. Васильев пришел к выводу, что помещение 2 играло роль хлева и в нем в зимнее время держали скот; летом стадо, по его мнению, угоняли на летовки.

Это утверждение недостаточно обосновано. Во-первых, в условиях Кухистана каждый год летом навоз убирается и используется для топки. Во-вторых, если бы навоз не убирали, то за 1—2 года его уровень поднялся бы до потолка.

Следы пребывания скота в этом помещении, скорее всего, связаны с событиями 722 г. Как было сказано выше, осенью 722 г. согдийцы здесь в течение нескольких месяцев вели борьбу с арабами, и они тогда могли держать скот в этом помещении, а подлинное же назначение его нам неизвестно.

В южной части помещения 2, по сообщению А. И. Васильева, при раскопках были найдены в большом количестве стружки, щепки и различные деревянные изделия, что он считает свидетельством существования в этой части комнаты мастерской для деревообделочных работ (там же, с. 22). Думается, что эти данные еще раз свидетельствуют против определения помещения 2 как хлева.

Помещение 3 расположено к востоку от помещения 2. Оно в плане прямоугольное, вытянутое с севера на юг на 17,5 м и с запада на восток — на 2,25 м.

Стены помещения от пола до высоты 80 см сложены из сланца на глиняном растворе, а выше — из кирпича-сырца размером 52(50)×26(25)×10(9) см на глиняном растворе. Стены сохранились на высоту от 70 см до 1,80 м. В общем сохранность стен в помещении 3 лучше, чем в других комнатах.

[2] Ср. указание А. И. Васильева на то, что пяты сводов в комнатах I, II и III (т. е. в помещениях 2, 3 и 4) находятся на высоте 1,73 м (Васильев, 1934, с. 22).

Здесь, в частности, четко прослеживается сырцовая кладка до самой пяты свода. Переход к своду от стены подчеркнут выступающей на 5 см за линию стены кладкой сырцовых кирпичей, положенных плашмя. Поверхности стен сверху были обмазаны глиняной штукатуркой.

Вход в помещение 3 расположен в северо-восточной части восточной стены. Он оформлен аркой, сохранившейся и поныне. Пол из утрамбованной гальки был сверху обмазан глиной.

Завал состоял из упавших сырцовых кирпичей свода и камней из пазухи свода и разрушенных стен. Первая находка в помещении сделана еще весной 1932 г. : пастух Махмадали Джурали именно здесь нашел корзину с документами. При раскопках 1933 г. в южной части этого помещения были найдены документы на коже и на бумаге. В северной же части его были найдены обрывки документа Б-2. Все документы найдены в завале, в 50 см выше пола.

В помещении найдены также горшки, котлы, обломки блюд, деревянная лопата и глиняная чашечка, а в северной его половине — зерна ячменя, бобы, просо и каменные зернотерки (там же, с. 22—29).

Помещение 4 расположено к востоку от помещения 3. В плане прямоугольное, вытянутое с севера на юг на 17,5 м и с запада на восток на 1,90 м.

Стены помещения сложены до высоты 76 см из черных рваных камней, сланца, а выше из кирпича-сырца (размером 52—50×26—25×12—10 см) на глиняном растворе. Стены со следами ганчевой обмазки сохранились на высоту от 70 см до 2,5 м. Пол из утрамбованного галечника сверху (как и стены) покрыт слоем ганча. Арочный вход в помещение расположен в северо-восточной части восточной стены.

Завал состоял из упавших сырцовых кирпичей свода и камней. В южной части помещения при раскопках 1933 г. были найдены документы, написанные на коже и на бумаге. Документы, как и в помещении 3, найдены в завале на 50—70 см выше пола.

Согласно отчету А. И. Васильева, в помещении 4 при раскопках была зафиксирована поперечная стенка (там же, с. 22).

А. И. Васильев считал помещение 4 парадной комнатой. Более правильным представляется считать его хозяйственным помещением, где хранили зерно и продовольствие. О таком его назначении свидетельствует и перегородка, упомянутая выше. Такие помещения, оштукатуренные ганчем, с поперечными стенками-перегородками теперь раскопаны и в Гардани Хисор, и в Куме.

Помещение 5 расположено к востоку от помещения 4. В плане прямоугольное, вытянутое с севера на юг на 17,5 м и с запада на восток — на 1,80 м.

Стены до высоты 70 см сложены из кусков черного сланца на глиняном растворе, а выше — из кирпича-сырца упомянутых размеров на глиняном растворе. Южная стена не сохранилась, от нее остался лишь первый поворотный камень в юго-восточном углу. Остальные стены сохранились на высоту от 60 см до 2,5 м. Стены были обмазаны глиняной штукатуркой и поверх нее — ганчем. Ганчем была покрыта также поверхность пола.

Завал состоял из упавших сырцовых кирпичей свода. В северной половине помещения в хуме найдены документы на палках. Часть из них была найдена около костра. (К сожалению, А. И. Васильев не указывает точно место костра, где, вероятно, была сожжена часть документов).

Кроме того, в помещении 5 обнаружено три хума, в одном из которых был найден сапог, множество черепков посуды, три монеты, из которых одна серебряная (рис. 9), наконечники стрел, игральная кость (рис. 10), деревянная ложка, гребень, мешочки из шелка, нож (рис. 11), ножны кинжала, железные наконечники стрел, крышки хумов (рис. 12), плетеный поднос, обрывки одежды, обломки деревянных чашек, медные пластины, пряжки (там же, с. 29) (рис. 13).

НАХОДКИ

Находки из замка на горе Муг исследованы еще недостаточно. Точной фиксации их во время раскопок не велось; во всяком случае указаний на точное место обнаружения основной массы предметов нет ни в отчете о раскопках, опубликованном в «Согдийском сборнике» (там же, с. 18—32), ни в музейной документации Отдела Востока Эрмитажа и Республиканского музея историко-краеведческого и изобразительных искусств им. Бехзода Таджикской ССР, где хранятся мугские собрания. В отчете о раскопках приведены (без воспроизведений) описания лишь единичных вещей и дана краткая общая характеристика всех находок в целом[3]. Позднее были подвергнуты специальному исследованию растительные остатки (Данилевский, Коконов, Никитин, 1940, с. 449—505) и отдельные находки — парадный деревянный щит с изображением конного воина (Якубовский, 1940, с. 25—27; Ставиский, 1956, с. 63—64; Распопова, 1973), ажурные сетки для волос, образцы хлопчатобумажных и шелковых тканей (Винокурова, 1957, с. 27—

[3]. А. И. Васильевым особенно подробно описаны предметы вооружения (так, у стрел указаны даже размеры древков и форма железных наконечников, с. 27—28); вооружение рассматривалось специально и в диссертации А. И. Васильева, известной нам по опубликованному автореферату (см. Васильев, 1936).

32). Кроме того, А. Ю. Якубовский и Б. Я. Ставиский отмечали большое культурно-историческое значение всей коллекции из замка на горе Муг (Якубовский, 1950, с. 24—26; Ставиский, 1966, с. 275—286), а С. В. Иванов и И. Б. Бентович дали описание собраний, хранящихся в Душанбинском музее и в Отделе Востока Эрмитажа (Иванов, 1952, с. 37—52; Бентович, 1958, с. 359—383). Подробное изучение и анализ всех дошедших до нас находок с горы Муг[4] еще впереди. В настоящей же работе мы исследуем лишь те находки из богатейших мугских собраний, которые не были описаны нашими предшественниками или же описывались недостаточно точно.

*Деревянные предметы**

СА-9125**—деревянная вилка (шона) для прибивания основы на ткацком станке. На одной стороне имеет шесть зубьев, на другой — небольшую прорезь (рис. 14,*3*).

Вилка предназначалась для прибивания основы тканей с толстой нитью (типа паласов). Она не годна для хлопчатобумажных тканей (типа карбосов) или шелков, так как мала по размеру, имеет очень мало зубьев, к тому же последние — толстые и грубые. Размеры: длина 13 см, толщина 1,5 см, ширина части с зубьями — 3 см, длина зубьев 1,5 см.

СА-9121 — гребень деревянный, двухсторонний. С одной стороны сохранился 41 зуб. Зубья здесь мелкие и ровные. Концы некоторых из них сломаны. Не сохранился и последний толстый, защитный зуб гребня. С другой стороны сохранились все 24 зуба. Гребень сделан, очевидно, тонкой пилой из дерева тута хорошим мастером. Размеры: длина 8 см, ширина — 5,5 см (рис. 14, *2*).

СА-9123—гребень, как предыдущий, но худшей сохранности. Из 33 мелких и тонких зубьев сохранились, и то не полностью, 25. Не сохранился и последний защитный зуб. С другой стороны имеются все большие зубья (21), в том числе и два боковых защитных. Размеры: длина 7,5 см, ширина 7,1 см (рис. 14, *1*).

Гребень без номера из абрикосового дерева (более грубой работы) сохранился хуже, чем два предыдущих. Из 33 мелких и тонких зубьев сохранились 24, и то неполностью. Один защитный зуб обломан целиком, у другого отломан конец. С

[4] Часть находок ныне утрачена. Ни в Душанбинском музее, ни в Эрмитаже нет упоминаемых в отчете Васильева (1934, с. 27, 28) четырехгранных железных наконечников стрел.

* Дерево специальному лабораторному исследованию не подвергалось. Даны визуальные определения.

** Здесь и далее приводятся инвентарные номера мугских находок, под которыми они значатся в Отделе Востока Эрмитажа.

другой стороны, где были большие толстые зубья, сохранились лишь основания одного защитного и одного рядового. Размеры: длина 9 см, ширина 7 см[5] (рис. 15, *2*).

СА-9124 — гребень деревянный, двухсторонний. С одной стороны имеет 41 мелкий, с другой—22 больших зубьев. Часть мелких и один защитный сломаны. Толстые зубья вместе с защитными сохранились хорошо. Размеры: длина 9 см, ширина 7 см (рис. 15, *1*).

СА-34 — гребень деревянный, двухсторонний. Имеет с одной стороны 33 мелких зуба и один защитный, часть мелких сломана; с другой стороны — большие, все целые, кроме одного. Размеры: длина 9 см, ширина 6 см. Зубья этого гребня в отличие от других четко напилены до конца (рис. 15, *3*).

Все гребни отшлифованы, средняя часть их утолщена. Они ничем не отличаются от современных гребней таджиков и других народов Средней Азии, Афганистана, Ирана и других стран Востока. Сейчас такие гребни используют только женщины, и называют их поэтому женскими. Очевидно, раньше (когда и мужчины и женщины согдийцы носили длинные волосы, а возможно, и косы), ими пользовались одинаково как те, так и другие.

СА-9092 — деревянная лопатка (рис. 16) (совр. тадж. курчак, бели чӯбин) с короткой ручкой,[6] сделана из цельного куска дерева крепкой породы с сучками. Имеет ковшеобразную форму. Рабочая сторона слегка углублена, а обратная — чуть выпуклая. На лопатке сохранились два отверстия вместе с остатками деревянных гвоздей, скреплявших некогда ее с длинной деревянной ручкой. Подобные деревянные лопатки с такими же ручками сохранились до сих пор во многих районах Таджикистана (Широкова, 1956, с. 16, табл. 8).

Лопата грубая и, вероятно, применялась для очистки двора и хлева от навоза и иной грязи. Для расчистки снега применять ее было неудобно; для этой цели использовались, по-видимому, более гладкие и удобные лопатки. По той же причине ее вряд ли могли использовать на молотьбе или при очистке зерна. Размеры: длина 45 см (с ручкой), ширина 25 см.

СА-9113 — деревянная разливная ложка (кафлез)[7] (рис.

---

[5] А. И. Васильев упоминает о находке одного гребня в «комнате III», т. е. в помещении 4, и одного — в «комнате IV», т. е. в помещении 5. О каких из трех описанных нами гребнях идет речь, мы судить не можем (Васильев, 1934, с. 29).

[6] Лопата, судя по упоминанию о ней Васильева (там же, с. 28), была найдена в «комнате II», т. е. в помещении 3.

[7] Найдена в «комнате IV», т. е. в помещении 5 (А. И. Васильев, 1934, с. 29).

17), сделана из одного куска дерева в виде округлой чашечки с длинной ручкой. Конец ручки изогнут под прямым углом. Работа грубая и небрежная. Такие ложки найдены в слоях XI—XII вв. в Чил-Худжре (Пулатов, 1963, с. 162). Ложка по форме сходна с современными деревянными ложками горных таджиков Ягноба, Фальгара, Куляба, Дарваза и Памира (Широкова, 1956, с. 15, табл. 8; Андреев, 1958, с. 208). Размеры: длина 30 см, диаметр чашечки 6,3 см.

СА-9021 — половина деревянного блюда (табак) на ножках. Блюдо было сделано из большого куска дерева. На блюде сохранились две ножки в виде усеченной пирамиды: одна полностью, от другой осталась лишь половина. По краю борта и посредине его проходят два рубчика. Блюдо неглубокое: его борта выступают не больше, чем на 4 см (рис. 18), тонкой работы, изготовлено с большим мастерством. По форме оно не отличается от современных деревянных блюд таджиков (Андреев, 1958, с. 361, рис. 7, *2*). Диаметр блюда 40 см.

СА-8796 — фрагмент небольшого деревянного блюда (табакча). Сохранилась средняя часть с бортиком (рис. 19, *7*). Блюдо вырезано из одного куска тута. Стенки от борта к дну утолщаются от 4 мм до 1 см. Внутри блюдо от венчика плавно углубляется на 5,5 см. Дно не круглое, слегка подровненное. Внешняя сторона хорошо обработана ножом. Диаметр блюда 23 см.

СА-885 — фрагмент деревянной чашечки (коса). Чашечка вырезана из одного куска дерева и обработана на токарном станке. С наружной стороны под бортиком — рубчик (рис. 19, *5*). От венчика к дну она плавно и равномерно углубляется. Стенки ровные и одинаковые по толщине. Дно чашечки не сохранилось. Диаметр изделия 14 см.

СА-8753—четыре фрагмента от деревянного блюда. На трех из них сохранился венчик. Блюдо сделано из большого куска дерева. Оно неглубокое, с широким плоским дном. Стенки к дну равномерно утолщаются. Работа грубая и небрежная. Толщина дна 1,3 см, диаметр 40 см (рис. 19, *1*).

СА-8760 — фрагмент деревянной тонкостенной кружки (рис. 19,*2*). Хорошо отшлифован как внутри, так и снаружи. Под венчиком с наружной стороны рубчик. Местами видны следы красной краски. Частично фрагмент обгорел. Диаметр 6 см.

СА-8757 — фрагмент деревянной тонкостенной кружки, очевидно, такой же, как СА-8760. Под венчиком с наружной стороны рубчик (рис. 19, *4*).

СА-8806 — десять фрагментов от деревянного блюда. На одном из них сохранился венчик, судя по этому фрагменту, диаметр блюда равнялся 30 см. Оно сделано из абрикосового дерева. Надо отметить, что теперь из абрикосового дерева

таджики блюда не делают, потому что эта порода дерева считается очень хрупкой.

СА-9152 — пять фрагментов от плоскодонной деревянной чашки, покрыты черным лаком. Два фрагмента с венчиком, один с частью дна. Чаша изготовлена на токарном станке из крепкой породы дерева. Диаметр ее 15 см.

СА-9153—9154 — два фрагмента чаши, покрытой черным лаком, с изображением человеческой фигуры (?) выполненной желтой и красно-оранжевой красками. Фрагменты тонкие и плоские.

СА-8832 — фрагмент деревянного изделия в форме широкого обруча. Его размеры: высота 5 см, диаметр 20 см и толщина 7 мм. В стенках видны следы отверстий, расположенных друг от друга примерно в 1,5 см (см. рис. 19, 3). С этой находкой связано кожаное изделие СА-9134.

СА-9134 — большой кусок очищенной кожи, округлой формы, по краю на расстоянии примерно 1,5 см друг от друга расположены отверстия. Сопоставление этого куска кожи и деревянного изделия СА-8832 показало, что перед нами, несомненно, две детали бубна (рис. 19, *3*), сходного с современным таджикским музыкальным инструментом — дойрой (Широкова, 1956, табл. 9, *3*).

Кожаные изделия[8]

СА-9135 — сапог.[9] Сшит из отдельных кусков разных кож. Верхняя часть — голенище (сок) сшита из трех кусков. На один из них нашита овальная заплатка (порги). Передняя часть ступни (пушти) — из двух кусков: один из них большой, а другой маленький, треугольной формы (рис. 20).

Между ступней и голенищем видна узкая полоса кожи, очевидно, остатки от прежней ступни.

Задняя часть (пасаки) сделана из двух треугольных кусков, которые составляют большой треугольник. Треугольные куски пришиты к голенищу наружными швами. Между треугольниками вшита узенькая полоса кожи (магзи). Задняя часть пришита к остаткам первоначального треугольного задника, который состоял из одного целого куска кожи.

Подошва сделана из белой некрашеной кожи. Она пришита к верхней части двумя строчками (ду сузана). Между верхней частью и подошвой вставлены тонкие, узенькие двухъелочные ремешки (магзи). Подошва протерта до дыр и, вероятно, выброшена.

---

[8] Кожа специальному лабораторному исследованию не подвергалась. Даны визуальные определения.

[9] Найден внутри одного из хумов в «комнате IV», т. е. в помещении 5 (А. И. Васильев 1934, с. 29).

В заключение можно добавить, что сапог, каким мы его видим, использовался в течение долгого времени: он собран из разных, совершенно старых кусков кожи, а от первоначального, нового сапога уже почти ничего не сохранилось. Четко выделяются даже некоторые этапы ремонтов его. Размеры голенища: высота 17 см (от подошвы), ширина верхней части 15,5 см, нижней части 16 см, длина подошвы 25 см, длина ступни 15 см, высота задника 13 см. Сапог по форме и устройству сходен с современными сапогами (муки баландак) Фальгарского района и Памира (Андреев, 1958, рис. 5 б, 6; Широкова, 1956, табл. 23).

СА-9132—большой кусок необработанной шкурки с остатками шерсти рыжевато-коричневатого цвета. По цвету шерсть напоминает шкуру дикого козла. Однако такого цвета, хотя и редко, бывает шкура и у домашних коз. Размеры: длина 76 см, ширина 30 см.

СА-9086 — фрагмент хорошо обработанной тонкой белой кожи, принадлежавшей животному какой-то породы мелкого рогатого скота. Размеры: длина 7 см, ширина 5,5 см.

СА-8843 — фрагмент необработанной козьей шкуры с остатками белой шерсти. Размеры: длина 12 см, ширина 4 см.

СА-8842 — фрагмент белой кожи. Очевидно, часть какого-то изделия: на фрагменте сохранились остатки пришитых белых ниток. Размеры: длина 11 см, ширина 4 см.

СА-8803 — фрагмент полуобработанной кожи: она очищена от шерсти, но не до конца. Размеры: длина 31 см, ширина 6 см.

СА-8846 — фрагмент хорошо обработанной белой кожи животного какой-то породы мелкого рогатого скота. Размеры: длина 23 см, ширина 3 см.

СА-8847, 48, 50 — фрагменты тонкой хорошо обработанной кожи мелкого рогатого скота, возможно, ягненка. Кожа белая, потертая, с дырами.

СА-8849 — кусок хорошо обработанной кожи белого цвета, хорошей сохранности. Шкура животного какой-то породы мелкого рогатого скота. Размеры: длина 21 см, ширина 9 см.

СА-8844 — фрагмент белой кожи средней сохранности. Одна сторона хорошо обработана, обратная сторона не очищена. Кожа животного из породы мелкого рогатого скота. Размеры: длина 21 см, ширина 11 см.

СА-8845 — фрагмент кожаного изделия. Сшит из нескольких кусков кожи животного из породы крупного рогатого скота.

СА-8851 — три фрагмента одного куска кожи. Все фрагменты полуобработаны: с кожи удалена шерсть, но очистка ее не завершена, шкура принадлежала, очевидно, дикому

или домашнему козлу. Размеры: а) длина 15 см, ширина 8,5 см; б) соответственно 11 и 4 см; в) 10 см и 9,5 см.

СА-8860 — фрагмент темной кожи какого-то крупного рогатого животного. Кожа недочищена. Была ли она окрашена или потемнела после реставрации, неясно. Размеры: длина 15 см, ширина 6 см.

СА-8861 — изношенная подошва из сыромятной кожи, на ней сохранились остатки шерсти черного цвета (коровы или быка). Хорошо видны хлопчатобумажные белые нитки. Кроме того, к подошве спереди и сзади пришиты два куска также сыромятной кожи. Подошва вырезана по форме ноги длиной 21 см.

СА-9000 — остатки кожаного изделия с пришитым шнурком из хлопчатобумажных нитей. Вероятно, это часть кожаного сосуда или корзины для хранения жидкости с двусторонними швами, прошитыми хлопчатобумажными нитками. Аналогичные кожаные мешки применяются и сейчас таджикскими пастухами для хранения кислого молока (айран), масла и мяса.

СА-9010 — фрагмент тонкой белой, хорошо обработанной и очищенной кожи. Размеры: длина 10 см, ширина 8 см.

СА-9030 — фрагмент хорошо обработанной, очищенной кожи какого-то крупного рогатого животного, вероятно, быка. Кожа была окрашена черной краской. Размеры: длина 8 см, ширина 4 см.

СА-9131 — фрагмент хорошо обработанной кожи, покрытой черной краской. Шкура принадлежала животному какой-то породы мелкого рогатого скота. Размеры: длина 18 см, ширина 12 см.

СА-9133 — бесформенный кусок шкуры с остатками черной шерсти животного какой-то породы крупного рогатого скота. Вырезан острым инструментом. Размеры 17 х 12 см.

СА-9130 — обтянутая кожей четырехугольная крышка, сплетенная из прутьев и палочек различных диаметров. Кожа, хорошо очищенная и обработанная, окрашена темно-красной краской. Размеры: длина 31 см, ширина 18 см.

СА-9068, 9122, 9129—четыре фрагмента деревянного изделия, обтянутого кожей. Два из них — черной кожей, два других — красной (рис. 21). На них изображена золотая розетка в виде восьмиконечной звезды.

СА-8775 — фрагмент кожаного мешка (саноч) завязанного шнуром. Шкура принадлежала какому-то мелкому животному. Местами видны остатки белой шерсти. Шнур сделан из белой козлиной шерсти.

СА-8774 — фрагмент хорошо обработанной белой кожи мелкого животного. Размеры: длина 5 см, ширина 9 см.

СА-8776 — фрагмент очень тонкой белой кожи, хорошо об-

работанной и уложенной в 5 слоев. Фрагмент со всех сторон аккуратно обрезан, имеет форму правильного прямоугольника. Возможно, это кожа, подготовленная для письма. Размеры: длина 13 см, ширина 7 см.

СА-8812 — фрагмент тонкой белой, хорошо обработанной кожи. Кожа потертая и оборванная, местами подшита. Сохранились белые хлопчатобумажные нитки и следы швов. Видны также остатки белой очень мягкой шерсти. Вероятно, это кожа кролика или ягненка.

СА-8811 — фрагмент хорошо обработанной кожи (очевидно, козлиной), окрашенной яркой красной краской. Сохранились остатки белых хлопчатобумажных ниток и следы от швов. Возможно, это фрагмент сапога.

Плетение, шнуры, нитки и верёвки

Среди мугских находок имеется более десятка целых и фрагментированных шнуров, ниток и веревок. Все они сделаны из хлопчатобумажных белых крученых нитей. Найдены также шерсть, шнуры и веревки из шерсти, вата и хлопчатобумажные нитки (Бентович, 1958, с. 380—384).

СА-8998 — комок белой овечьей шерсти.

СА-8999 — фрагмент кошмы из белой овечьей шерсти. По качеству напоминает современные белые шерстяные халаты (чакман), которые сейчас преимущественно носят чабаны.

СА-8997 — шнур из волос коровьева хвоста. Состоит из двух скрученных вместе белой и черной нитей. Длина 12 см.

СА-8994 — шнур, свитый из белых нитей овечьей шерсти. Длина 45 см.

СА-8993 — веревка, свитая из семи хорошо крученых льняных нитей. Длина 65 см.

СА-8988—шнур, свитый из семи хорошо крученых нитей белой овечьей шерсти.

СА-9020 — шнур из белой овечьей шерсти. Длина 14 см.

СА-9023, 9019, 9018, 9022, 9024, 9025, 9027, 9028, 9030, 9032, 9033, 8922, 8995/8987 — шнуры разного размера из разного числа хлопчатобумажных белых нитей.

СА-9016 — хлопчатобумажные нитки, окрашенные в красный цвет.

СА-9155 — хлопок, не очищенный о. семян.

СА-9057—комок ваты с остатками хлопчатобумажных ниток. Вероятно, от ватного одеяла или одежды. В одном месте вата горелая, из некачественного хлопка.

СА-9130 — прямоугольная крышка. Сплетена из прутьев и палочек различного диаметра. Большие палочки частично обработаны и подрезаны до одного размера. Палочки уложе-

ны в ряд, прутья скрепляют их поперек. Сначала, видимо, были изготовлены стенки крышки, затем к ним прикреплена верхняя ее часть. Крышка изнутри обтянута хлопчатобумажной белой тканью, а сверху — старой темно-красной кожей. Кожа пришита по краям толстыми хлопчатобумажными нитками. Углы крышки для прочности дополнительно обтянуты кусочками новой красной кожи. Они пришиты тонкими хлопчатобумажными нитками. Крышка с внутренней стороны сохранилась хорошо. С внешней же стороны утрачен кусок обтягивавшей крышку кожи. Размеры: длина 31 см, ширина 17 см, высота 2,5 см.

Керамика

СА-9075 — фрагмент венчика хума. Хум изготовлен из грубого теста с примесью сланца на гончарном круге. Снаружи покрыт светлым, а внутри красным ангобом. Диаметр 20 см (рис. 22, *2*).

СА-9120 — фрагмент венчика хума. Венчик слегка отогнутый. Вокруг горла жгут с оттисками, вдавленными пальцем. Хум изготовлен на гончарном круге из грубого теста с примесью. Покрыт красным ангобом. Диаметр 24 см (рис. 22, *1*).

СА-8862 — фрагмент венчика со стенкой от котлообразного сосуда из грубого теста с примесью сланца. Изготовлен на ручном круге. Покрыт светлым ангобом. Диаметр 23 см (рис. 22, *3*).

СА-9127 — фрагмент венчика котла из грубого теста с большой примесью сланца. Сделан на ручном круге, покрыт красным ангобом. Диаметр 20 см (рис. 22, *4*).

СА-9118 — фрагмент венчика и стенки котла из грубой глины с примесью сланца. Покрыт черным нагаром. На плечике большая подковообразная ручка. Диаметр 20 см (рис. 22, *7*).

СА-8792 — фрагмент сосуда с лепной вертикальной ручкой из грубого теста, изготовленного на гончарном круге. Покрыт красным ангобом. Диаметр 20 см (рис. 22, *8*).

СА-8840— фрагмент венчика котла, изготовленного на ручном круге, из грубого теста с примесью сланца. Покрыт черным нагаром. Внутри по венчику проходят две параллельные углубленные линии. Котел был покрыт красным ангобом. Диаметр 15 см.

СА-9117 — фрагмент венчика тонкостенного сосуда изготовленного на гончарном круге, из хорошего теста. Вероятно, привозной. Покрыт красным ангобом. Диаметр 17 см (рис. 22, *5*).

СА-9113 — фрагмент профилированного венчика горшка, изготовленного на круге. На плечиках процарапанный орнамент в виде дугообразных линий. Фрагмент венчика покрыт красным ангобом. Диаметр 12 см (рис. 22, *10*).

СА-9074—фрагмент венчика сосуда из грубоватого теста, изготовленного на круге. Фрагмент покрыт светло-красным ангобом. Диаметр 16 см (рис. 22, *6*).

Два фрагмента венчика котла, изготовленного на круге из грубоватого теста, без инвентарного номера. Покрыт черным нагаром. Горло снаружи орнаментировано несколькими параллельно идущими углубленными линиями. Котел был покрыт серым ангобом. Диаметр 14 см (рис. 22, *9*).

СА-9072 — большой фрагмент лепного горшка, изготовленного из грубого теста, покрыт красным ангобом. Имеет ручки с налепом в виде перла. Работа ручная (рис. 22, *12*).

СА-8787—фрагмент венчика небольшого горшка, изготовленного на круге, из грубого теста. Покрыт светлым ангобом. Диаметр 13 см (рис. 23, *7*).

СА-8903 — фрагмент венчика небольшого горшка, изготовленного из хорошего теста на гончарном круге. Покрыт красным ангобом. Диаметр 11 см. Сосуд, вероятно, привозной.

СА-8872 — фрагмент венчика котла из грубого теста. Покрыт серым ангобом. Ниже венчика лепная подковообразная ручка

СА-8838 — фрагмент венчика лепного кувшина. Тесто грубое. Покрыт красным ангобом. Диаметр 10 см (рис. 23, *2*).

СА-9677 — фрагмент венчика кувшина из грубоватого теста, изготовленного на круге. Покрыт светло-красным ангобом. Диаметр 12 см (рис. 23, *1*).

СА-8866 — фрагмент венчика лепного кувшина из грубоватого теста. Покрыт красным ангобом. Диаметр 10 см (рис. 23, *3*).

СА-9116—горло лепного кувшина с остатком верхней части ручки. Сделан из грубого теста. Покрыт красным ангобом. Диаметр 3 см (рис. 23, *4*).

СА-8871 — фрагмент тонкостенного лепного кувшина из грубого теста. Сверху покрыт темно-коричневым ангобом. Обжиг неравномерный (рис. 23, *8*).

СА-8877 — фрагмент венчика лепного кувшина с верхней частью ручки. Сделан из грубоватого теста, покрыт красным ангобом. Диаметр 10 см (рис. 23, *6*).

СА-8791—ручка кувшина из хорошего теста. Покрыта красным ангобом. Длина ее 12 см.

б/н — кружка из хорошей глины. Изготовлена на гончарном круге. Покрыта серым ангобом. Диаметр 8,5 см (рис. 23, *9*).

СА-9079—часть лепной кружки с волнистым венчиком из грубоватого теста. Покрыта красным ангобом. Диаметр 10 см (рис. 23, *10*).

СА-8868 — фрагмент такой же кружки (без венчика) из грубого теста. Покрыт красным ангобом. Диаметр 10 см (рис. 23, *11*).

СА-8869 — фрагмент стенки такой же кружки. Лепка ручная. Покрыт серым ангобом.

СА-8862—часть лепной тагоры. Изготовлена из коровьего навоза с приместью глины. Сверху покрыта тонким слоем черной глины. Диаметр 45 см. Такие тагоры из навоза и глины на Памире и в Дарвазе изготавливают до сих пор для хранения зерна, фруктов и т. п. Преимущество такой посуды перед тяжелыми глиняными хумами заключается в том, что ее можно изготовить в любом месте, где есть свежий навоз, как в доме, так и на временной летовке. Ее обычно оставляют на летовках и не привозят домой в селения.

Изготовление такой посуды особенно характерно для горных мест, где хорошая глина редка и к тому же содержит много примесей. Понятно, что изготовление такой посуды в древнем Паргаре, где почва очень каменистая, не случайно[10] (рис. 23, 12).

Прочие находки

СА-9035—9036—длинные человеческие волосы.

СА-9146 — половина керамической бусины, покрытой голубой стеклянной пастой, шаровидной формы. Диаметр 1,9 см.

СА-9157 — половина бусины, изготовленной из медной пластинки. Диаметр 1,5 см.

СА-8809 — фрагмент кошмы, изготовленной из белой овечьей шерсти с незначительным добавлением шерсти коричневого цвета. Кошма изношенная и рваная. Размеры: 9,5×6,5 см.

СА-8808 — фрагмент кошмы, изготовленной из белой овечьей шерсти с добавлением шерсти коричневого цвета. Размеры: длина 18 см, ширина 6 см, толщина 5 см.

СА-8778 — два фрагмента тонкой хорошо отшлифованной бронзовой пластины. По краю с одной стороны проведены две параллельные, круговые линии. Еще две такие же линии расположены ближе к середине. Между наружными линиями есть небольшое отверстие. Одна сторона слегка выпуклая,

---

[10] Об остальной керамике см.: Бентович И. Б. Находки на горе Муг. —МИА, 1966, 66, стр. 372—373; Иванов С. В. О находках в замке на горе Муг. — «Известия АН Тадж. ССР. Отд. общ. наук». № 2, 1952, стр. 39—45. В статье С. В. Иванова приводятся также какие-то фрагменты расписной керамики. Их связь с мугской коллекцией не ясна.

другая вогнутая. Пластина, вероятно, имела форму диска. Возможно, это часть зеркала. Размеры: длина 4 см, ширина 2,6 см.

СА-8815 — косточки миндаля. Длина 2,9 см.

СА-8857, 8858 — виноградные листья и кисти.

СА-9084. Верхняя часть тыквы. Использовалась как сосуд для жидкости (кадуи об).

СА-8876 — скорлупа грецкого ореха (рис. 24).

СА-8814 — медная пластинка овальной формы. Одна сторона (очевидно, лицевая) выпуклая, обратная слегка углублена. Посредине след от припоя ручки. На обеих сторонах следы тонкого покрытия бронзой. Размеры: длина 6 см, ширина 4,3 см.

СА-9090 — деревянный щит (рис. 25), обтянутый кожей с красочным изображением всадника. Известно, что это единственный дошедший до нас экземпляр среднеазиатского щита VII—VIII вв. Он имел овальную форму. Сверху и снизу щит обрублен. Длина его 61 см, ширина сохранившейся части 23 см, толщина в середине 1 см, у краев 0,6 см. Щит украшен не только с наружной стороны (красочным изображением всадника-воина на коне), но и с внутренней (расписным узором). Щит явно принадлежал не простому, а знатному воину. Мугский щит недавно довольно подробно исследован В. И. Распоповой. Она, в частности, выступает против мнения А. Ю. Якубовского, К. Г. Рудо и Б. Я. Ставиского, доказывая, что щит был не парадным, а боевым (Распопова, 1973, с. 124).

В 1968 г. в процессе работы над кандидатской диссертацией автор также исследовал щит из замка на горе Муг и тогда же высказал мнение, что щит был не только парадным, но и боевым, так как на его поверхности сохранились следы ударов более десятка трехгранных наконечников стрел. От одной из них остались следы углублений до 0,5 см.

Некоторые углубления были замазаны каким-то составом; так, видимо, осуществлялась реставрация щита самими согдийцами. Таким образом, хозяин щита и раньше до событий в замке на горе Муг участвовал в боях, а окончательно щит вышел из строя после того, как были обрублены и сломаны его верхняя и нижняя части (Якубов, 1969 77—78). Думается, что этот щит нельзя определять ни как только парадный, ни как просто боевой.

В. И. Распопова отмечает, что щит из замка на горе Муг по своему размеру превосходил щиты, изображенные в живописи древнего Пенджикента (Распопова, 1973, с. 127).

Благодаря живописи Пенджикента мы знаем два вида согдийских щитов: без умбона и с металлическим умбоном (Беленицкий, 1973, с. 7—8; Распопова, 1973, с. 48). Помимо

росписей Пенджикента согдийские или среднеазиатские щиты изображены и на знаменитом серебряном блюде, найденном в селе Аниково. На этом блюде все воины со щитами: как защитники замка, так и штурмующие его. Один из последних, держит щит в руке, но лицевая его сторона нам не видна, а щит одного из защитников замка, который стоит наверху, обращен к нам именно лицевой стороной. На его щите хорошо виден трилистник, который нарисован на ударной площадке. Этот трилистник, несомненно, металлический и играл роль умбона. По мнению Б. И. Маршака, аниковское блюдо изготовлено в IX в. по форме блюда VIII в. (Маршак, 1971, с. 11).

Похожий щит с умбоном изображен и на резном деревянном тимпане из Шахристана VIII—IX вв. Таким образом, мы вправе говорить, что в домусульманской Средней Азии были щиты двух видов: с умбоном и без него.

В боях каждое оружие имело свое назначение. Судя по пенджикентским росписям, в VII—VIII вв. в согдийском вооружении большую роль играло копье. Об этом свидетельствуют те сцены в живописи Пенджикента, где в боях, особенно во фронтальных, воины применяют копье—и большинство вражеских воинов убито именно копьями (Беленицкий, 1973, с. 33, рис. 7, 27, 32).

Во многих из этих сцен воины изображены без щитов, что позволяет сделать два предположения. Первое — в боях редко применяли щит, и он не был обязательной частью оборонительного вооружения воина. Второе — именно плохая защита тела из-за отсутствия щита была причиной гибели воинов в боях, подобных изображенным на стенных росписях древнего Пенджикента.

Сейчас что-либо определенное сказать о щите из замка на горе Муг, конечно, трудно. Мы не знаем, какие воины носили такие красочные легкие щиты без умбонов. Но факт, что наряду со щитами с металлическими умбонами в Согде были и такие щиты, как мугский, вряд ли теперь можно оспаривать.

Мы вправе с уверенностью сказать, что щит из Абаргара не был предназначен для зищиты от копья, шестопера, меча и другого тяжелого оружия, так как для защиты от них служили щиты с металлическими умбонами.

В. И. Распопова пишет, что в VII—VIII вв. щит не был обязательной частью доспехов воина. В большинстве батальных сцен согдийской живописи щитов нет. Это объясняется тем, что с развитием тяжелых доспехов падала роль щита, который делали небольших размеров. Часто от него вообще отказывались (Распопова, 1973, с. 28).

Посмотрим, из чего состояли доспехи воина VII—VIII вв.

Судя по живописи древнего Пенджикента, росписи щита из замка на горе Муг и изображению на аниковском блюде, доспехи состояли из кольчуги, панцирей (чешуйчатых и пластинчатых — наборных), нарукавников и шлема с назатыльником — сеткой. Против таких доспехов использовались, очевидно, кинжалы, мечи, луки и стрелы, копья, булавы и секиры.

Какие же обороноспособные качества имели доспехи против этого наступательного орудия. Судя по живописи Пенджикента, согдийский меч был с длинным и острым концом. Следовательно, им можно было наносить рубящие и колющие удары. Такие удары наносили по телу, рукам и ногам, которые защищались панцирем. Но если панцирь защищал человека от рубящих ударов меча, то от его колющих, т. е. штыковых ударов, он вряд ли был достаточно эффективен. Для этого был необходим щит, способный защитить человека не только от режущих, но и от колющих ударов. Поэтому основным оружием обороны против меча был именно щит, что, в частности, хорошо видно на аниковском блюде.

При применении лука и стрел также нужен был щит, так как панцирь плохо защищал воина, особенно от стрел, выпущенных с близкого расстояния.

Против булавы, шестоперов и секир или боевых топоров щит также был основным обороняющим оружием, что хорошо видно на аниковском блюде, где осаждающие замок воины в доспехах вооружены мечами, булавами и щитами.

Таким образом, у нас нет оснований отрицать роль щита в боях VII—VIII вв. Применение же того или иного оружия зависело от характера боя и степени вооруженности противника.

АРХИТЕКТУРА И НАЗНАЧЕНИЕ ЗДАНИЯ

Основными строительными материалами замка на горе Муг были камень и кирпич-сырец. Из камня сложены юго-западная часть площадки, на которой стоит здание, а также нижние части его стен. Из кирпича-сырца — верхние части стен, своды и арки.

Кирпич-сырец замка на горе Муг прямоугольной формы. Размеры его колеблются: 48 — 52×24 — 26×8 — 10 см.[11] Таким образом, соотношение сторон сырцового кирпича в конечном счете соответствует 1 : 2. Кирпич формовался из галечной почвы, которую, очевидно, брали у подножия зам-

[11] А. И. Васильев в своем отчете о замке на горе Муг отмечает лишь один вид кирпича-сырца размером 52 х 26 х 9 см.

ка, на юго-восточной террасе. Строительный камень также брали на месте—рваные черные сланцы горы Муг. Поверхности сырцовых стен слегка наклонены внутрь. Пяты сводов, как уже отмечалось, образуют выступ, нависающий на 5 см над поверхностью стен. Выше пяты свода шла кладка, образующая дугу собственно свода, сложенного приемом вертикальных отрезков. Кирпичи в кладке сводов стояли вертикально, на коротком ребре, т. е. так же, как в сводчатых перекрытиях Согда того времени вообще (Воронина, 1953а, с. 122). Пазухи между сводами были заполнены мелкими и крупными камнями.

Арки входных проемов сложены клинчатой кладкой с чередованием широких и узких сторон (рис. 8, *б*).

Вертикальные швы между кирпичами в кладке стены достигали 1—2 см, а горизонтальные—2—3 см. Толщина раствора между кирпичами по горизонтали иногда достигает даже 4—5 см. Вертикальные швы между кирпичами свода (в тех случаях, когда их удалось замерить) не превышали 1 см. Сырец в кирпичных частях стен здания был уложен вперевязку, с чередованием ложков и тычков.

О планировке и архитектурных особенностях здания на горе Муг писали почти все его исследователи. Однако обычно это делалось походя, без специального подробного описания и исследования замка. Так, несмотря на то, что в 1946 г. в замке побывали такие крупные исследователи, как А. Ю. Якубовский и В. Л. Воронина, ошибки и неточности, допущенные при описаниях руин замка А. И. Васильевым в 1933 г., не были ими полностью учтены и исправлены. Более того, даже в отчете А. Ю. Якубовского при характеристике замка вкрались некоторые неточности. Так, А. Ю. Якубовский писал: «Особый интерес представил для нас сводчатый коридор, лежащий вдоль северной стены. Ширина этого коридора колеблется от 1,14 м до 1,17 м. Для истории архитектуры согдийских построек VII—VIII вв. этот сводчатый коридор представляет особую ценность» (Якубовский, 1950, с. 24). Между тем вдоль северной стены здания располагался не коридор, а анфилада арочных проемов, соединявших все пять сводчатых замковых помещений.

При характеристике замка на горе Муг нужно отметить его удачное размещение на местности. Отсюда хорошо видны расположенная у подножия замка терраса, по которой проходила дорога в сторону Хайрабада и Кума, речка Кум и канал (джуйбор) от Кума к Хайрабаду и текущий внизу Зеравшан. На востоке и юго-востоке на склоне гор хорошо видны земли с богарными полями, принадлежащими, видимо, обитателям замка. С горы Муг на севере, на правом берегу Зеравшана видно селение Тухмат (Тогмат), его сады и

джуйбор, идущий в сторону сел. Дар-Дар. Кроме того, замок на горе Муг был сооружен так, что к востоку и северу от него оставалось место для двора и других вспомогательных построек.

Таким образом, место для здания было выбрано очень удачно, с учетом рельефа и военно-оборонительных целей. Было, правда, одно неудобство — на западе площадка на вершине горы сужается и тем самым создается неудобство для строителей здания. Однако они нашли удачный выход, решив подчинить размеры и план помещения 1 условиям рельефа западного склона: помещение 1 сужается с севера на юг, а там, где склоны отступают на восток, кончается.

Продолжение помещения 1 составляет стена, достигающая толщины в 3,5 м. Такая толстая стена в этой части здания, где склоны холма очень крутые, была нужна и как прочная опора всей юго-западной части замковой постройки.

Эта стена обеспечила и постепенное ровное сужение цоколя замка, и ровную линию фасада для возможного сооружения помещений второго этажа.

А. И. Васильев писал, что каждая комната замка имела свое назначение. Помещение 1 он определял как открытую террасу, помещение 2 — как загон для скота и место деревообделочных работ; помещение 3 — как кладовую для хранения зерна и иных продуктов, а также как место приготовления пищи; помещение 5 — как жилое, а помещение 4 — как парадную комнату владетеля замка или как комнату, предназначенную «для религиозных надобностей» (А. И. Васильев, 1934, с. 29).

Как было отмечено выше, все помещения здания предназначались, скорее всего, для хозяйственных целей. Помещения 4 и 5, которые были оштукатурены ганчем, могли служить хранилищем для зерна. В остальных же обитатели замка могли хранить как продукты, так и топливо, солому и бытовые предметы. Ни в одной из раскопанных комнат не обнаружены несомненные следы очагов для приготовления пищи, равно как не найдены в них суфы и другие приспособления, которые встречаются в жилых комплексах—домах Пенджикента, Гардани Хисор и других поселениях Согда VII—VIII вв. н. э.

Чрезмерно длинные (до 17 м) и узкие помещения неудобны для постоянного проживания, а для хозяйственных целей их планировка вполне подходит. Такое назначение помещений объясняет и отсутствие коридора, соединявшего их между собой; его функции исполняли расположенные по одной оси арочные проемы с общим ходом вдоль северной стены здания.

Специалисты пишут о большом примитивизме в плане

замка Муг (Негматов и Хмельницкий, 1966, с. III; Нильсен, 1966, с. 179—181). Возможно, это так, но надо учесть, что он построен на вершине горы, где глина почти отсутствует, и основным строительным материалом был камень, а не кирпич-сырец. Последний использован только в пятах и сводах. Видимо, скорее всего, именно из-за недостатка сырцового кирпича древние строители возвели здание с таким несложным планом. Это, видимо, произошло не от незнания архитектуры. Свидетельством тому служат построенные недалеко от горы Муг в сел. Кум из кирпича-сырца сводчатые двухъярусные помещения.

А. И. Васильев заметил, что замок на горе Муг не является пунктом, защищающим или охраняющим дорогу или доступ к городу. Он служил только для защиты людей, живущих в замке (Васильев, 1934, с. 30). Труднодоступность вершины горы Муг, стены в южной и восточной части террасы — могли защищать лишь от неожиданных посетителей и облегчать оборону.

Стена вокруг здания на вершине горы была лишь оградой вроде современных дувалов, предназначенных для того, чтобы во двор не забредало стадо или отдельные животные и чтобы маленькие дети, играя во дворе, не выходили за его пределы. В данном случае это было особенно важно, так как вокруг двора находились опасные крутые обрывы.

В юго-восточной части двора на горе Муг расположена площадка, обнесенная каменной стеной. Очевидно, здесь тоже было какое-то помещение.

Как было отмечено выше, следы какой-то постройки видны и на северо-восточном конце террасы.

К востоку от замка, на другой стороне речки Кум, на склоне по левому берегу Зеравшана находится много богарных плодородных земель. Эти земли находятся далеко от лежащего к востоку сел. Заровод и в древности их могли, по-видимому, использовать только жители замка на горе Муг.

Если учесть, что даже сейчас в некоторых селениях Кухистана проживает одна-две семьи, мы вправе предполагать, что и в замке на горе Муг могла жить всего лишь одна семья земледельца с двумя или тремя братьями или слугами.

А. И. Васильев предполагал, что замок был двухэтажным, так как все документы на бумаге и коже лежали не на полу, а на высоте 50—70 см от пола (Васильев, 1934, с 22). Никаких других доводов в пользу существования второго этажа он не приводит. Судя по планировке и назначению сводчатых комнат замка, равно как и по толщине его стен, здесь, возможно, и был второй этаж. Однако от него, к сожалению, ничего не сохранилось. Кроме того, не обнаружено никаких следов лестницы или пандуса, по которому бы поднимались

на второй этаж. Правда, А. И. Васильев сообщает, что во время раскопок в 4-м помещении (III — по А. И. Васильеву) были обнаружены следы поперечной стены (там же), но вряд ли есть основания связывать эту стену с пандусом. Между тем, как известно, во всех раскопанных двухэтажных согдийских зданиях этого периода в Пенджикенте, Шахристане и т. п. есть пандус для подъема на второй этаж. Если признать вероятность существования в замке на горе Муг второго этажа, то здесь могла быть деревянная лестница (как сейчас в некоторых домах Самарканда, Пенджикента, Верхнего Зеравшана и других мест Средней Азии), что, возможно, объясняется появлением начиная с IX—X вв. вместо сводчатых помещений комнат с плоскими перекрытиями, стены второго этажа в таких домах были каркасными и вход в них осуществлялся через — деревянную лестницу.

А. И. Васильев писал, что замок на горе Муг был местом жительства какого-то высокопоставленного лица из господствующего класса (там же, с. 3). С. Л. Волин поддержал мнение А. И. Васильева. Он писал, что замок был местом пребывания Деваштича и одновременно убежищем для жителей окрестных селений на случай опасности (Волин, 1940, с. 32). «Поэтому ал-Маданини, — пишет С. Волин, — называет его крепостью, а не замком или дворцом» (там же). Наше исследование показало, что замок на горе Муг никогда не был и не мог быть местом длительного пребывания Деваштича или постоянного проживания его фрамандара, равно как и какого-либо крупного феодала.

Как теперь известно, в 12 км от замка на горе Муг находилось крупное сооружение дворцового типа в Гардани Хисор (Якубов, 1966, с. 40—45), а в сел. Кум — крепость, основная военная твердыня Паргара (Якубов, 1973б, с. 172—185). В свете этих данных мы вправе утверждать, что замок на горе Муг был всего лишь укрепленной усадьбой земледельца начала VIII в., а прославился он только благодаря событиям начала 20-х годов VIII в., когда согдийцы, преследуемые арабами, были вынуждены искать последнее укрытие в этом глухом труднодоступном месте.

Анфиладный план замка на горе Муг точных аналогий среди раскопанных памятников V—VIII вв. в Средней Азии не имеет. Самой близкой аналогией замку являются южные анфилады во дворце бухар-худатов в Варахше. Варахшинские помещения-анфилады углублены в цоколе дворца и являются полуподвальными. Вход в них был сверху при помощи лестницы, находящейся во втором помещении. Все эти Варахшинские помещения имели хозяйственное назначение (Шишкин, 1963, с. 53—54).

Однако здание на горе Муг со своими длинными узкими

коридорообразными помещениями во многом соответствует памятникам V — VIII вв. Средней Азии с так называемой коридорно-гребенчатой планировкой (Негматов и Хмельницкий, 1966 с. 106 — 115).

Вопрос о назначении зданий с такой коридорно-гребенчатой планировкой уже давно изучается среднеазиатскими историками и архитекторами.

В. А. Лавров считал, что здания коридорной планировки являются жилищами с древнейшим простейшим способом устройства перекрытия (Лавров, 1950, с. 44).

В. Л. Воронина придерживается мнения, что здания с такой планировкой присущи памятникам Согда, Уструшаны и верховьев Сырдарьи. Она считает, что «коридорная система планировки здания может быть расшифрована, примерно, следующим образом: отдельные комнаты были заняты парными семьями, составляющими вместе большую патриархальную семью ... Таким образом постройки типа Мунчактепе с несколькими соединенными коридорами помещениями представляют собою некое подобие «длинных домов»,— категории построек, сложившихся в условиях большесемейных общин у различных народов» (Воронина, 1950а, с. 191).

Большое внимание истории зданий коридорно-гребенчатой планировки уделил С. Г. Хмельницкий, который об их назначении пишет следующее: «Рассмотренный тип планировки был в течение многих веков свойственен зданиям определенного, сравнительно узкого назначения, связанным, по-видимому, с задачами обороны и размещения войск. В одних случаях это городские казармы, поставленные с таким расчетом, чтобы живущие в них воины могли без труда и быстро занять линию обороны (Топрак-Кала, Варахша, Кахкаха 1, и «Курган» в Термезе): в других — укрепленные сторожевые посты, возведенные в стратегически важных пунктах (замок на горе Муг, Термизактепа) или жилища феодальной дружины (Калаи-Боло)» (Негматов и Хмельницкий, 1966, с. 114).

Нам кажется, что В. А. Лавров, говоря о коридорных зданиях, включает в эту категорию построек много зданий иной — центрической планировки. С. Г. Хмельницкий отмечает, что «зданиями с «коридорно-гребенчатой» планировкой следует называть далеко не все постройки, помещения которых отличаются продолговатыми пропорциями. Принадлежность здания к той или иной системе планировки определяется не самим наличием вытянутых в плане помещений (они наличествуют буквально всюду, даже в кешках с ярко выраженной центрической планировкой), а взаиморасположением зданий. Комплексами помещений с коридорной планировкой мы будем называть лишь те, в которых единообразные комнаты вытянутых пропорций расположены рядом, парал-

лельно одна другой и симметрично относительно какой-то общей оси» (там же, с. 109—110).

С. Г. Хмельницкий причисляет бесспорно к зданиям коридорно-гребенчатой системы планировки следующие архитектурные памятники: северо-восточные башни Топрак-Калы (III в.), помещения цокольной части Кзыл-Калы (V—VII вв.), замок на горе Муг, помещения южной анфилады дворца и помещения южной крепостной башни в Варахше, Батуртепа на Верхнем Зеравшане (VII—VIII вв.), «Курган» в Термезе (VI—VII вв.), дом в Сарыге (VI—VII вв.), замок Калаи-Бало, Кахкаха I (VII—VIII вв.), Тирмизактепа (VII—XII вв.) и здание на городище Старой Нисы (XIV в.) (там же, с. 106—114). Мы со своей стороны к вышеперечисленным памятникам добавим кешк Пенджикента (Ставиский, 1950, с. 94, табл. 38), помещения северной части крепости Кум, хозяйственные помещения дворца Гардани Хисор (VII—VIII вв.) на Верхнем Зеравшане (Якубов, 1973, с. 180—185) и сводчатые помещения западной части замка Джумалактепа (Нильсен, 1966, с. 142). Как мы видели выше, С. Г. Хмельницкий все помещения с коридорной планировкой относит к жилищам типа воинских общежитий, казарм и сторожевых постов (Негматов и Хмельницкий, 1966, с. 109). Нам кажется, что не все вышеперечисленные здания с коридорно-гребенчатой планировкой играли роль военного общежития или сторожевого поста. Например, замок на горе Муг, как уже говорилось выше, не может быть военно-сторожевым постом потому, что находится в глухом и слишком отдаленном месте от главной дороги, идущей из Согда в Уструшану и дальше на Восток. Замок на горе Муг был, скорее всего, сельской *укрепленной усадьбой*.

По коридорной планировке построены помещения крепости Кум в 7 км от замка на горе Муг. Крепость с замком связана не только временем, но и событиями 722 г. Она еще полностью не исследована, раскопаны ее северная и частично западная части. Здесь сводчатые помещения расположены по обе стороны узкого коридора и в основном имеют хозяйственное назначение.

Крепость Кум, очевидно, была рассчитана на длительную оборону, поэтому нижний этаж сводчатых помещений был предназначен для хранения продуктов. К югу от крепости располагался большой двор с водоемом, который в случае опасности мог надолго обеспечить водой.

Кроме того, на расстоянии 150—200 м от крепости на северо-западном склоне сая Якдон находился небольшой родник, к нему ведет тропинка. Видимо, жители крепости в свое время использовали родник как источник питьевой воды.

Крепость Кум так же труднодоступна, как и замок на горе Муг; к ней вела только узкая и крутая тропинка. Но в отличие от замка ее нижний этаж насчитывал не пять сводчатых комнат, а несколько десятков помещений и обширный двор, которые могли вместить большое количество людей.

Размеры крепости в сел. Кум позволяли в случае опасности хранить запасы продуктов. А ее расположение давало возможность даже с незначительными силами удерживать крепость, защищая ее от сильного врага.

Кто жил в крепости, мы не знаем, возможно, это был староста сел. Кум. Судя по документу Б-18 из мугского архива, староста селения Заровод носил титул арспана (Лившиц, 1962, с. 153). Возможно, такие арспаны были во всех селениях Верхнего Зеравшана. Возникает вопрос: неужели столь мощная крепость Кум принадлежала или была построена для такого мелкого представителя власти как арспан? В литературе, по нашему мнению, слишком преувеличивают роль сельского дихкана. Он не был таким могущественным и богатым, чтобы в столь маленьком селении строить себе такую огромную крепость. По-видимому, крепость была построена всеми жителями сел. Кум, либо как их общее убежище, либо как военный оплот пенджикентского владетеля в этом горном районе.

По коридорной системе построены помещения 16—23 во дворце Гардани Хисор. Они сводчатые и в основном хозяйственные. Среди них помещения 19 и 23 имеют очаги: возможно, в них жили придворные слуги.

По вышеупомянутому планировочному признаку построены сводчатые помещения Батуртепе, которые расположены по обе стороны коридора. Батуртепе состоит, как и Гардани Хисор, из замка и примыкающих к нему сельских домов. А. М. Мандельштамом раскопаны помещения нижнего этажа замка. Верхний этаж не сохранился, хотя в ходе раскопок найден ведущий к нему пандус; раскопанные же сводчатые комнаты первого этажа имели хозяйственное назначение (Мандельштам, 1956б, с. 57—59; Ставиский, 1964а, с. 128).

Коридорные помещения кешка Пенджикента были сводчатыми. Некоторые из них являлись хозяйственными; другие — с очагами — жилыми (Ставиский, 1950, с. 94—99). Второй этаж кешка не сохранился, но о его существовании позволяет говорить открытый здесь пандус. В некоторых помещениях кешка обычно жила, по-видимому, стража, так как сейчас стало известно, что собственно дворцовые помещения находились на нижней площадке.

Кешк — это самая высокая точка города, отсюда хорошо просматривалась местность на большое расстояние. Однако

у нас нет никаких доказательств, чтобы обозначить все помещения кешка как комнаты для стражи.

В Варахше помещения с коридорной планировкой обнаружены во дворце и в цитадели. Помещения во дворце, т. е. в южной анфиладе, были хозяйственными, а в цитадели, по мнению В. А. Шишкина, могли иметь служебное назначение: «кладовых и, может быть, жилья для рабов и слуг или казарм для охраняющих замок гарнизонов» (Шишкин, 1963, с. 92).

Коридорные помещения в Джумалактепа (V—VI вв.) плохо сохранились, их западная часть не дошла до нас. Поэтому их назначение неизвестно (Нильсен, 1966, с. 148).

Что касается дома в Сарыге, от его план почти повторяет план Батуртепе: здесь сводчатые помещения расположены по обе стороны осевого центрального коридора. Памятник состоит из замка и сельских домов. Верхний этаж не сохранился, а раскопанные помещения нижнего этажа являются хозяйственными (Бернштам, 1950, с. 35—36).

Можно привести много примеров зданий с коридорно-гребенчатой планировкой, которые имели хозяйственное назначение. Вполне вероятно, что помещения Кахкаха I тоже не были военным общежитием, а играли другую роль.

По сообщению ибн-Хаукаля, во дворце афшинов находилась тюрьма (Хаукаль, 1340, с. 253). Поэтому, возможно, раскопанные в Кахкаха сводчатые комнаты являются тюремными помещениями.

Думается, исследователи иногда без достаточных оснований считают то или иное небольшое здание сторожевым постом или военным общежитием. Пока мы не знаем точно, как выглядели военные общежития, были ли они узкими, темными, сводчатыми, без всяких удобств для жилья. Почему военные казармы не должны иметь суф, освещения и отопительной системы? Как здесь могли жить в зимнее время? Судя по рассказу Наршахи, воины жили вместе с другими подчиненными людьми (анбух), при замках, в особых домиках, предназначенных для них (Смирнова, 1970. с. 49). Из этого сообщения вытекает, что у воинов (чакиров)) были специальные дома в замке или городе и, по всей вероятности, с должными удобствами.

О. И. Смирнова пишет о чакирах: «Это были люди наемные, но пользовавшиеся известными привилегиями и даже почетом». Далее приводится сообщение из письменных источников, где говорится, что «в 752 г. в 12-м месяце при дворе китайского императора был устроен в трех залах пир для иностранных чакиров, после пира каждый из них получил по 30 кусков шелка, что равнялось плате воину за 30 месяцев его службы у тюрков» (Смирнова, 1970, с. 49).

Наемные чакиры подчинялись государю и в военных по-

ходах сопровождали его. По мнению В. В. Бартольда, «под чакирами надо понимать военную силу, которой располагали князья и вельможи» (Бартольд, 1963б, с. 209).

По сообщению того же Наршахи, кроме вышеупомянутых чакиров, были дворянские дружины, которые набирались из высшей дихканской знати и царских потомков (Наршахи, 1897, с. 15—16).

Эти дружины приходили служить бухар-худату ежедневно из разных рустаков Бухары и к вечеру возвращались домой. Во время войны они со своим старшиной приходили на царскую службу. По мнению А. Джалилова, дворянские дружины в мирное время при дворе не находились (Джалилов, 1961, с. 85). Таким образом, из сообщений письменных источников вытекает, что в VII—VIII вв. существовала наемная — личная гвардия князя, которая находилась на государственном обеспечении. Эта группа чакиров набиралась из числа свободных людей и пользовалась авторитетом. Чакиры жили в городе в специально выделенных для них домах, а не в сводчатых, полутемных, без всяких удобств, помещениях.

Судя по раскопанным памятникам, в Пенджикенте, Шахристане (Термизактепа и Чильхуджра), Варахше, Куме, на горе Муг, Гардани Хисор, Батуртепе 90% сводчатых помещений имели хозяйственное назначение.

Возможно, некоторые сводчатые помещения типа Кахкаха I (цитадель Бунджиката) и Варахши в цитадели играли роль тюрьмы. Судя по письменным источникам, тюрма в большинстве городов Средней Азии находилась в цитаделях. Даже в XIX в. в Бухаре тюрьма всегда находилась в арке (Наршахи, 1897, с. 54).

Таким образом, здания с коридорно-гребенчатой планировкой могут иметь разнообразное назначение, но преимущественно они играли хозяйственную роль.

Глава II. ДВОРЕЦ ГАРДАНИ ХИСОР

Гардани Хисор расположен примерно в 1 км от Мадма, над саем Парваг, к северу от дороги, идущей из этого селения в сел. Кум. Разместившийся на одной из возвышенностей, более 300 м выше сая Мадм, Гардани Хисор (рис. 26) господствует над окружающей местностью. С него хорошо просматриваются и само сел. Мадм, и вьючная тропа из Мадма в Вашан, и дорога из Мадма вниз по саю к Зеравшану, и путь из Мадма в Кум. На севере видны также сады селения Вишкенд на правом берегу Зеравшана и проходящая по тому же берегу современная автодорога из Пенджикента в Айни.

Гардани Хисор с востока, севера и северо-запада окружен обрывами и крутыми склонами. Северо-восточнее Гардани Хисор проходит сай Парваг. Воды сая берут свое начало от источников, расположенных неподалеку от дороги, идущей из Мадма в Кум. Вода в этих источниках солоноватая, но в случае необходимости окрестные жители пользуются ею. Используют ее и для водопоя стад, причем около одного из источников для этих целей ранее был сооружен водоем, обложенный камнями.

Гардани Хисор привлек к себе внимание уже давно. Вскоре после открытий в замке на горе Муг, в 1934 г. А. Пулоди организовал силами колхозников селения Мадм «раскопки» в Гардани Хисор. «Раскопки» велись ямами в нескольких местах большого холма.

Цель их была одна — во чтобы то ни стало найти рукописные докуметы. Очень скоро «раскопщики» убедились в том, что в Гардани Хисор был сильный пожар и от документов здесь ничего не могло сохраниться, после чего прекратили работы. Тем не менее эти «раскопки» затронули многие помещения основной части памятника. Ямы были вырыты в помещениях 1, 2, 3, 4, 5, 6, причем в нескольких ямах нами обнаружены разрушенные стены, суфы, полы и куски резного дерева.

В 1946 г. Гардани Хисор посетила группа сотрудников Зеравшанского отряда СТ АЭ во главе с О. И. Смирновой, давшей первое в литературе описание этого памятника (Смирнова, 1950б, с. 61; Якубовский, 1950, с. 25). Это описание содержит некоторые неточности и ошибочные положения. Так, О. И. Смирнова пишет, что здание на Гардани Хисор состояло, подобно замку на горе Муг, из сводчатых помещений и также служило сторожевым пунктом (Смирнова, 1950б, с. 61).

Наконец, в 1963 г. после осмотра Гардани Хисор Б. Я. Ставиский избрал его одним из объектов раскопочных работ Верхнезеравшанской группы (Ставиский, 1966, с. 282).

Как показали работы 1964—1966 гг.,[1] памятник занимал не только вершину возвышенности, но и большую площадку к западу и северу от нее. На вершине размещалась парадная часть комплекса, на обширной нижней площадке — скорее всего, подсобные и хозяйственные службы. Верхняя, парадная часть в основном уже раскопана, на нижней в 1965 г. был заложен шурф, показавший, что здесь залегает мощный, почти трехметровый, культурный слой (в последние годы на месте шурфа раскопано сельское поселение).

РАСКОПАННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Раскопанная в значительной мере верхняя парадная часть Гардани Хисор состояла из двух построек и двора между ними. Главной постройкой была северная, разместившаяся на обрывистом мысу, на естественной возвышенности, дополненной искусственной пахсовой и сырцовой; вместе они образовали трехметровую платформу, на которой и была возведена основная часть здания.

Дворцовая постройка (рис. 27, 28)

Эта основная часть сооружения состояла из парадных и вспомогательных помещений. На южном ее краю находился, по-видимому, широкий айван, вытянутый с запада на восток на 15 м при ширине в 3,25 м. Вдоль стены айвана было зафиксировано несколько выемок, возможно, от столбов или колонн, на которые опирались прогоны перекрытия. По юж-

[1] Раскопки Гардани Хисор велись автором под руководством начальника Верхнезеравшанской группы Т АЭ Б. Я. Ставиского. В раскопках участвовали В. Л. Воронина, А. П. Косургашева и Б. И. Вайнберг (Москва), Е. Д. Салтовская (Душанбе), Л. Л. Луконина и Н. Н. Гаазе (Ленинград), Е. П. Денисов (Душанбе) и шофер С. Якубов.

ному краю айвана также должны были располагаться колонны, но от них никаких следов не сохранилось. На западе айван отгорожен стеной (длиной в 3 м и толщиной в 1,5 м). Стена эта сложена из пахсовых блоков. Пол айвана неровный, обмазка его не сохранилась. В восточной части местами из-под пола торчат каменные плиты. Из айвана внутрь здания вел коленчатый в плане проход. В нем на расстоянии 60 см друг от друга зачищены два паза от дверных порогов Проход вел в большой центральный коридор — помещение 3.

Помещение 3 расположено в центре парадного комплекса. В плане оно представляет собой прямоугольную комнату, вытянутую с севера на юг, с шестью проемами и двумя суфами. Помещение достигает 9,10 м в длину и 2,60 м в ширину.

Суфы, высотою в 35 см, коленчатой формы. Одна из них расположена вдоль северной стены и переходит на восточную. Ее северная часть имеет 1,60 м в длину и 1 м в ширину, восточная — 2,40 м в длину и 80 см в ширину. Вторая суфа расположена вдоль южной стены с переходом на западную. Ее размеры в южной части 2,25 м в длину и 80 см в ширину, в западной — 3,25 м в длину и 1 м в ширину. Сложены суфы из красного кирпича (48—50×24—25×9—10 см) и обмазаны многослойной серой глиной.

В комнате шесть проемов: три — в западной стене, три — в восточной. Стены сохранились на высоту 2,0—2,20 м. Они в нижней части сложены из пахсовых блоков (80—90×70 см), а в верхней — из кирпича-сырца (50×25×10 см). Стены были обмазаны глиняной штукатуркой. Повсеместно видны следы сильного пожара.

Заполнение состояло из кусков пахсы и сырцовых кирпичей. На полу у входа в помещение 13 найдено несколько раздавленных сосудов: 2 кувшина и 5 лепных котлов. Пол обожжен и покрыт десятисантиметровым обгоревшим слоем из кусков пахсы, сырца, штукатурки и обрушившихся балок плоского деревянного перекрытия.

Помещение 4. Вход в него вел из центрального коридора через суфу в юго-западном углу. Ширина входного проема — 96 см. В стенах проема сохранились две выемки от деревянного порога: одна в северной, другая в южной стене. Их глубина и ширина 25 см.

Помещение 4 — прямоугольное в плане, длиной 2,8 м и шириной 1,25 м, вытянуто с юга на север. Нижние части южной и восточной стен сложены из пахсы (80×70 см), а верхняя — из кирпича-сырца красной глины (50×25×10 см). Северная и восточная стены — из такого же кирпича-сырца на растворе из зеленой глины. Стены сохранились на высоту до 2 м; они были обмазаны глиняной штукатуркой. На ней, как и в помещении 3, видны следы сильного пожара.

Заполнение помещения состояло из разрушившихся кладок верхней части стен (обломки сырцовых кирпичей). В завале встречались угольки, черепки, косточки и др. Пол помещения 4 покоится на двух слоях кирпича-сырца: верхнем — из красного кирпича, нижнем — из зеленого (размером 50×25×10 см) и хорошо обмазан слоем серой глины.

Помещение 2.* В плане оно коленчатое, вытянутое с востока на запад на 3.25 и дальше на юг — на 4 м, шириной 1,60 м. Стены помещения сохранились местами до 170 см. Южная, западная и северная стены сложены из пахсовых блоков (100 — 90 × 60 — 70 см). Глубина швов между пахсовыми блоками от 15 до 20 см. Ширина швов от 2 до 3 см.

Восточная стена сложена из кирпича-сырца красного цвета на растворе из зеленой глины. Швы между кирпичами имеют толщину 3 см.

Вдоль южной и восточной стены вытянута суфа шириной в 60 см и высотой в 40 см, сложенная из кирпича-сырца красного цвета и сверху обмазанная серой глиняной штукатуркой. На суфе, близ поворота стены, в углу расчищены остатки обгоревшей деревянной базы, квадратной в основании, размером 42 × 42 см. Юго-восточный угол базы был заделан в стену. База имела форму усеченной четырехугольной пирамиды. Стенки базы были украшены резьбою. Ствол колонны над базой не сохранился.

Входной проем шириной в 110 см соединял это помещение с помещением 3. В стенах входного проема сохранились четыре выемки от дверного порога: две — у северной, две — у южной стены. Очевидно, проход имел две двери. Расстояние между ними равнялось 75 см.

Пол выложен из кирпича-сырца красного цвета, сверху гладко обмазан серой глиной. Он хорошо сохранился. Стены, суфы и пол сильно обожжены. Завал в помещении состоял из мелких и больших кусков горелого дерева и обожженной штукатурки, кусков кирпича и пахсовых блоков. Из завала вынуто много обломков обгорелого дерева от плоской кровли (рис. 29). Расчищено более 20 обгоревших кусков дерева (размером от 90 см до 1,5 м), украшенных резьбой. На полу также найдены глиняные горшок и кувшин.

В кувшине находился 51 астрагал. На одном из них укреплен железный обруч. Среди найденных в Пенджикенте при раскопках объекта VI более ста астрагалов были точно такие же, с железными обручами (Ставиский, 1964б, с. 171, 174).

---

* Первоначально его западная, вытянутая с севера на юг часть обозначалась как отдельное помещение 5.

Помещение 6 расположено в юго-западной части парадного комплекса. Работы здесь были начаты еще в 1934 г. Тогда был снят верхний слой завала и срублены сверху до поверхности суфы западная и частично южная стены.

Помещение 6 (рис. 30) в плане прямоугольное, вытянуто с севера на юг на 2,85 м, с запада на восток — на 3,77 м. Стены внизу сложены из пахсовых блоков (90 × 70 см), а с высоты 1,50 м от пола из сырцовых кирпичей (52×26×10 см). Пахса — из серой глины, кирпичи — из красной на растворе из зеленой глины. Поверхности стен обмазаны толстым слоем штукатурки из зеленовато-серой глины. На стенах видны следы сильного пожара.

В помещении были две суфы: одна — вдоль восточной стены (длина 1,75 м, ширина 75 см и высота 35 см), вторая — вдоль северной с переходом на западую. В северной части длина 2,40 м, ширина 75 см, высота 33 см; в западной ширина 50 см, длина 2,20 м и высота 35 см.

Суфы сложены из красного кирпича-сырца (50 — 52 × 25 × 9 — 10 см) и сверху обмазаны глиняной штукатуркой.

В центре южной стены находится небольшое двухступенчатое сооружение из кирпича-сырца красного цвета, аккуратно обмазанное глиняной штукатуркой. Общая ширина этого сооружения 80 см; высота верхней ступени 33 см, ширина 23 см; высота нижней ступеньки 21 см, ширина 22 см. Назначение его пока неясно.

В помещении — два проема. Один в северо-западном углу (шириной 75 см) ведет в помещение I. В стенах прохода сохранились две выемки от деревянного порога: одна в западной, другая в северной стене. Их глубина и ширина 20 см, высота 10 см. Проход из помещения I вел прямо на северную суфу помещения 6. Второй проем расположен в северо-восточном углу. Он вел в помещение 2. Его ширина 110 см. В проходе сохранился обуглившийся деревянный порог. Его длина 110 см, ширина 20 см. Порог двухступенчатый с выемкой для створки двери. В нем сохранились остатки двух вертикальных боковых стоек дверной рамы. На одной из них сохранились остатки резного узора.

Во время расчистки порога было найдено еще несколько фрагментов дверной рамы, покрытых резьбой. В северной части порога сохранилась выемка и в ней округленный штырь от двери.

Завал в помещении состоял из мелких кусков горелого дерева и обоженной глиняной штукатурки. Среди обломков обгорелого дерева от плоской кровли были расчищены фрагменты, украшенные резьбой: сочетание геометрического и растительного орнаментов (рис. 31).

На полу также найдена разбитая глиняная маслобойка.

Пол сильно обгорел. Он лежит на кладке кирпича-сырца красного цвета, сверху обмазанной серой глиной.

Помещение 1 расположено к северу от помещения 6. В плане оно представляет собой прямоугольную сводчатую комнату, вытянутую с востока на запад (размером 4,10 × 1,70 м). В основном оно раскопано в 1934 г. и лишь дочищено нами. Стены его в нижней части сложены из пахсовых блоков (90 × 70 см), а в верхней из кирпича-сырца красного цвета (55 — 51 — 50 × 25 × 10 см). Сохранились они на высоту до 2 м. В юго-восточной части южной стены сохранилась пята свода: поверх пахсовых блоков здесь лежат горизонтальные ряды кирпича-сырца, а еще выше, — стоящие на торце сырцовые кирпичи свода. Это помещение пока единственная несомненно сводчатая комната описываемого здания.

Входной проем в помещение 6 расположен в юго-западном углу. Пол выложен из кирпича-сырца красного цвета на растворе из зеленой глины.

Помещение 10 (зал) расположено в северо-западном углу здания, часть которого смыта, как и вся западная стена. В плане зал почти квадратный; его размеры: 7,70 м с юга на север и 7,50 м с востока на запад. Стены помещения сохранились на высоту до 1,50 м. Южная и восточная стены в нижней части сложены из пахсовых блоков (100 — 90 × 70 — 75 см), а в верхней из кирпича-сырца красного цвета (50 — 52 × 25 — 26 × 9 — 10 см). Северная стена сложена из красного кирпича-сырца. Стены обмазаны толстой гладкой штукатуркой. Вдоль всех стен зала тянулись суфы шириной в 1,30 м и высотой в 45 см. Западная суфа посередине расширяется, образуя площадку — «почетное сидение». Стены суфы сложены из кирпича-сырца красного цвета (50 — 52 × 25 — 26 × 9 — 10 см). Заполнение внутри суф состояло из кусков пахсы, сырцовых кирпичей, камней и др. Сверху и сбоку суфы покрывала штукатурка из серой глины. На восточной суфе под первым слоем штукатурки обнаружены следы росписи — красной, белой и синей красками. Здесь же найдены и деревянные панели и куски обгорелого ворсового ковра. Один его кусок, как бы свернутый в рулон, найден в северо-восточном углу. Отпечатки ковра обнаружены почти на всей суфе и на ее боковой поверхности. Штукатурка на стенах и суфах сильно обгорела.

Зал имел плоское деревянное перекрытие, опиравшееся на четыре деревянные колонны на деревянных базах. До нас дошли остатки обгоревших баз в юго-восточной и северо-восточной частях зала. Юго-восточная база несимметричная; ее размеры: по восточному краю — 87 см, по западному —83, по северному — 90 и по южному — 83 см. Северо-восточная

база была в плане квадратной (80 × 80 см). Стволы колонн не сохранились.

Посреди зала находится аккуратное ковшеобразное возвышение (высотой в 30 см), обмазанное саманно-глиняной штукатуркой. Сверху на возвышении находится углубление — место, где горел огонь. Оно было заполнено чистой золой. Юго-восточная часть возвышения была срублена в 1934 г. Прямых аналогий центральному возвышению помещения 10 в Пенджикенте нет.

В Балалыктепе найдено возвышение, которое, по мнению Л. И. Альбаума, было круглым в плане (Альбаум, 1960, с. 86). Ближе всего по форме к нашему возвышению центральная суфа в Варахше в «красном зале». Она в плане аналогична мадмской, но первая обрамлена бортиками (Шишкин, 1963, с. 58). Думается, что назначение всех этих центральных возвышений было одинаково, т. е. на них либо устанавливались жертвенники, либо разводился огонь (оташи пухтан мукаддас).

Вход в зал вел из центрального коридора (пом. 3) и находился в юго-восточном углу. Его ширина 110 см. В стенах прохода сохранились две выемки от деревянного порога: одна у восточной, другая у южной стены. Их ширина 25 см, глубина 20 см и высота 15 см. Проход в зал был оформлен тамбуром с двумя тонкими стенками из сырцовых кирпичей. Одна из них пристроена к восточной стене. Ее ширина 30 см, длина 40 см и сохранилась она на высоту в 80 см. Другая пристроена к южной стене и имеет коленчатую форму. Ее размеры в южной части: 1 м в длину, 30 см в ширину и 90 см в высоту. Стены тамбура аккуратно обмазаны гладкой глиняной штукатуркой. Подобные тамбуры встречаются (правда, редко) в Пенджикенте. Чаще мы видим их в зданиях Шахристана—в замке Калаи Кахкаха II и в Урта Кургане (Негматов, Хмельницкий, 1966, с. 75).

Пол зала выложен из кирпича-сырца красного цвета. Он покрыт гладкой глиняной обмазкой, поверхность которой хорошо сохранилась. Пол частично обожжен и покрыт черной копотью.

Завал в помещении состоял из рухнувших кусков пахсы и сырцовых кирпичей, а также упавших сгоревших и полуобгоревших балок кровли. В рыхлом надпольном слое было много кусков горелого дерева. Здесь зарегистрированы десятки балок различных диаметров. В завале изредка встречались обломки хумов, кувшинов и другой хозяйственной посуды.

Помещение 12 расположено к востоку от центрального коридора. Оно в плане прямоугольное, вытянутое с запада на восток (4,80 × 9,40 м). Западная и северная стены в

нижней части сложены из пахсовых блоков, а в верхней — из красного кирпича-сырца (50 — 48 × 26 — 25 × 9 — 10 см). Западная часть северной стены и западная стена сохранились на высоту до 2 м. Восточная часть северной стены разрушена и сохранилась на высоту всего 50 см. Восточная стена не сохранилась вообще. Южная стена сложена из кирпича-сырца красного цвета на растворе из зеленой глины. Она сохранилась местами на высоту до 2,20 м. Все стены аккуратно оштукатурены.

Вход шириной в 1 м в помещение 12 вел из помещения 3; он расположен в юго-западном углу. В стенках входного проема сохранились две выемки от деревянного порога: одна у северной, другая у южной стены. Здесь же обнаружены два плоских камня; возможно, они подпирали деревянный порог.

Вход в помещение представляет собой небольшой прямоугольный коридорчик-тамбур, отгороженный от остальной части комнаты двумя тонкими стенами. Одна из них пристроена к южной стене. Ее длина 35 см, ширина 30 см, сохранилась на высоту до 75 см. Другая пристроена к западной стене. Ее длина 1,10 м, ширина 35 см, сохранилась на высоту 1,30 м. Стены тамбура сложены из кирпича-сырца красного цвета (50 — 48×25×10 см) и обмазаны глиняной штукатуркой. Длина тамбура 1,77 м, ширина 1 м. Выход из тамбура внутрь помещения 12 имеет ширину 65 см.

Значительную часть комнаты занимают суфы. Они тянутся вдоль западной, северной и восточной стен. В середине северной стены находилось расширение — «место для почетного гостя». Западная суфа имеет ширину 1 м и высоту 40 см; северная — ширину 1,60 м и высоту 40 см; южная — ширину 1 м и высоту 40 см. Суфы сложены из кирпича-сырца красного цвета и сверху обмазаны серой глиняной штукатуркой.

Примерно в центре южной стены расположен алтарь (рис. 32). Он представляет собой неглубокую сырцовую нишу, пристроенную к стене; по бокам ниши находятся две колонки, перед которыми ковшеобразный очаг с невысокими глиняными бортиками (здесь горел «священный» огонь). Бортики имеют ширину 10 см, высоту 7 см, они хорошо сохранились и оштукатурены серой глиной. Внутри алтаря было много мелких угольков и золы.

Алтарь стоит на небольшой суфе. Ее длина 2 м, ширина 1,10 м высота 16 см. Края северной части суфы разбиты, но в целом сохранилась хорошо. У стены над алтарем с двух сторон имеются прямоугольные выступы, сложенные из сырцовых кирпичей в виде пилонов, шириной 25 см. Очевидно, они являются остатками ниши, которая возвышалась над алтарем и имела арочный верх. Нижняя часть ниши пред-

ставляет собой маленькую ступеньку. Ее ширина 20 см, длина 50 см, высота 25 см.

Справа и слева от ниши алтаря расчищены глиняные базы с отверстием в центре, по-видимому, от деревянных колонн. Базы имеют форму усеченной четырехугольной пирамиды, в основании ширина их 30 см и высота 18 см. На поверхности баз были обнаружены два ряда лепных круглых жгутиков.

Верхние части колонн не сохранились; поэтому мы ничего не можем сказать о том, как они выглядели и для чего служили. Однако алтари с арочкой и колонками найдены в Пенджикенте, на объекте III (пом. 13 и 18), а также на объекте IX (пом. 18). На основании этих находок В. Л. Воронина дала примерную реконструкцию такого алтаря (Воронина, 1964, с. 68). В этой реконструкции мы находим почти все признаки алтаря Гардани Хисор, т. е. алтарь с аркой и миниатюрными колонками по бокам, а также площадку перед ней, место, где горел огонь. Алтари с нишкой, относящиеся к III в. н. э., найдены также в Хорезме и Бегараме (Толстов, 1952, с. 39; Рапопорт, Трудновская, 1958, с. 359 — 360). Очевидно, алтарь из Гардани Хисор, как и пенджикентские, восходит к этим более ранним культовым сооружениям.

Заполнение помещения можно разделить на несколько слоев. Верхний (толщина его не превышала 20 — 25 см) составлял дерновый слой. Второй (толщиной 1,50 м) состоял из упавших со стен сырцовых кирпичей и пахсы. Третий — из упавших обожженных кусков пахсы и сырцовых кирпичей, развалившихся кусков арки, колонн, лепных украшений алтаря, полуобгоревших балок, угольков, золы и палок от кровли.

На полу у восточной колонны был найден маленький раздавленный стеклянный флакон. Керамические находки встречались крайне редко. Здесь были зафиксированы куски резного дерева. Но целых фрагментов найдено не было.

Пол выложен из кирпича-сырца красного цвета. Сверху он был гладко оштукатурен глиной.

Помещение 12, очевидно, играло во дворце роль домашнего святилища.

Помещение 13 расположено к югу от помещения 12, южная стена которого является северной стеной помещения 13.

В плане оно прямоугольное, вытянутое с запада на восток, 6 м в длину и 1,60 м в ширину. Вход в него был расположен в юго-западном углу и вел из центрального коридора (пом. 3). Ширина входа 95 см. Порог у входа выложен из камней.

Западная, южная и северная стены сохранились на высоту до 1,50 м, восточная не сохранилась. Южная и западная стены в нижней части сложены из пахсовых блоков (80 — 90 ×

70 см), а в верхней — из кирпича-сырца красного цвета (50 — 48 × 26 — 25 × 10 — 9 см). Северная сложена из сырцового кирпича красного цвета на зеленом глиняном растворе. На стенах местами хорошо сохранилась штукатурка.

Комната разделена тонкими невысокими перегородками на пять отсеков. Два из них (вдоль северной стены) более узкие и длинные, чем три остальные, расположенные вдоль южной стены.

Отсек 1 имеет квадратную форму (95×95 см) и расположен у входа в помещение. Внутри он был заложен кирпичом-сырцом красного цвета (52 — 50 × 26 — 25 × 10 — 9 см). В отсеке во время расчистки были найдены две монеты (Тархуна и второй тип чекана Гурека).

Отсек 2 имеет почти квадратную форму (105 × 110 см). Он расположен возле отсека 1, вдоль южной стены. Стенки отсека сложены из сырца-кирпича на глиняном сером растворе. Западная и северная стенки отсека имеют 25 см в толщину, а восточная — 15 см. Отсек 2 также был заложен, как и отсек 1

Отеск 3 расположен к востоку от отсека 2 вдоль южной стены. Он в плане прямоугольный, вытянутый с запада на восток. Его длина 1,70 м, ширина1 м. Внутри и он, и стенки его обмазаны ганчем.

Отсек 4 расположен к северу от отсека 3 вдоль северной стены (110×50 см), которая является южной стеной отсека 4. Его восточная стенка не сохранилась. И стенки, и пол внутри отсека были обмазаны ганчем.

Отсек 5 находится к западу от 4-го и к северу от 2-го и 1-го, вдоль северной и западной стены. Его длина 2 м и ширина 50 см. Отсек заложен кирпичом-сырцом красного цвета (50 — 48 × 25 ×10 см).

Завал в помещении 13 состоял из упавших сырцовых кирпичей. Под кирпичами он был рыхлым с большим количеством керамики.

Помещение 13 имело хозяйственное назначение. Его отсеки были заложены, скорее всего, после большого пожара начала 20-х годов VIII в.

Помещение 14 расположено к югу от помещения 13. Оно в плане прямоугольное, вытянутое с востока на запад на 3,25 м и с юга на север на 2,40 м. Стены помещения сохранились на высоту: западная — 1,30 м, восточная — 50 см, южная в юго-западной части — 1 м, северная в северо-западной части — 1,80 м, а в северо-восточной части — 50 см, восточная — 30 см.

Стены в основании сложены из положенных в один ряд сырцовых кирпичей, выше — из пахсовых блоков (90 — 80 × × 75 — 70 см). Штукатурка стен не сохранилась.

Дверной проем в помещении не обнаружен. В юго-западном углу южной стены комнаты стояло какое-то сооружение из крупных рваных камней и кирпичей. Возможно, это была суфа.

Пол выложен из кирпича-сырца и сверху обмазан серой глиной. Перекрытие было, вероятно, плоское, деревянное. Завал состоял из камней, сырцовых кирпичей и кусков пахсы. Помещение имело какое-то подсобное хозяйственное назначение.

Помещение 7 расположено к северу от помещения 12. В плане оно коленчатое, вытянутое с востока на запад с поворотом на север, где оно соединяется с помещением 8; в восточной части имеет ширину 2,75 м, в западной — 2,60 м.

Стены сохранились на высоту: восточная — 50 см, южная—2 м, западная — 2.50 м и северная — 1,50 м. Западная часть южной стены и западная стена сложены из пахсовых блоков (90×80×75 см) из серой глины. Восточная часть южной стены, восточная и северная стены сложены из кирпича-сырца красной глины (48 — 50×25×10 см) на растворе из зеленой глины.

Северная стена очень толстая — 2,80 м. Зачем понадобилась такая толстая стена — сказать трудно. В стене выявлена бесформенная яма с золой. Однако и эта яма и слой золы относятся ко времени, когда стена была разрушена. Возможно, что здесь был ход на крышу. Не лишено также вероятности, что стена эта была связана с системой перекрытий, т. е. являлась центральной стеной двух смежных помещений (7 и 8). В этом случае на нее опирались балки с юга, запада и севера, и строители, учитывая все это, построили ее такой мощной.

Помещение 8 по существу является частью помещения 7, в плане оно прямоугольное, вытянутое с востока на запад; в юго-западном углу они соединяются. Восточная стена не сохранилась, а остальные стены сохранились на высоту: западная и западная часть северной стены — 2 м, восточная часть северной стены — 50 см.

Стены сложены из кирпича-сырца красной глины. Только северная стена местами сложена из кирпича-сырца зеленой глины на растворе из красной. Полы помещений 7 и 8 выложены из кирпича-сырца, обмазка на них не сохранилась. Завал в этих помещениях состоял из упавших сырцовых кирпичей южной стены помещения 8. Внизу над полом лежали полуобгоревшие и обугленные балки от перекрытия. В завале часто встречалась керамика.

Помещение 9 расположено к северу от 8-го. В плане оно прямоугольное, вытянутое с востока на запад на 5,40 м и с юга на север на 2,25 м.

Западная, восточная и южная стены сложены из кирпича-сырца двух цветов — красного и зеленого — на растворе из глины зеленого цвета. Северная стена у основания высотой в три кирпича сложена из сырца красного цвета, выше — из пахсовых блоков серого цвета (90 × 70 см). Стены сохранились: восточная на 50 см, северная на 1 м, западная на 1,20 м, южная на высоту 2 м; они аккуратно оштукатурены.

В помещении 9 два проема. Один, в северо-восточной части северной стены, соединяет его с помещением 11. Его ширина и глубина 1 м. В стенах прохода выемки от дверного порога не обнаружены: очевидно, между помещениями 9 и 11 не было двери. Другой проем расположен в северо-западной части северной стены. Он ведет в помещение 15. Его ширина 1 м и глубина 1,20 м. В стенах прохода также не обнаружены выемки от дверного порога и здесь, видимо, тоже не было двери.

Вдоль восточной, южной и западной стен тянулись суфы высотой в 20 см. Восточная суфа на 25 см шире южной. Западная суфа не сохранилась. Суфы сложены из кирпича-сырца красного цвета. Заполнение внутри суф состояло из кусков пахсы, сырцовых кирпичей, камней и земли. Суфы были аккуратно оштукатурены серой глиной.

Пол выложен из кирпича-сырца красного цвета и тщательно обмазан серой глиной.

Завал в помещении состоял из упавших со стен кирпичей пахсы и полуобгоревших кусков балок от перекрытия. В завале изредка встречалась керамика.

Помещение 11 расположено к северу от помещения 9. Юго-восточная часть южной стены, восточная, северная, а также северо-западная часть западной стены не сохранились. Поэтому о плане помещения судить трудно. Западная и часть южной стены сохранились на высоту 1 м. Они внизу сложены из сырцового кирпича (в три ряда), а выше из серых пахсовых блоков (90×70 см). Западная стена сохранилась на длину 4,50 м, а южная — на 1,50 м. Стены были обмазаны ганчевой штукатуркой. Пол выложен из красных сырцовых кирпичей (50×24×10 см). Находок не обнаружено.

Помещение 11 было самой последней комнатой в северо-восточной части парадного комплекса. Выход из него вел в помещение 9, вход не сохранился. Очевидно, он находился в юго-восточной части помещения.

Помещение 15 расположено к западу от 11-го. В плане оно прямоугольное, вытянутое с юга на север более чем на 3,50 м, а с востока на запад — на 2 м. Южная его стена, юго-западная часть западной стены и юго-восточная часть восточной стены сохранились местами на высоту от 15 см до 1 м. Северная часть помещения смыта.

Восточная и южная стены были внизу сложены из трех рядов кирпича-сырца (48 — 50 × 25 × 10 см) на растворе из зеленой глины, а вверху — из пахсовых блоков. Западная стена целиком сложена из кирпича-сырца красного цвета на растворе из зеленой глины.

Вход в помещение вел из помещения 9. Пол выложен из кирпича-сырца. Завал невелик, находки отсутствовали.

Помещения 1 — 15 занимали всю возвышенную, поднятую на платфому, часть здания. Описываемые далее помещения 16 — 23 располагались ниже, у подножия платформы, на восточном склоне первоначального холма.

Помещение 16 было обнаружено случайно на восточном склоне. Оно вытянуто вдоль восточного края цоколя с юга на север на 10 м, при ширине в 1,80 м (в южной части) и 1,10 м на севере. Западная его стена сохранилась на высоту 3 м, восточная — на 2 м. Последняя внизу сложена из пахсовых блоков (90, 95, 100 × 75 см), а вверху из кирпича-сырца красного цвета на растворе из зеленой глины. Западная стена сложена из пахсовых блоков (90, 100 × 70 см). Лицевая сторона (особенно в ее верхней части) сильно разрушилась. На стенах местами сохранилась глиняная штукатурка.

В помещении пять проемов. Один — в южной стене — является входом. Его ширина 1 м. В стенах проема сохранились две выемки от дверного порога: одна у западной, другая у восточной стены. От деревянного порога осталась лишь труха, но по отпечаткам на стенках и на полу можно установить его размеры: он имел длину 1,32 м, ширину 25 см и толщину 15 см. Порог на 15 см в западной и на 10 см в восточной стороне был заглублен в кладки стен. Дверь открывалась со стороны двора. Порог находился на 1 м выше пола помещения, и для спуска здесь была сложена каменная лестница, состоящая из шести ступенек. Первая (сверху) имела в ширину 40 см, в длину 90, в высоту 10 см; вторая — соответственно 20 см, 90, 15 см; третья — 20 см, 90, 20 см; четвертая—20 см, 95, 25 см; пятая—40 см, 100, 10 см; шестая—110 см, 45, 10 см.

Второй проем находился в юго-восточном углу помещения. Его ширина 60 см, а в глубину он сохранился на 1,30 м. Проход здесь представлял собой ведущую вверх каменную лестницу, состоящую из пяти ступенек. Первая (от пола) имеет ширину 13 см, длину 97, высоту 10 см; вторая — соответственно 20 см, 97, 10 см; третья — 20 см, 60, 15 см; четвертая — 20 см, 60, 25 см; пятая — 20 см, 60, 15 см. Все ступеньки выложены из известняковых плит. Этот узкий боковой проем, ведущий, видимо, на крышу, живо напоминает так называемый чапдар (запасной вход), существующий по сей день в горных районах Таджикистана.

Два других проема расположены в восточной стене: один в юго-восточной, другой в северо-восточной части помещения. Первый ведет в помещение 23, второй — в 19-е. Третий проход (на севере) служил для сообщения с помещением 17. В помещении 16 выявлены два пола. Первоначальный пол неровный, но сверху хорошо обмазан глиной; он прослеживается по всему помещению. Второй пол на 10 см выше первоначального. Он ровный, гладкий и сверху обмазан серой глиной. Очевидно, он связан со вторым периодом жизни в Гардани Хисор.

Перекрытие в помещении было сводчатым: на восточной стене сохранилась пята свода со стоящими на торце сырцовыми кирпичами.

Заполнение состояло из упавших сырцовых кирпичей свода и кусков пахсы от разрушенных стен. В завале встречались фрагменты хумов и котлов, кости и др.

Помещение 17 расположено к северу от помещения 16 вдоль восточного края цоколя. Оно в плане прямоугольное, вытянутое с юга на север на 8,75 м и с запада на восток на 1,50 м; с юга на север сужается на 50 см.

Западная стена, которая одновременно является стеной цоколя, и северная стена внизу сложены из пахсовых блоков (100 × 75 см), а вверху из кирпича-сырца красного цвета (60, 55, 50 × 26 × 10 см) на растворе из зеленой глины. Южная и восточная стены сложены целиком из кирпича-сырца красного цвета (60 — 50 × 25 × 10 — 9 см) на растворе из зеленой глины. Западная стена сверху разрушена и сохранилась значительно хуже, чем остальные стены, которые местами достигают 3 м в высоту. Дверной проем расположен в юго-западном углу. Вход шириною в 1 м вел из помещения 16. В стенах проема не обнаружено никаких следов от порогов. Очевидно, проход не имел двери.

Пол помещения выложен и утрамбован из кусков пахсы и обломков сырцовых кирпичей, а сверху обмазан серой глиной; сохранился плохо. Заполнение состояло из упавших кусков пахсы и кирпича свода. В завале изредка встречались кости и венчики хумов, котлов, а также бесформенные фрагменты кухонных сосудов.

Помещение 23 расположено к востоку от 16-го. В плане оно прямоугольное, вытянутое с запада на восток на 3,10 м и с юга на север на 1,10 м.

Южная и северная стены сохранились местами на высоту до 1,5 м. Восточная стена не сохранилась. Северная внизу сложена из пахсовых блоков из серой глины (150 × 100 см). Швы между пахсовыми блоками имеют глубину 15 см, ширину 3 см. Верхняя часть стены сложена из кирпича-сырца

красного цвета 50×25×10 см на растворе из зеленой глины.

У прохода, в северо-западной части стены, сохранилась пята свода со стоящими вертикально сырцовыми кирпичами. В восточной части стены сохранилась полуразрушенная ниша. Ее глубина 70 см, высота 50 см и ширина 64 см. Верх ниши не сохранился.

Южная стена сложена из кирпича-сырца красного цвета (50×25×10 см) на растворе из зеленой глины. Швы между кирпичами имеют толщину 3 см.

Посередине восточной стены на уровне пола открыта ниша с арочным верхом. Ее высота 75 см, глубина 30 см и ширина 50 см. Ниша была заполнена золой и углями. Ее стенки обожжены и покрыты черной копотью. Очевидно, здесь располагался очаг. На стенах местами сохранилась штукатурка, которая состояла из нескольких слоев глиняной обмазки.

Дверной проем (шириной в 75 см) расположен в западной стене и ведет в помещение 16. В стенах входного проема сохранились две выемки от деревянного порога: одна у северной, другая у южной стены. Под порогом уложены камни, и он был на 35 см выше уровня пола. В помещении выявлены два пола. Первоначальный, сравнительно неровный, прослеживается по всему помещению. Второй пол (на 5 см выше первого) тоже хорошо сохранился: он был обмазан серой глиной.

Завал состоял из упавших сверху кирпичей свода и кусков пахсы от разрушенных стен. В завале изредка встречались невыразительные черепки.

Помещение 19 расположено к востоку от помещения 16. Оно в плане прямоугольное, вытянутое с запада на восток на 3,10 м и с юга на север на 2 м.

Южная, северная и западная стены местами сохранились на высоту до 1,5 м. Восточная и южная стены в основании сложены из кирпича-сырца в один ряд, выше, до 1 м от уровня пола, они сооружены из пахсовых блоков, а в верхней части вновь из кирпича-сырца красного цвета (55, 50, 48 × 26, 25 × 10, 9 см). Северная и западная стены целиком сложены из кирпича-сырца красного цвета (таких же размеров) на растворе из зеленой глины. На стенах местами сохранился толстый слой штукатурки из серой глины. В южной стене (в 60 см от восточной) расположена ниша очага шириной в 65 см и глубиной в 40 см. Верх ниши не сохранился, но, судя по ее остаткам, верхняя часть была аркообразной. Ниша была заполнена золой. Стенки ее были обожжены и покрыты черным нагаром.

Посередине западной стены находился вход в помещение 16 шириной в 80 см. В стенах входного проема сохранились

две выемки от дверного порога: одна у северной, другая у южной стены (высотой 15 см, шириной 20 см, глубиной 20 см). В выемках найдены остатки сгнившего деревянного порога; под ним были уложены сырцовые кирпичи, которые поднимали его на 30 см выше пола помещения. Проходы в северной и южной стенах соединяли помещение с помещениями 18 и 20.

Пол выложен из кусков пахсы и сырцовых кирпичей. Сверху он был хорошо утрамбован и обмазан тонким слоем глины.

Помещение было заполнено кусками сырцовых кирпичей, очевидно, из упавших верхних частей стен. В завале встречались фрагменты от котлов, хумов, кувшинов, а также куски от ганчевого столика. На полу в восточной части северной стены был расчищен разбитый хум с остатками ганча. Каково было перекрытие помещения — не ясно.

Помещение 18 расположено к востоку от 17-го и к северу от 19-го. Оно прямоугольное, вытянутое с юга на север на 9,10 м и с запада на восток на 2,5 м. Помещение с юга на север расширяется на 20 см.

Южная, северная и западная стены местами сохранились на высоту до 1,20 м. Южная и западная стены сложены из кирпича-сырца красного цвета на растворе из зеленой глины. Северная и восточная стены, которые являются наружными стенами здания на восточном склоне, сложены из пахсовых блоков. Верхние части этих стен были достроены из кирпича-сырца красного цвета (60 — 55 — 50 — 48×26 — 25×10 см).

Восточную часть помещения вдоль восточной и северной стены, занимают пять клетей-закромов (хамба), стены и пол которых тщательно обмазаны толстым слоем ганча. Все закрома в плане прямоугольные. Размеры первого — 1,6 × 1,2 м²; второго—1,5×1,2 м³; третьего—1,6×1,2 м²; четвертого — 1,55×1,17 м² и пятого — 2,6×0,8 — 1,0 м² (он расширяется с запада на восток на 20 см).

Стенки закромов сложены из кирпича-сырца (50 × 25 × × 10 см) красного цвета на растворе из зеленой глины толщиной в один кирпич, т. е. 26 — 25 см. Сохранились они на высоту до 50 см. Восточная стена закромов, которая является восточной стеной всего комплекса, разрушена до уровня пола.

Вдоль западной стены закромов обнаружены четыре гнезда от деревянных столбов (диаметром около 20 см). Очевидно, здесь была плоская кровля. Закрома были предназначены для хранения фруктов, зерна и других продуктов.

В западной стене в 2,25 м от дверного проема, на высоте 35 см от пола расположена ниша с очагом. Ее ширина 60 см, высота 70 см и глубина 15 см. Внутри нее лежал слой золы толщиной в 5 см. Как и аналогичные ниши-очаги в помеще-

ниях 19 и 23, ниша в помещении 18 имела арочное перекрытие. Дверной проем шириной в 85 см расположен в южной стене. С высоты 20 см от пола он был заложен кирпичом-сырцом красного цвета на четыре ряда. Очевидно, после этой закладки помещение больше не использовалось.

В помещении выявлено два периода жизни. В первом оно выглядело так, как мы описывали его выше. Погибло оно от сильного пожара вместе с другими помещениями комплекса. Восстановление произошло спустя какое-то время после того как помещение (как и комплекс в целом) было разрушено: на полу к этому времени лежал уже обгоревший слой с остатками прогонов, балок и палок от плоского перекрытия (толщина слоя до 20 см). Над этим слоем был сооружен вторичный пол, негладкий и неровный, обмазанный слоем глины. Стенки закромов были, вероятно, сильно разрушены и их восстановили, но не горизонтальной (как ранее) кладкой, а поставленными на ребро или вертикально сырцовыми кирпичами. Северная же часть помещения на высоту 60 см была заложена поставленными вертикально торцом сырцовыми кирпичами от стенки между вторым и третьим закромами до северной стены помещения.

Второй период жизни был, видимо, коротким, и спустя некоторое время вход в помещение заложили.

Самый нижний пол сохранился хорошо. Он гладкий, ровный, сверху обмазан серой глиной. В завале изредка встречалась керамика и другие находки.

Перекрытие помещения было плоское; на полу расчищены две полуобгоревшие балки длиной в 1,60 м, шириной в 16 см и толщиной в 15 см, а также многочисленные палки диаметром в 6, 5, 4, 3 и 2 см, оставшиеся, вероятно, от плоского деревянного перекрытия.

Помещение 20 расположено к югу от помещения 19. В плане оно прямоугольное, вытянутое с запада на восток на 3 м и с юга на север на 1,35 м. Восточная стена сохранилась на высоту 40 см, южная — на 1,5 м, западная — на 2 м и северная — от 50 см до 2 м. Стены в основании сложены из кирпича-сырца (50 × 25 ×10 см) на растворе из зеленой глины. Выше они возведены из пахсовых блоков (до высоты 1 м), а еще выше достроены кирпичом-сырцом красного цвета. На стенах сохранился толстый слой глиняной штукатурки.

Дверной проем, шириной в 80 см, расположен в северо-западной части помещения. В стенах входного проема сохранились две выемки от порога: одна в северной, другая в западной стене (шириной 15 см глубиной 20 см и высотой 13 см). Проем вел в помещение 19. Кроме того, из помещения 20 ведут входы в помещения 21 и 22; оба они расположены в

южной стене. Пол выложен из кусков пахсы, сырцовых кирпичей и гальки, хорошо утрамбован и сверху обмазан серой глиной.

Заполнение состояло из упавших сырцовых кирпичей. Очень редко в завале встречаются керамические и другие находки.

Помещение 21 расположено к юго-востоку от помещения 20. Оно прямоугольное в плане, вытянутое с севера на юг на 3,25 м и с запада на восток на 1 м.

Основания стен образуют уложенные в ряд сырцовые кирпичи красного цвета (50 × 25 × 10 см). Выше стены сложены из пахсовых блоков (1,5 × 1,0 м). Верхнюю часть стены вновь образуют кладки кирпича-сырца на растворе из зеленой глины. Стены сохранились: западная на высоту 1 м; южная на 50 см и восточная на 35 см. На месте северной стены расположен дверной проем шириной в 80 см. В стенах прохода сохранились две выемки от порога: одна у восточной, другая у северной стены (шириной до 23 см; глубиной 15 и высотой до 20 см).

Пол выложен из кусков пахсы и кирпичей. Он сверху гладкий, ровный и хорошо обмазан серой глиной.

Завал состоял из упавших кусков сырцовых кирпичей. Керамика и другие находки встречались чрезвычайно редко. Перекрытие, вероятно, было сводчатым.

Помещение 22 расположено к западу от помещения 21. Оно прямоугольное в плане, вытянутое с севера на юг на 3,30 м и с запада на восток на 1 м.

Стены внизу сложены из одного ряда кирпича-сырца, а выше на высоту до 1 м из пахсовых блоков. Выше стены вновь сложены из кирпича-сырца. Восточная и южная стены сохранились на высоту до 1,20 м, а западная — до 2 м.

Входной проем расположен в северо-западном углу. Его ширина 80 см. Ведет он в помещение 20. В стенах прохода не обнаружены выемки от порога. Очевидно, помещение не имело двери. Проход сверху был оформлен аркой, которая хорошо сохранилась; был заложен кирпичом-сырцом и камнем. Думается, что проходы в помещения 22 и 18 были заложены одновременно.

В помещении на полу вдоль юго-западной стены был расчищен скелет человека, который лежал по мусульманскому обряду погребения — лицом на запад. Скелет принадлежал женщине среднего возраста. Под голову усопшей были положены кирпичи, что противоречит мусульманскому обычаю. Ее правая рука была положена на груди, а левая вытянута на восток, что также противоречит мусульманскому обычаю. Очевидно, закладка прохода в помещение была связана с этим захоронением.

Перекрытие помещения было сводчатым. Завал состоял из упавших сырцовых кирпичей свода. Пол помещений ровный и сверху хорошо обмазан глиняной штукатуркой.

«Входная постройка»

Расположена к югу от двора, отделявшего ее от основного, северного сооружения, служила своеобразным оформлением входа в комплекс, размещавшийся на вершине холма Гардани Хисор. Вход в эту постройку (и весь комплекс вообще) вел с юга, с небольшой наружной площадки, соединявшейся, очевидно, с другой. Площадка эта (с юга и с запада) была обнесена стеной и имела какие-то помещения, пока лишь частично затронутые раскопками.

Помещение 2 «входной постройки» — самое южное, небольшое у входа, открытое на юг, с суфами вдоль западной и восточной стен; вытянуто с юга на север на 2,25 м и с запада на восток на 3,35 м. Стены его сложены из пахсовых блоков. Западная стена сохранилась на высоту до 2,0 м, восточная — до 1,8 м.

В помещении расчищена трехступенчатая каменная лестница. Ее первая ступенька имеет 1,70 м в длину, 35 см в ширину, 15 см в высоту; вторая—1,70 м в длину, 40 см в ширину, 15 см в высоту; третья—1,70 м в длину, 50 см в ширину и 16 см в высоту. Лестница сохранилась хорошо. По ее боковым сторонам вдоль восточной и западной стен помещения тянутся суфы. Восточная суфа имеет 80 см в ширину, 2,25 м в длину и 45 см в высоту. Западная — 90 см в ширину, 2,10 м в длину и 45 см в высоту (рис. 33).

Суфы сложены из красноглиняного кирпича-сырца (50 — 48 × 25 — 10 — 9 см). Внутри суфы заполнены кусками пахсы, кирпичей и землей. Суфы тщательно оштукатурены серой глиной.

У входа в помещение 1 (входной коридор) открыт деревянный порог. Он сложен из 4 досок, нижняя из которых — дверная рама. Порог имеет 1,60 м в длину, 55 см в ширину и 15 см в высоту (толщину). Нижняя часть дверной рамы в отличие от остальных трех досок на 40 см длиннее; она на 20 см на западе и на 20 см на востоке уходит в стенки прохода. В раме сохранились две выемки с остатками вертикальных штырей. Судя по остаткам сохранившихся штырей в раме, они были 18 см в ширину и 5 см в толщину. Между лестницей и порогом был коридорчик размером 2 × 3 м.

Помещение 1 (входной коридор) расположено в центре малого холма к северу от помещения 2. Оно в плане квадратное (3,35 м с юга на север и 3,35 с востока на запад).

Стены помещения сохранились на высоту до 2 м. Западная и восточная сложены из пахсовых блоков красного и серого цвета (110 — 100 — 90 — 80 × 70 — 60 см). Между пахсовыми блоками тянутся горизонтальные прокладки из сырцового кирпича красного цвета (50 — 48 × 25 — 24 × 10 см). Западная стена разрушена больше, чем восточная. На стенах сохранилась местами штукатурка из серой глины. Северная стена приставная. Она пристроена к западной и восточной стенам и сложена из кирпича-сырца красной глины (50 — 48 × 25 × 10 — 9 см).

Вдоль восточной и западной стен помещения расположены суфы. Стенки их сложены из красного сырцового кирпича. Суфы сверху обмазаны серой глиной.

Пол между суфами и их боковые поверхности (а местами и верхние) покрыты копотью и обожжены. Исследование показало, что «входной коридор» имел два периода жизни и три строительных периода. Он первоначально состоял из «входного коридора» длиной 10, 25 м и делился на две части: помещение 2 и собственно коридор — помещение 1. Между ними находилась дверь. Вдоль стен тянулись суфы шириной 90 см и высотой 45 см.

Во второй период между помещениями 2 и 1 была построена вышеупомянутая каменная лестница и дверь, от которой до нас дошла лишь нижняя рама. Пол между суфами был приподнят до уровня порога. Во втором периоде суфы помещения 1 имели в высоту всего 15 см. В этот же период была пристроена северная стена помещения 1 и образовался коридорчик при входе из помещения 1 в помещение 4 (длина этого коридорчика 1,90 м, ширина 1,60 м).

Третий строительный период во «входном коридоре» относится ко времени после пожара. В это время Гардани Хисор находился в полуразрушенном состоянии и новые пол и суфы были возведены над обгоревшими слоями. Суфы, лестница и обгоревшие пороги оставались под землей. В промежуточный слой были уложены куски сырца, глина, каменные плиты.

В третий период западная суфа была много шире, чем ранее. Она имела в ширину 1,60 м и в высоту 40 см. «Входной коридор» использовали лишь как подсобно-хозяйственное помещение.

Завал во «входном коридоре» делится на несколько слоев. Верхний слой был дерновым, распаханным (толщина его не превышала 15 — 20 см). Второй (толщиной в 75 см) состоял из кусков пахсы и обломков кирпичей (последние преобладали). В третьем слое преобладали куски пахсы, но встречались также кирпичи, фрагменты посуды и кости. II и III ярусы завала включали также известняковые камни и плиты.

В начале V яруса обнаружена позднейшая натечная поверхность. После снятия ее были оконтурены суфы и пол третьего строительного периода. Поверхности пола и суф неровные и не обмазанные глиной.

Под полом лежал 50-сантиметровый горелый слой второго периода. В этом слое было много кусков обожженной пахсы, кирпичей, обугливщихся кусков дерева (в том числе и балок от перекрытия), зола. Под этим слоем, как уже отмечалось выше, лежали лестница и деревянный порог.

Помещение 3 расположено к западу от «входного коридора». В плане оно прямоугольное, вытянутое с юга на север на 4 м и с востока на запад на 1,50 м. Стены сохранились на высоту: восточная на 2 м, западная на 1 м, южная на 1 м и северная на 1,70 м. Стены сложены из красного сырцового кирпича (52 — 50 — 48 × 25 — 24 × 10 — 9 см). На них местами сохранилась штукатурка из серой глины.

В юго-восточной части в восточной стене на высоте 25 см от поверхности суфы расположена ниша со стрельчатым верхом. Ее высота 85 см, ширина 80 см и глубина 35 см. Ниша хорошо сохранилась и гладко оштукатурена серой глиной (рис. 34).

Такая же ниша расположена посередине южной стены. По размерам она несколько меньше первой: 55 см в высоту, 65 в ширину и 40 см в глубину. Южная ниша так же, как и восточная, хорошо сохранилась: обе были аккуратно оштукатурены серой глиной. Перед нишей на суфе сделана ступенька из сырцового кирпича, обмазанного серой глиной. Вдоль восточной стены расположена суфа, которая заходит и на южную стену, т. е. имеет коленчатую форму. Вдоль восточной стены ее ширина 50 см, длина 2 м и высота 20 см; вдоль южной — ширина 1,50 м, длина 2 м и высота 20 см. Стенки суфы сложены из кирпича-сырца красного цвета, со следами сильного пожара, хорошо оштукатурены.

Дверной проем расположен в северной стене и соединяет помещение 5 с айваном (пом. 7). Ширина проема 75 см, глубина также 75 см. В проходе сохранился обугливщийся деревянный порог в виде двухступенчатого обработанного бревна шириной в 20 см и толщиной в 10 см. В пороге сохранились остатки двух вертикальных штырей от боковых рам двери. На них видны три продольных паза. Гнездо от перемычки двери сохранилось лишь частично в западной части порога. Перекрытие помещения было плоское, в завале расчищено много балок разной величины от деревянной кровли.

Пол выложен из кирпича-сырца красного цвета. Он был обмазан серой глиной. На обмазке хорошо видны следы обжига и копоти.

Помещение 5 расположено к западу от помещения 3 на юго-западном склоне холма. В плане оно прямоугольное, вытянутое с юга на север на 3,70 м, а с востока на запад — не менее чем на 1,50 м.

Восточная стена сохранилась на высоту до 1 м, южная (в юговосточном углу) — на 50 см, северо-восточная часть северной стены — на 90 см. Вся западная часть и северо-восточный угол помещения не сохранились. На стенах местами видна обожженная штукатурка.

Вдоль восточной стены расположена суфа шириной в 95 см, длиной в 3,70 м и высотой в 40 см. Стенки суфы сложены из красного кирпича-сырца (50 × 25 × 10 см), поверхность ее сохранилась плохо, она разбита упавшими со стены кирпичами. На стенках и поверхностях суфы местами уцелела обожженная штукатурка. Суфа была и вдоль южной стены, но она смыта вместе с этой стеной.

Дверной проем расположен в северной стене. Вход имеет 1,25 м в ширину и 50 см в глубину. Он вел в помещение 7 (айван). В проходе сохранился обуглившийся деревянный порог длиной в 1,35 м, шириной 30 см и толщиной 15 см. Порог представлет собой двухступенчатое большое бревно с тремя гнездами. На двух из них сохранились остатки двух вертикальных штырей от боковых рам двери. Западный штырь имел 10 см в ширину и 8 см в толщину, а восточный — 20 см в ширину и 5 см в толщину. В пороге есть также гнездо с остатком перемычки округленно-клинообразной формы, гнездо имело 8 см в ширину и 8 см в длину. В пороге вырублен прямоугольный паз глубиной и шириной 8 см. Дверь была расположена в западной части паза и открывалась в помещение. Западная часть порога, которая была заделана в стену, не сохранилась. Восточный же край его уходит в стену на 25 см.

Пол помещения выложен из красного кирпича-сырца, сильно обожжен и покрыт копотью.

Завал состоял из обожженных кусков кирпичей, штукатурки, угольков, золы и обуглившихся остатков балок от деревянного плоского перекрытия. В завале на полу у восточной стены были обнаружены два разбитых глиняных кувшина и один котел.

Помещение 7 (айван) расположено к северу от помещений 3 и 5. Оно в плане прямоугольное, вытянутое с востока на запад не менее чем на 7 м (западная его стена не сохранилась), а с юга на север на 3,75 м.

Стены сохранились на высоту: восточная — 2 м, южная — 1 м. Сложены из кирпича-сырца красного цвета (50 × 25 × 10 см), видны следы сильного пожара. Стены были гладко оштукатурены.

Вдоль восточной стены тянулась суфа длиной в 3,75 м, шириной в 80 см и высотой в 45 см. Суфа и ее стенки обмазаны серой глиной. Посередине южной стены находится другая суфа длиной в 75 см, шириной в 70 см и высотой в 45 см. Стенки ее сложены из кирпича-сырца красного цвета; они, как и поверхность, обожжены. Суфы хорошо оштукатурены серой глиной.

Вдоль южной стены расположены два дверных проема в помещения 3 и 5.

Айван имел плоское деревянное перекрытие, опиравшееся на две деревянные колонны, которые стояли на деревянных базах. Последние были расположены по оси восток-запад на расстоянии 1,60 м друг от друга. Они дошли до нас в обугленном виде.

Размеры восточной базы по восточной стороне — 57 см, по западной — 55, по северной и южной — 50 см.

Западная база была примерно таких же размеров: по восточной стороне — 52 см, по северной — 55, по южной и западной — 50 см. Обе базы имели форму усеченной четырехугольной пирамиды. Под ними были уложены небольшие камни.

Восточная колонна не сохранилась. От западной осталась полуобгоревшая нижняя часть, сгнившая внутри. Она сохранилась на длину 50 см при диаметре 20 см. Колонна была круглая и имела углубления, по-видимому, остатки от резьбы.

Завал в айване состоял из упавших кусков обожженных кирпичей, обуглившихся и полуобгоревших балок от плоского перекрытия. Толщина обгоревшего слоя в айване доходила до 1 м. Здесь были зарегистрированы десятки балок различных диаметров. В помещении обнаружены подбалки, консоли и различные детали деревянных конструкций. Были также найдены куски резного дерева от прогонов айвана.

Помещение 4 расположено к северу от помещений 1 (входного коридора) и 7 (айвана). Оно в плане прямоугольное, вытянутое с востока на запад (западная часть помещения еще не докопана). Помещение с юга на север достигает 3,70 м, а с востока на запад тянется более чем на 7 м. Стены сохранились на высоту около 1 м. Они сложены из кирпича-сырца красного цвета на зеленом растворе. Южная стена помещения — это северная стена «входного коридора».

Помещение 4 представляет собой, вероятно, часть открытого двора, а его восточная и северная стены построены, по-видимому, после пожара (в третий период).

Завал в основном состоял из упавших со стен кирпичей. Пол ровный и гладкий, состоит из утрамбованной земли.

Посередине помещения 4 была обнаружена яма, вырытая в материке диаметром 1,20 м и глубиной около 1 м.

Заполнение ямы состояло из мягкой рыхлой земли, фрагментов кухонной посуды и органических остатков. В яме найдены также куски ганчевого столика.

Помещение 6 расположено к востоку от помещения 4, на восточном склоне холма. Оно в плане прямоугольное, вытянутое с юга на север на 4 м и с востока на запад на 2,20 м.

Стены его сохранились на высоту: южная 1,50 м, западная 1 м, восточная 30 см и северная 20 см. Они сложены из кирпича-сырца красного цвета на зеленом растворе, штукатурка не сохранилась.

Вход в помещение вел со двора. Дверной проем расположен в северо-восточном углу. Его ширина 1 м, глубина 70 см. В стенах прохода сохранились две выемки от порога. Их глубина и ширина 20 см.

В северо-восточном углу была расчищена каменная кладка (100 × 80 × 20 см), вероятно, остатки суфы.

Посередине восточной стены расположена ниша. Верхняя часть ее не сохранилась, внизу она имеет 75 см в ширину, 30 в глубину и 50 см в высоту.

Пол помещения не сохранился: он разбит упавшими со стены кирпичами и бревнами обгоревшей кровли. На полу была обнаружена также кучка камней. Возможно, здесь находилась яма, которую засыпали камнями. Пол сверху был покрыт полуобгоревшими бревнами и досками рухнувшего перекрытия.

Завал состоял из обожженных кусков сырцовых кирпичей, обугливших и полуобгоревших досок и прогонов.

в) Двор

Большой двор, располагавшийся между основной (северной) и входной (южной) постройками, обследован пока лишь частично: здесь раскопана яма (к северо-западу от помещения 6 входной постройки) и проведена траншея от помещений 4 и 6 входной постройки к южному краю платформы основного сооружения. Яма находилась во дворе, перед входом в помещение 6, у северной стены помещения 4. Восточная сторона ямы находится под стеной последнего. Яма имеет форму эллипса. Ее размеры с юга на север 80 см и с востока на запад 1,4 м. Первоначально она играла, видимо, роль ташнау, затем, во время существования помещения 6, использовалась как мусорная. Яма была неглубокой (не более 60 см). Заполнение ям состояло из костей, камней, золы, изредка встречались и фрагменты керамики.

Траншея для обследования двора первоначально была заложена длиной в 12, 50 м и шириной в 2 м. Позднее ее южная

часть была расширена до 4 м. Траншея была доведена до материка. Никаких следов построек в ней не встречалось. Таким образом, двор между парадным комплексом и входным зданием был пуст.

Завал в траншее состоял из чистого лесса, только в 20 — 30 см выше материка местами встречались зола, угольки и участки кострищ.

Платформа основной постройки

Наряду с исследованием двора была оконтурена также платформа основной постройки. Ее южный фас в восточной части оказался сложенным из чередующихся рядов пахсы и сырцовых кирпичей, а в западной части из пахсовых блоков (60 × 50, 60 × 60 см); восточный фас в южной части сложен из пахсовых блоков (100, 90 × 70 см), а в северной части внизу из уложенных в один, а местами в два ряда известковых камней, а выше из кирпича-сырца красного цвета (50, 48, 46 ×26, 25×10, 9 см) на растворе из зеленой глины. Точно также были сложены северный и западный фас платформы. Насколько можно судить по сохранившимся фасам, она внизу была шире, чем наверху, т. е. сужалась снизу вверх. Вдоль восточного фаса платформы тянулась суфа длиной в 11 м, шириной в 1 м и высотой в 30 см. Стенки ее сложены из кирпича-сырца красного цвета на растворе из зеленой глины.

К западу от суфы расчищено сооружение типа пандуса, ведущее со двора в южный айван основного здания. В пандусе сохранились остатки идущих по часовой стрелке трех маршей и начало четвертого. Первый марш длиной в 4 м и шириной в 65 см шел с востока на запад и поднимался на высоту 70 см от поверхности двора. Второй марш, под прямым углом к первому, вел с юга на север (его ширина 50 см, длина 1,90 м, высота подъема 70 см). Третий шел с запада на восток, под прямым углом ко второму (его ширина 60 см, длина 2 м, высота подъема 50 см) и четвертый марш, сохранившийся хуже всех предыдущих, шириной и длиной около 1 м, выводил (с юга на север) в айван здания (его подъём достигает 45 см).

Центральный столб, вокруг которого осуществлялся подъем, сложен из известковых плит и обмазан серой глиняной штукатуркой, равно как и полы самих маршей. Длина центрального столба 2,5 м, ширина 1,2 м.

Думается, однако, что в том виде, в каком он дошел до нас, подъем в основную постройку не является первоначальным. Первоначальный вход, скорее всего, представлял собой ступенчатую лестницу из каменных плит, которые лишь позднее были сложены в центральный столб. На такую возмож-

ность указывают каменные ступенчатые лестницы во «входной постройке» и в помещении 16 основного здания. Такие лестницы сохранились до наших дней в некоторых домах селений Верхнего Зеравшана (в том числе в школе сел. Мадм). Сооружение же описанного выше пандусного устройства следует, видимо, относить ко второму (после пожара) периоду жизни Гардани Хисор.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ ОБ ИСТОРИИ И НАЗНАЧЕНИИ РАСКОПАННЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

За три полевых сезона 1964 — 1966 гг. на вершине Гардани Хисор раскопано 30 парадных и хозяйственных помещений. Все они стоят на вершине холма и четко делятся на три части. Первая — южная постройка — вход и небольшая группа примыкавших к нему помещений. Вторая — северная (основная) постройка, частью сооруженная на платформе из сырцовых и пахсовых кладок (на 3 м выше поверхности двора), частью же пристроенная к этой платформе с востока; здесь, вероятно, размещались два этажа, нижний из которых нами раскопан, а верхний, слившийся с помещениями на платформе, не сохранился.

Входная постройка первоначально вполне соответствовала своему назначению — служила своеобразными пропилеями Гардани Хисор. Она состояла из двух айванов, один из которых (пом. 2) был обращен наружу, на юг, а второй (пом. 1) — в сторону двора, на север. Оба айвана имели стены из пахсовых блоков и разделялись уступами этих стен и деревянной дверью, сооруженной между уступами. О последующих перестройках помещений 1 и 2 говорилось уже выше. Здесь же отметим лишь, что позднее в северной части помещения 2 были сооружены два уступа из сырцовых кирпичей, превратившие его из айвана в коридор.

Расположенные к западу от входа широкий айван (пом. 7) и комнаты с суфами (пом. 3 и 5), соединенные с айваном, построены, скорее всего, позже входных помещений 1 и 2. Во всяком случае, между толстой пахсовой стеной входных помещений и восточной сырцовой стеной помещения 3 выявлен четкий шов. Помещения этой группы (3, 5 и 7), по-видимому, следует рассматривать как жилые, предназначавшиеся для вооруженной охраны входной постройки. Помещение 6, расположенное к северо-востоку от входных (1 и 2), сооружено позднее. Назначение его, скорее всего, хозяйственное. Отгороженная южная часть двора (пом. 4) — результат самой поздней перестройки этой части Гардани Хисор.

Основная постройка в том виде, в каком мы ее знаем, также не одновременна и не однородна по назначению.

Парадная часть постройки, служившая для приема гостей и, вероятно, для постоянного проживания хозяина Гардани Хисор, — это, безусловно, юго-восточные помещения, возведенные на платформе, т. е. помещения 1, 2, 3, 4, 6, 10, а также связанные с ними 12 и 13. О назначении большинства из них уже говорилось при их описании. Помещение 3, служившее центральным коридором этой парадной, хозяйской группы комнат, использовалось, возможно, и как место собраний и пиршеств, и как место отдыха и сна, на что указывают широкие хорошо оформленные суфы. Так же могли использоваться и большой парадный зал (пом. 10), своеобразный «малый зал» (пом. 6) и ведущий в него коленчатый парадный коридор (пом. 2). Все они имели плоские перекрытия и были богато украшены резным деревом; их суфы, а возможно, и стены, судя по найденным остаткам ковров в помещениях 2 и 10, покрывались коврами (и, по-видимому, разноцветными тканями).

Характерно, что за суфами помещений 3 и 6 располагаются глухие (и сводчатые), в отличие от остальных помещений этой группы комнатки — помещения 4 и 1, которые, по-видимому, и предназначались для хранения ковров, тканей, подушек, посуды и иного парадного и бытового инвентаря хозяйской части здания. Интересно, что обе эти комнаты-кладовки имели деревянные двери, которые, вероятно, запирались на замок. В эту же группу помещений входило и домашнее святилище (пом. 12) с алтарем и кладовая для хранения продуктов питания (пом. 13). Назначение помещения 14 и связь его с рассматриваемой группой — не ясны.

Помещение 9, расположенное на северной части платформы, судя по суфам и очагу, могло использоваться как жилое. Менее ясно назначение остальных помещений на севере платформы (7, 8, 11 и 15). Все они соединялись, по-видимому, с южным входным айваном помещением, скорее всего, также айванного типа, тянувшимся по восточному краю платформы и по крышам помещений 16 — 23. Вполне вероятно, что помещение 13 не соединялось с этим айваном, а отделялось от него несохранившейся восточной стеной. В таком случае изоляция хозяйской части комплекса от остальных его частей была еще более четкой. Связь между северо-восточной группой помещений на платформе с лежащими ниже их помещениями 16 — 23, возможно, осуществлялась через восточную лестницу помещения 16.

Группа же последних помещений (16 — 23) имела, несомненно, четко выраженное хозяйственное назначение: здесь, по всей вероятности, хранились немалые запасы зерна, фруктов, а возможно, также вин и других продуктов

сельского хозяйства. Это подтверждается наличием в некоторых из них ниш с очагами: последние могли служить для отопления помещений или освещения.

Помещения этой группы в отличие от остальных в комплексе длинные, узкие, а некоторые из них (16, 17 и 18) неправильные в плане. Все они (за исключением пом. 18) имели сводчатые перекрытия. Эта группа по планировке похожа на башню кухендиза Пенджикента (Ставиский, 1950, с. 94 — 99) и в некоторой степени напоминает согдийский замок Сарыг (Бернштам, 1950, с. 35 — 36). Жилая башня пенджикентского кухендиза вообще имеет много общего с сооружениями Гардани Хисор. Стены многих помещений последнего возведены по примеру пенджикентского кухендиза, т. е. пахсовые блоки чередовались здесь с рядом кирпича-сырца. Конечно, помещения пенджикентского кухендиза более широки и просторны. Однако, очевидно, и те, и другие имели хозяйственное назначение.

Еще ближе по назначению к нашим помещениям нижнего слоя, т. е. первого этажа дома в Сарыге: все они сводчатые и имели хозяйственное назначение, служили хранилищем для продуктов и других запасов.

Не все помещения этой группы мадмской постройки одновременны. Помещения 16, 20, 21, 22 и 23 были построены вместе, а к северу от них располагалось тогда одно большое помещение длиной в 11,50 м при ширине в южной части 5,10 м и в северной — 4,70 м. И лишь позднее оно было разбито на три помещения (17, 18 и 19), стены которых в отличие от первых сложены из кирпича-сырца.

Не в один прием были сооружены и помещения на вершине платформы. Прежде всего здесь в хозяйской, юго-западной части были возведены из пасховых блоков стены южного айвана, парадного коридора (пом. 3), помещение 14, западная часть северной стены святилища (пом. 12), западная, восточная и южная стены большого парадного зала (пом. 10). К этим, как бы черновым наброскам постройки пристроили сырцовые стены: северную в парадном зале, южную и восточную части северной стены в святилище, а также стены, образовавшиеся в юго-западном углу здания помещения 1,2,4,6. Тогда же, возможно, возведены и сырцовые стены помещений в северной части здания: все стены помещений 7 и 8, восточная, южная и западная стены помещения 9, западная стена помещения 15. Еще позднее сооружены «комбинированной кладкой» (внизу — сырец, выше — пахса) южные стены помещений 11 и 13 и стена, разделяющая их.

Коленчатый вход в основное здание, т. е. проход из южного айвана основного здания в парадный коридор (пом. 3)

с двумя деревянными дверьми как нельзя лучше соответствовал местным условиям, предохраняя парадный коридор и остальные помещения от сильных ветров, дующих здесь с юго-запада на северо-восток и несущих осенью и зимой дождь и снег. По-видимому, этим же (направлением ветра), а не только рельефом местности, можно объяснить размещение кладовых и айвана над ними с восточной стороны основного здания.

НЕКОТОРЫЕ ДЕТАЛИ СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ

Строительный материал стен

Основными строительными материалами построек на вершине Гардани Хисор были кирпич-сырец и пахса (рис. 28). Кирпич делали на месте из красной и зеленой глины (красный сырец преобладает). Размеры кирпича колеблются от 46 до 52 см в длину, от 24 до 26 см в ширину и от 8 до 12 см в толщину, что соответствует общим пропорциям и размерам, присущим сырцу VI—VIII вв. Согда, Уструшаны, Ферганы и других районов Средней Азии. Сырец Гардани Хисор ближе всего по размерам к сырцу замка на горе Муг, крепости в сел. Кум и Пенджикента.[2]

Пахсу обычно готовили из серой глины, но на Гардани Хисор встречается пахса и из красной глины. Полы и стены обмазывали тоже серой глиной, но с примесью самана. Пахса из глины зеленого цвета ни разу не отмечена.

Конструкции стен построек на вершине Гардани Хисор делятся на три вида: сложенные из кирпича-сырца, из пахсы и комбинированные, т. е. в них сочетается пахса и сырцовые кирпичи.

Большинство стен здесь сложено из кирпича-сырца красного цвета на растворе из зеленой глины. Если же применялся кирпич из зеленой глины, то для раствора шла красная глина.

Кирпичи клались вперевязку тычком и ложком с различными интервалами. Расстояние между кирпичами зависит от толщины раствора, а последний был в одном месте толще, а в другом тоньше. Толщина раствора в некоторых местах почти достигает толщины кирпича — 9 — 10 см, но это бывает очень редко. Размеры вертикальных и горизонтальных швов между кирпичами колеблются от 5 до 7 см. Кирпич-сырец применялся в Гардани Хисор для сооружения как

[2] О размерах сырцового кирпича в Средней Азии VI—VIII вв. см.: Воронина (1953а, с. 24), Нильсен (1966, с. 204 — 208).

парадных и хозяйственных помещений, так и наружных оборонительных стен.

Кладка сырца красного цвета на растворе из зеленой глины или, наоборот, зеленого кирпича на растворе из красной глины играла, по-видимому, и декоративную роль.

Пахса формовалась, как уже говорилось выше, из серой и красной глины. Размеры пахсовых блоков колеблются: высота от 60 до 100 см, длина от 60 до 120, ширина вертикальных швов между блоками от 2 до 5 и глубина швов от 15 до 20 см.

Горизонтальные швы между блоками входной постройки (пом. 1 и 2) проложены рядом кирпича-сырца. Чередование блоков с кирпичной прослойкой встречаются в Средней Азии этого времени нередко, например, в Пенджикенте (Ставиский, 1950, с. 95), Джумалактепе (Нильсен, 1966, с.228), Уструшане (Негматов, Салтовская, 1962, с. 87), в здании Чальдывар на р. Манакельды (Бернштам, 1952, с. 107 — 109) и в Исфаре (Литвинский, Давидович, 1955, с. 107 — 109).

Комбинированная кладка в Гардани Хисор весьма распространена. Так, стены помещений 21, 20, 22 и 23 снизу сложены из ряда кирпича, на нем стоит метровый ряд пахсовых блоков, а вслед за блоками снова идет сырец. Стены помещений 11 и 15 снизу сложены из трех рядов кирпича, а сверху из пахсовых блоков. Встречаются стены, одна часть которых сложена из кирпича, а другая из пахсы (например, западная стена пом. 12).

Перекрытия. В Гардани Хисор перекрытия были балочные плоские и сырцовые сводчатые, причем преобладали первые. Сводчатые перекрытия здесь применялись преимущественно для хозяйственных и коридорообразных помещений, которые в основном были расположены на восточном крыле парадного комплекса и служили к тому же опорой для разместившегося над ними помещения (или помещений) второго этажа.

В верхнем парадном комплексе сводчатыми были, видимо, лишь две комнаты-кладовки (пом. 1и 4). В первой из них на южной стене сохранилась пята свода: поверх пахсы здесь лежат пять рядов сырцовых кирпичей вперевязку ложком и тычком, а выше—стоящие на торце кирпичи нижней части коробового, обычного для построек этого времени, свода.

Как уже отмечалось, постройки на вершине Гардани Хисор погибли от сильного пожара. Поэтому плоские перекрытия дошли до нас рухнувшими и обгоревшими. Почти во всех помещениях, которые имели плоское балочное перекрытие, при раскопках зафиксированы остатки обгоревшего дерева, причем в некоторых обнаружены многие детали деревянных конструкций.

В результате кропотливой работы над обгоревшим деревом Гардани Хисор удалось зафиксировать большое количество резных и нерезных деталей плоских перекрытий отдельных помещений. Приблизительно восстанавливается перекрытие помещения 7 входной постройки (айван). Здесь вдоль восточной, южной и западной стен были переброшены прогоны прямоугольного сечения (19 × 15 см). Два центральных прогона примерно такого же сечения шли от южной стены и опирались на колонны. Северный прогон фасада имел два декоративных продольных ступенчатых паза. Прогоны были резные, но от резьбы сохранились лишь отдельные участки, по которым восстановить рисунок и характер резьбы не удается.

Балки, лежавшие на прогонах, были хорошо отесаны и имели прямоугольное сечение. На лицевой стороне их вырезаны три декоративных продольных валика. Балки чаще всего имели толщину 9 см и ширину 10 см; реже встречаются балки размером 9 × 9 и 10 × 10 см. В помещении 7 расчищены также палки диаметром 4 см (больше 50 шт.) 3 — 3,5 см (7 шт.) от 5 до 5,5 см (6 шт.). Все они были обработаны и округлены и, вероятно, лежали поверх балок. Такой прием перекрытия до сих пор существует во многих районах Таджикистана, в том числе в сел. Мадм. Очевидно, как и сейчас, поверх палок клался слой камыша и веток, который сверху обмазывался глиной и саманом.

Можно судить и о перекрытии парадного зала (помещение 10 основного здания). Вдоль западной и восточной стен здесь были переброшены боковые прогоны, а на колонны опирались еще центральные прогоны. Поверх них лежали прямоугольные в сечении балки. В завале помещения также расчищены округлые палки диаметром от 2 до 5 см.

Прогоны и колонны зала были орнаментированы резьбой. На одном прогоне сохранились остатки розетки. Ниже прогонов стены, вероятно, были еще украшены орнаментированными резными фризами; в северо-восточной части суфы были найдены четыре ромбовидные дощечки с вырезанными на них арками. Но возможно, эти дощечки составляли не сплошной фриз, а отдельные украшения стены между балками.

Есть у нас основания судить и о перекрытии помещения 6 входной постройки. Здесь вдоль западной и восточной стен также расчищены боковые прогоны, частично заглубленные в стены; на прогоны были уложены балки в виде обработанных досок шириной 10, 13, 15, 16 и 25 см и толщиной от 5 до 8 см.

Точно такая же система перекрытия существует в помещениях с малыми пролетами в современных домах таджиков

Памира, Дарваза и Зеравшана в селениях Мадм и Кум. Думается, что такими же по устройству были и перекрытия помещений 3, 6, 11, 12, 13, 14 и 15 основного здания и помещения 1, 2, 3 и 5 входной постройки, характеризующиеся сравнительно малыми размерами пролетов.

Несколько иным было, по-видимому, перекрытие помещения 2 основного здания. Оно имело коленчатую форму, поэтому здесь в северной части два прогона были переброшены с южной стены на северную, а два других лежали вдоль этих стен с запада на восток. Восточный и южный прогоны соединялись между собою у поворота восточной стены. Оба они опирались на деревянный столб, который стоял на суфе, на повороте. Между прогонами были переброшены балки небольшого размера (длиной в 1 м и шириной от 10 до 15 см); такие балки расчищены и обмерены нами в большом количестве. Потолок, включая прогоны — балки, подбалки, карнизы и другие детали перекрытия, был покрыт резьбой, украшен деревянными шариками и конусами.

Перекрытие помещения 18, в отличие от других, кроме восточной и западной пристенных прогонов, имело еще центральный прогон, переброшенный от южной стены к северной по оси помещения и опиравшийся на четыре столба или колонны.

Двери. В Гардани Хисор получены ценные данные для изучения устройства дверного проема. Так, в помещениях 1,3 и 5 входной постройки и в помещении 6 парадного комплекса в проемах сохранились обуглившиеся пороги с некоторыми конструктивными деталями.

Все пороги были двухступенчатые, т. е. имели углубленные пазы для закрепления двери. В порогах три выемки: две из них — для двух вертикальных боковых стоек дверной рамы, третья — для центрального штыря двери.

Сопоставляя материалы дверных проемов Гардани Хисор с деревянными системами современных таджикских конструкций, можно увидеть, что дверные конструкции, начиная с VIII в. и кончая современной народной архитектурой Средней Азии, почти не изменились.

Около порога помещения 6 парадного комплекса найдено несколько фрагментов тонкой резной доски. В одной из них вырезаны три паза (4 × 3 см). Эти фрагменты принадлежали, вероятно, филенчатой двери, состоявшей из двух или трех досок, соединенных между собой деревянными шипами, заходящими в эти пазы. Шипы (шона или фона) представляют собою маленькие дощечки шириной 3 см, длиной до 8 — 9 и толщиной 1 см. В середине эти шипы утолщены.

Много таких обугленных шипов встречено в помещении 2 основного здания, и все они очень похожи на соединительные шипы в современных дверях домов таджиков Памира и Фальгара.

НАХОДКИ

Керамика

Среди находок на Гардани Хисор видное место занимает керамическая посуда. Она представлена большим количеством фрагментов и археологически целых сосудов.

Хумы в Гардани Хисор встречаются редко: нами было обнаружено 14 венчиков и несколько десятков фрагментов стенок хумов. Некоторые из них изготовлены из хорошо промешанной глины и снаружи покрыты красным ангобом. Они хорошего обжига, разного диаметра и разной толщины стенок. Другие изготовлены из серой глины со значительным количеством огнеупорной дресвы. Они также хорошего обжига, покрыты сначала красным, потом коричневым ангобом (рис. 35—37).

Тулово ниже шейки у одних хумов резко расширяется, у других же расширение не образует крутых плечиков

Формы венчиков разнообразны. Большинство из них — профилированные, молоткообразной формы, с невысокими шейками. На многих видны защипы и углубления, сделанные путем вдавливания пальцами. Реже встречаются венчики хумов овальные в сечении. Все хумы сделаны на гончарном круге. К хумам примыкает маслобойка, найденная на полу помещения 6 в сильно фрагментированном виде. Верхняя часть маслобойки полностью восстанавливается. Ее диаметр равен 38 см. Венчик ее имеет желобок внутри для крышки. Маслобойка изготовлена из серой глины с незначительной примесью дресвы. Стенки маслобойки также не толще 1 см. Маслобойка сделана вручную отдельными частями. Хорошо видны места соединений этих частей между собой.

Хумчи в Гардани Хисор, как и хумы, немногочисленны. По форме их можно разделить на две группы (рис. 38).

Хумчи первой группы отличаются от тонкостенных хумов только размерами. Среди них нет ни одного целого, поэтому об их форме мы судить не можем. Шейка у них невысокая, диаметр горла 18 — 30 см. Большинство имеют диаметр 18 см, толщина стенок 1,6; 1,4 и 1 см. Некоторые изготовлены из хорошо промешанной глины, снаружи покрыты ангобом красного, серого или коричневого цвета. Они изготовлены на гончарном круге. Стенки ровные, гладкие, хорошего обжига.

Другие имеют значительное количество дресвы. Шейки высокие и в сечении имеют прямоугольную форму. Стенки этой группы обожжены неравномерно. На некоторых из них имеются защипы и углубления пальцем по краям венчика. На стенках одной из хумчей сохранилась половина округленной С-образной ручки.

К хумчам можно отнести и сосуды со смятым сливом. Очевидно, это были сосуды с широким горлом и сливом под венчиком. Один из них, диаметром 18 см с невысокой шейкой, сделан на гончарном круге из хорошо промешанной глины, хорошо обожжен и покрыт красным ангобом. Смятый слив снизу прикреплен к плечикам, а сверху — к венчику. Носик слива разбит.

Другой фрагмент венчика сосуда со смятым сливом и невысокой прямой шейкой имел диаметр в 20 см. Он изготовлен на ручном гончарном круге из теста с примесью дресвы— красной глины, имеет неравномерный обжиг и покрыт красным ангобом, стенки грубые, неровные. Слив прикреплен к плечам так, что касается венчика. Верхняя часть слива разбита.

Кувшины Гардани Хисор можно разделить на пять типов.

1. Кувшины со сливами представлены фрагментами трех сосудов. Один из них имел яйцеобразную форму, с невысоким горлом. К закраине горлышка и плечику прикреплена ручка. Второй — энахоевидной формы, почти целый, изготовлен из хорошего теста и покрыт серым ангобом. Такого вида кувшины встречаются в Пенджикенте (Бентович, 1964, с. 281), Хорезме (Неразик, 1959, с. 243), Балалыктепе (Альбаум 1960, с. 89) (рис. 39, *8*). Они изготовлены на ножном гончарном круге. Третий кувшин сделан из грубой глины с незначительной примесью дресвы. Стенки его горла грубые и неровные.

2. Ко второму типу относится один фрагмент от венчика. Очевидно, он имел форму мустахары. Он изготовлен ручным способом из грубой глины со значительной примесью дресвы, покрыт красным ангобом (рис. 39, *6*).

3. Третий тип кувшинов представлен частью горла. Шейка имеет высоту 7 см, диаметр горла около 6 см. Венчик слегка отогнутый. Кувшин был изготовлен от руки из грубой глины со значительной примесью дресвы и покрыт красным ангобом. Ниже венчика сохранились остатки разбитой ручки (рис. 39, *7*).

4 К четвертому типу относятся два почти целых кувшина (рис. 39, *1, 2*). Друг от друга отличаются они только формой венчика. У одного из них венчик гладкий, у другого — с продольным желобком. Оба сосуда изготовлены из хорошего теста на ножном гончарном круге и покрыты красным анго-

бом. Такие виды кувшинов встречаются в Пенджикенте (Бентович, 1964, с. 282) и Хорезме (Неразик, 1959, с. 245).

5. Пятый тип кувшинов, более распространенный в Гардани Хисор, имеет невысокую шейку и несимметричное яйцеобразное тулово. Размеры: высота 30—31 см, диаметр тулова 23 — 25 см, диаметр горла 8 — 10 см, диаметр дна 22 — 23 см. Такие кувшины найдены в Пенджикенте (Бентович, 1964, с. 282; Маршак, 1964, с. 232, рис. 23, *2—3*).

Кружки в Гардани Хисор найдены в значительном количестве. Размеры их варьируют: высота от 4 до 11 см, диаметр устья от 7 до 12 см, толщина стенок от 0,4 до 0,9 см, диаметр дна от 5 до 10 см.

Кружки можно разделить на две группы (рис. 40, *12, 13*); 1) изготовленные на гончарном круге из хорошей глины; 2) лепные из грубой глины со значительной примесью дресвы.

Кружки гончарной работы более редки. Для них характерно выпуклое округлое тулово и высокая прямая шейка, отделенная от тулова желобком и выступающим валиком. Всего на Гардани Хисор найдено несколько больших фрагментов венчиков таких кружек с частью стенок.

Несколькими фрагментами представлены и гончарные кружки с волнистыми бортиками. Прямые аналогии им найдены в Пенджикенте (Бентович, 1964, с. 283, рис. 21, *3, 6, 16—17*).

Большинство кружек из Гардани Хисор лепные, как с волнистыми бортиками, так и ровные, конусообразной формы. У кружек с волнистыми бортиками количество фестонов колеблется от 4 до 10. От конусообразных кружек сохранились две археологически целые, с одной небольшой ручкой.

Миски на Гардани Хисор встречаются редко. Найден один фрагмент от плоской неглубокой миски, изготовленной на круге и покрытой красным ангобом. Есть фрагменты лепной миски, глубокой, с шейкой, которая отделяется от тулова желобком. Поверхность ее грубая неровная, покрыта ангобом.

Найдено несколько фрагментов от **флаконообразных сосудов.** Все они лепные и изготовлены из грубой глины со значительной примесью дресвы. Некоторые из них покрыты серым, другие — красным ангобом.

Хурмачи Гардани Хисор — безручные и одноручные. Хурмачи с одной ручкой немногочисленны. Все они относятся к кухонной посуде; они из грубой глины с примесью огнеупорной дресвы. Некоторые из них делались от руки, другие — на гончарном ручном круге. Ниже венчика к плечу у них приклеплена ручка (рис. 40, *9—11*).

Обжиг обычно неравномерный, но встречаются и экземпляры хорошего обжига. Некоторые хурмачи покрыты серым и коричневым, другие — красным ангобом. Они имеют высо-

ту от 15 до 17 см, диаметр горла 12 — 14 см, диаметр тулова 16 — 20 см, диаметр дна 7 — 10 см. Стенки у некоторых хурмачей ко дну утолщаются. Такие сосуды найдены в Тешик-Кале, Хорезме (Неразик, 1959, с. 245, рис. 7, *7 — 9* и в Пенджикенте (Маршак, 1964, с. 235, рис. 24, *6*).

Хурмачи без ручек представлены одним целым экземпляром. Его размеры: диаметр горла 11,5 см, корпуса 20 см, дна 10 см и высота 19 см. Хурмача изготовлена из хорошего теста на ножном гончарном круге. Она хорошего обжига и покрыта красным ангобом.

Котлы в Гардани Хисор встречаются в большом количестве (рис. 41). Их насчитывается несколько десятков. К сожалению, большинство из них до нас дошло в виде невыразительных обломков, не дающих возможности судить об их форме. Судя по сохранившимся фрагментам донцев, большинство из них были плоскодонные.

Котлы отличаются один от другого размерами, а также высотой горла и степенью отогнутости шейки. Самой распространенной и многочисленной группой котлов в Гардани Хисор были сферические по форме. Они небольшого размера: диаметр горла от 12 до 32 см, корпуса 18 — 40, дна 10 — 25, высота не более 25 см. Изготовлены они, как правило, на ручном гончарном круге из грубой серой и красной глины с большим количеством примеси шамота, дресвы и с незначительной долей гипса. Стенки этой группы котлов снаружи и изнутри грубые и неровные.

Венчики у них отличаются один от другого размерами и степенью отогнутости края. Встречаются венчики с сильно отогнутыми и идущими к тулову под прямым углом шейками.

Большинство котлов ниже венчика — на плечах с двух сторон имеют прилепленные подковообразные ручки разного размера. У некоторых ручки прикреплены к венчикам.

Часть котлов внутри и снаружи покрыта красным ангобом, другие — внутри красным, а снаружи серым ангобом. Котлы закопчены и покрыты толстым слоем сажи. Среди котлов этой группы удалось собрать один целый.

Котлов второй группы всего два; от первого сохранилась только нижняя часть, от второго — меньше половины. Они имели форму неправильного эллипса. Изготовлены на ручном гончарном круге. Нижняя часть первого котла, покрытая копотью, сохранилась на высоту 25 см. Диаметры: корпуса 32 см, дна 28 см. Котел был изготовлен из грубой глины с большой примесью дресвы. Стенки грубые и неровные. Обжог неравномерный. Снаружи он был покрыт серым ангобом. На одном из плеч сохранились следы от налепной ручки.

Второй образец котлов этого типа имеет диаметр венчика 32 см, корпуса 40 и дна 26 см, невысокий и слегка изогнутый к плечику венчик, прямоугольный в сечении. Стенки от венчика ко дну постепенно утолщаются. Котел снаружи и внутри покрыт красновато-сероватым ангобом. Он изготовлен, как и первый, из грубой глины с большой примесью дресвы. Стенки в изломе грубые и неровные, неравномерного обжига.

Сковороды представлены несколькими фрагментами. Размеры их: высота от 3 до 5 см, диаметр устья от 25 до 38 см, толщина стенок от 0,6 до 1 см, диаметр дна от 24 до 36 см, толщина дна от 0,3 до 0,8 см. Изготовлены они из грубой глины с большим количеством примеси дресвы (рис. 40, *4*).

Встречен был и один фрагмент **тагоры** конусообразной формы с горизонтальными ручками. Тагора была изготовлена из такой же глины, как и сковороды (рис. 40, *3*).

Резное дерево

Как уже отмечалось выше, в Гардани Хисор найдено большое количество деревянных деталей архитектурных конструкций. Резное дерево найдено в основном в трех помещениях парадного комплекса — 2, 6, 10. Отдельные фрагменты встречались также в помещениях 12 (святилище) и 18 (очевидно, упавшие из айвана со второго этажа), а также в 7 (айван) входной постройки. Весь этот материал проходит сейчас камеральную обработку, и поэтому мы рассмотрим лишь несколько фрагментов, найденных в 1964 г. в помещении 6 парадного комплекса, и один фрамент из помещения 10 (парадный зал).

Первый фрагмент (рис. 42) был найден в помещении 6 на полу у прохода в помещение 2. Это тонкая полуразрушенная доска длиной 43 см, шириной 27,5 см и толщиной от 2 мм до 1,5 см. Судя по сохранившемуся орнаменту, она первоначально была намного шире и толще. В центре доски вырезан перл диаметром 2 см, от которого лучами расходятся четыре лепестка стрельчатой формы и чередующиеся с ними сердцевидные фигуры, заполненные волютами, напоминающими также рога барана. Эта розетка оконтурена кольцом перлов (ширина кольца колеблется от 4 до 4,5 см). Перлы в кольце расположены один от другого на расстоянии от 2 до 2,8 см. Резчики не очень строго соблюдали симметричность в расположении отдельных деталей орнамента. Неточности наблюдаются и в деталях перлов. Их диаметры колеблются от 1,8 до 2,3 см. Вокруг кольца перлов с четырех сторон размещены четыре стилизованных растительных по-

бега, внутри каждого из них помещены еще маленькие браслетовидные завитки.

Второй фрагмент (длиной 45 см, шириной 24,5 и толщиной 2,5 см) представляет часть доски, аналогичной описанной выше. Он найден также на полу помещения 6. На нем сохранилась часть кольца с перлами и два стилизованных растительных побега вне кольца. Очевидно, оба эти фрагмента принадлежат дверным полотнищам.

В помещении 6 найдены также два фрагмента массивных досок. Длина первого 46,9 см, длина второго 66, ширина от 16 до 26 см, толщина от 2,5 до 8 см. Лицевая сторона этих досок (рис. 43) разбита на стоящие в ряд арки, обрамленные полукольцами шириной в 3,5 см. Поверхности этих обрамлений арок украшены четырехлепестковыми розетками, расположенными друг от друга на расстоянии 2 см. Внутри арок были помещены стилизованные кусты или ветки с тремя лепестками слева и справа и плодом на среднем вертикальном столбе. Плод изображен в виде сетчатой груши. В межарочном пространстве помещен стилизованный лист. Верхняя часть его не сохранилась, но похоже, что в общем этот лист был сходен с розеточками, которые изображены в поле между арками бия-найманских оссуариев (Кастальский, 1908, с. 37) и шахристанского фриза (Воронина, 1959, с. 127—129; Негматов, Хмельницкий, 1966, с. 146, табл 5, А и Б). Эти фрагменты принадлежали, по-видимому, настенному фризу.

В помещении 6 были найдены обработанные конусообразные детали. Все они различаются лишь по величине. Кончики большинства из них сломаны, но есть и полные образцы, на которых сохранились также основания и выступающие соединительные шипы. Их длина колеблется от 3 до 4,5 см, а диаметры у основания от 2,5 до 4,3 см. Соединительные шипы представляют собой прямоугольную обработанную дощечку, величина которой зависит от размеров конуса и колеблется в длину от 1 до 2,2 см, в ширину от 2 до 2,5 см, в толщину от 0,5 до 1,3 см (рис. 44, *1*).

Кроме конусов найдены также хорошо обработанные шарики разной величины (их размеры колеблются от 2,5 до 6,0 см). Как и конусы, они первоначально имели соединительные шипы. Среди десятка шариков шипы, однако, сохранились только на двух. Шипы шариков, в отличие от шипов конусов, округлые, диаметром от 1 до 2 см (44, *2*).

Для определения функций этих находок большой интерес представляет михраб мечети в сел. Кум. Этот михраб вкратце описан и опубликован (Мухтаров. 1966, с. 46) (рис. 44, *3*). Михраб резной, деревянный, среди прочих украшений имеет шарики (куббы), похожие на шарики из Гардани Хисор.

И по форме, и по размерам они сходны. Диаметры самых больших из них достигают 6 см, а самых маленьких—3 см.

Шипы шариков кумского михраба так же, как и шипы шариков Гардани Хисор, округлые, диаметром от 1 до 2 см. Они вставлены на места, где пересекаются доски, дощечки и филенка, т. е. по существу играют роль гвоздей. В местах пересечения больших досок (в том числе боковых рам) михраба вставлены большие шарики, а там, где пересекаются тонкие доски и дощечки, использованы маленькие шарики. В некоторых местах, особенно при пересечении боковых рам, вставлено сразу по три шарика, размещенных треугольником (там же, с. 55, р. 40). Можно предполагать, что шарики помещения 6 Гардани Хисор использовались для таких же целей.

Интересный фрагмент был найден и в помещении 10 (парадный зал) в 30 см выше пола у северо-восточной части центрального возвышения. Это — массивная доска длиной в 54 см, шириной в 26 см и толщиной от 2 до 7 см. Лицевая сторона этой доски украшена расположенными в ряд арками (рис. 45). Каждая из арок окружена тремя полосами. Внешняя полоса — гладкая, шириной в 1,8 см. Вторая полоса шириной в 2 см, орнаментирована сетчатым — «чешуйчатым» узором. Третья, внутренняя, полоса украшена рядом перлов диаметром от 1,2 до 1,4 см. Перлы расположены один от другого на расстоянии от 1 до 1,5 см. Ширина же этой полосы 1,8 см. Между арками помещено стилизованное изображение листа, поверхность которого по краю орнаментирована кружочками. Внутри арки — гладкие, плавноуглубляющиеся. Вполне вероятно, что здесь размещались расписные узоры или изображения. Нижняя плоскость доски была покрыта шахматным узором. Этот фрагмент принадлежит, видимо, настенному фризу.

Резное дерево Гардани Хисор имеет много общего с резным деревом Пенджикента, Верхнего Зеравшана, Шахристана, Джумалактепе и других средневековых памятников Средней Азии. Дальнейшее исследование его внесет, несомненно, свой вклад в изучение истории художественной резьбы по дереву в Средней Азии. Но уже сейчас мы вправе говорить, что находки в Гардани Хисор свидетельствуют о существовании в Верховьях Зеравшана местной традиции художественной обработки дерева еще в начале VIII в., что объясняет казавшееся ранее неожиданным обилие резьбы по дереву в этом районе в IX — XII и последующих столетиях.

в) Прочие находки

В помещении 6 парадного комплекса было найдено несколько железных предметов. Очевидно, это гвозди со шляп-

коподобными головками. Они были забиты в деревянные конструкции потолка и в настенные фризы. Головки гвоздей имели форму розетки и, возможно, включались в орнаментальный пояс резного дерева. Здесь же найдено одно гвоздеподобное четырехгранное железное изделие. Одна сторона его толстая и округленная, а другая — более острая и тонкая, на конце обломана. Был ли это гвоздь другого типа или орудие вроде шила, решить трудно.

В помещении 6 входной постройки найден изогнутый железный однолезвийный нож (рис. 46, *1*). Его общая длина 14 см, длина рукоятки 8 см, она округленная, на конце отогнутая, четко отделяется от короткого серповидного лезвия. Его рабочая сторона расположена внутри. Лезвие, начиная от рукоятки, постепенно утончается и заостряется к концу. Вполне вероятно, что этот нож, сходный с современными таджикскими криволезвийными каджкорд, как и они, служил для резьбы по дереву.

В помещении 3 входной постройки под порогом найдено лопаткообразное железное изделие, на котором лежала круглая тонкая медная пластина (рис. 46, *2*). Пластина диаметром в 3,8 см, плоская и гладкая с одной стороны, с обратной же стороны она к центру утолщается и приобретает форму диска. Близ края в пластине находится отверстие.

Лопаткообразное железное изделие представляет собой тонкую обработанную пластинку. Общая длина ее без ручки 6 см; ширина 3,5 мм; длина ручки 1,5 см, ширина 1,4 см, толщина 3 мм. Ее назначение; как и вышеупомянутой медной пластинки, непонятно. Но под порог они, очевидно, попали не случайно.

У таджиков существовал обычай класть под порог какой-нибудь металлический предмет, чтобы предохранить дом от злых людей и джинов. Возможно, что находки под порогом помещения 6 связаны с таким обычаем.

В помещении 16 был найден трехгранный черешковый наконечник стрелы (рис. 47, *7*). Длина его боевой части 5,5 см, ширина граней 1 см. Черенок обломан (сохранился на 4,5 см). Между боевой частью и черенком четко выделяется порожек. Такие наконечники стрел найдены в Пенджикенте (Ставиский, 1964б, с. 170 — 171), на городище Ак-Бешим (Кызласов, 1959, с. 315, рис. 9), в погребениях кочевников Чуйской долины (Бернштам, 1950, с. 109, табл. XVIII, *6*) и в ряде других памятников Средней Азии (Литвинский, 1956, с. 86 — 87).

В помещении 10 найден бронзовый перстень хорошей сохранности (рис. 47, *10*). У него овальный, но очень узкий, с заостренными концами щиток. Поверхность его гладкая. Сбоку же щиток украшен двумя параллельными вертикаль-

ными зубчиками. Другой бронзовый перстень (рис. 47, *6*) найден в завале во дворе. По сторонам от его овального щитка размещены четыре пары напаянных кружков зерни.

В помещении 19 найдена бронзовая ручка от какого-то предмета (рис. 47, *3*). У нее острый иголкообразный черенок длиной в 1 см и четырехгранный стержень с шарикообразным расширением, на котором помещено кольцо для подвешивания. Возможно, что это была не ручка, а дандонхилол — зубочистка, которой и сейчас пользуются старики-таджики.

В помещении 12 на суфе была найдена бронзовая пластинка с пятью отверстиями для прикрепления к пояску (рис. 47, *5*). Здесь же был найден разбитый стеклянный флакон, форму которого, однако, установить не удалось.

В помещении 3 входной постройки в восточной нише были обнаружены два бронзовых браслета: один целый (рис. 47, *1*), другой поломанный. В этом же помещении найден серебряный амулет (бозубанд) в виде цилиндра (длиной 2,5 см и диаметром 1 см). Внутри он был заполнен гипсом. Снизу на него были напаяны две пирамиды из серебряной зерни (одна из них отвалилась, другая сохранилась полностью). Сверху на цилиндре имелись два ушка для подвешивания, а боковые части орнаментированы растительным узором (рис. 47, *8*).

В помещении 1 входной постройки найдено костяное украшение от пояса с двумя сквозными отверстиями (рис. 47, *11*). Сверху оно орнаментировано врезанной линией. Нижняя его часть плоская, а верхняя — лицевая слегка выпуклая.

В разных местах Гардани Хисор часто встречались альчики различной величины от разных домашних животных и даже от диких коз. Некоторые из них носят следы обработки, а поверхность многих заглажена от частого употребления, очевидно, при игре. В помещении 2 парадного комплекса внутри кувшина найдено 50 таких альчиков и одна битка, т. е. альчик с железным обручем (рис. 47, *4*). Большое число игральных альчиков найдено в Пенджикенте (Ставиский, 1964б, с. 174).

Встречены на Гардани Хисор и глиняные прясла конической и биконической формы (рис. 46, *3*, *4*; 47, *9*, *12*).

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ О ПАРАДНОЙ ПОСТРОЙКЕ ГАРДАНИ ХИСОР

Археологические работы на Гардани Хисор еще не завершены. Нами раскопана лишь парадная, сооруженная на платформе, постройка, «входное здание» и часть парадного

двора. Нижняя же площадка и помещения снаружи «входного здания» только затронуты раскопками. Однако уже и сейчас ясно, что парадная постройка Гардани Хисор очень интересная и в известном смысле даже уникальная, причем не только для горного Зеравшана, но и для Средней Азии в целом. Для Паргара же это — ценнейший историко-архитектурный памятник.

В целом этот памятник весьма своеобразен. Размещение столь крупного комплекса на вершине горы, планировка сооружений верхней плащадки в виде отдельного «входного здания», большого парадного двора и вознесенного над ними на специальной платформе парадного здания с хозяйственными помещениями у его подножия — все это выделяет постройки на вершине Гардани Хисор из числа известных ныне археологических памятников Средней Азии VI — VIII вв. и свидетельствует как о высоком профессиональном уровне их создателей, так и о творческом подходе к решению стоящей перед ними задачи — сооружению в условиях горного района парадного здания дворцового типа.

Вместе с тем очевидно, что строители Гардани Хисор умело использовали опыт, накопленный среднеазиатской архитектурой того времени вообще. Парадный зал, домашнее святилище, парадные помещения основной постройки вообще сходны с подобными же сооружениями Пенджикента, Согда и Уструшаны и вполне соответствуют вкусам правящих кругов Средней Азии того времени. Резное дерево, примененное для украшения этих помещений, также перекликается с убранством интерьеров Согда, Уструшаны и, по-видимому, других областей Средней Азии VI — VIII вв. Замена же стенных росписей, столь характерных для парадных помещений Согда и Уструшаны того времени, коврами и тканями объясняется, видимо, спецификой местных условий или своеобразием вкуса хозяина этой «горной резиденции».

Возведение специальной «входной постройки», столь удачной в местных условиях, при внимательном рассмотрении можно отнести к древней среднеазиатской архитектурно-планировочной традиции. Ведь в принципе подобное оформление входа и наличие большого парадного двора на пути от входа к основной постройке характерны и для храмовых комплексов Пенджикента (Беленицкий, 1950, с. 107) и Ак-Бешима (Хмельницкий, 1959, с. 167, 244—245) и вообще для древнего Востока (Всеобщая история архитектуры, 1958, с. 30 — 50). Более того, последующее (с X в.) оформление входов среднеазиатских общественных зданий порталами с глубокой нишей ведет, по-видимому,

свое происхождение именно от таких колоннадно-айванных входов древности и раннего средневековья.

Применение разноцветных строительных материалов — кирпича-сырца двух цветов, разноцветной пахсы и глиняных растворов — также засвидетельствовано уже в среднеазиатской архитектуре — в замковой постройке Мунчактепе в Уструшане, где двухцветные кирпичи в кладке стен, по определению В. Л. Ворониной, были также рассчитаны на декоративный эффект (Воронина, 1950а, с. 191).

Парадный комплекс Гардани Хисор, таким образом, предстает перед нами как яркое произведение среднеазиатской архитектуры VI — VIII вв. В то же время по своему расположению, планировке и по своим размерам он коренным образом отличается от остальных известных нам памятников Паргара того периода, в том числе и от замка на горе Муг и крепости Кум; первый из них состоит из пяти сводчатых комнат; последняя, как показали раскопки 1963 — 1968 гг., включает большое число сводчатых помещений.

Особенности устройства и планировки и весь облик построек на вершине Гардани Хисор позволяют утверждать, что перед нами не обыкновенная крепость или укрепление, а усадебное сооружение парадного типа, служившее резиденцией или, во всяком случае, временным жилищем богатого и знатного лица.

Постройки Гардани Хисор погибли от пожара, скорее всего, во время похода арабов против Деваштича в 722 г. На эту дату указывают находки керамики и монет Тархуна и так называемого подражания чекану Гурека.

Как видно из мугских документов, районы современного Верхнего Зеравшана входили в состав Пенджикентского княжества и были тесно связаны с событиями начала 20-х годов VIII в. Среди этих владений Деваштича фигурирует и Паргар (Лившиц, 1962, с. 95). Он был не только важным экономическим районом, но и последним центром антиарабского движения 722 г.

В Паргаре жил фрамандар Утт, управляющий хозяйством Деваштича. Этому лицу приписывается значительная часть мугских документов. К архиву фрамандара относится 21 документ (Боголюбов, Смирнова, 1963, с. 7), 12 из них — письма, которые посылали ему разные лица, в том числе и сам государь Панча Деваштич, остальные 9 — хозяйственные записки. Свыше 25 документов связаны с именем фрамандара Утта и событиями, которые происходили в Паргаре.

Судя по мугским документам, фрамандар ведал районами Верхнего Зеравшана; в его склады поступали зерно, вина, фрукты, кожа, оружие и т. п. от населения этих районов; от

него поступало продовольствие голодающим жителям селений Искодар, Рарз, Фатьмев и различным государственным чиновникам; через его руки проходили все расходы и доходы владетеля Панча на Верхнем Зеравшане.

Документы не указывают точного местоположения резиденции фрамандара Утта. В. А. Лившиц считает, что фрамандар, будучи управляющим дворцовым хозяйством Деваштича, определенную часть времени проводил вне Пенджикента. По его мнению, у фрамандара могло быть несколько загородных резиденций, причем одна из них была в долине р. Магиан, возможно, у современного селения Фильтомандор (Лившиц, 1962, с. 135). Локализация резиденции фрамандара на Магиане обосновывается лишь предположением, что название селения Фильмандор восходит к титулу фрамандар. Никаких иных данных, подтверждающих такую локализацию, пока нет. Неизвестно, было ли несколько загородных резиденций у фрамандара Утта, как предполагает В. А. Лившиц. В мугских документах об этом никаких данных нет. Анализ же документов позволяет думать, что фрамандар жил где-то в районе паргарских селений Хшикат, Заровод, Искодар, Кум и Мадм.

Так, документ, Б-13 гласит: «Господину, государю, великому оплоту, фрамандару Утту от его слуги Спадака — обращение и много почтения. И господин, когда (твой слуга — я) от тебя ушел, то, господин, **в полдень он прибыл в Хсиканд (Хшикат)** (выделено нами.— Ю. Я.). И ту одежду, которую он у тебя взял, он ее полностью вручил государю» (там же, с. 145). В переводе М. Н. Боголюбова и О. И. Смирновой этот перевод звучит так: «Господину государю, великой опоре фрамандару Утту от его раба Спадака. Обращение и много поклонов. И, господин, когда cn'kw от тебя вышел, и господин, в тот же день он пришел в Хсиканд и γnsы, которые у тебя взял, то их все представил (вручил)» (Боголюбов, Смирнова, 1963, с. 80).

Оба перевода указывают, что фрамандар находился неподалеку от Хшиката.

Очень любопытно второе письмо Спадака фрамандару, где он, в частности, пишет: «Господин, к тебе из Заравадка, из Скатара и из Аншака (?) привезли зерно. И ты его все зарегистрируешь (перепишешь) и пришлешь сюда» (Лившиц, 1962, с. 172). Из этого письма ясно, что фрамандар не жил ни в Искодаре, ни в Заравадке, ни в Аншаке. Из других писем вытекает, что фрамандар не жил также в Дархе, Рарзе, Фатьмеве и Куме. Из фигурирующих в мугских документах селений Фальгара остается только Мадм

(Боголюбов, Смирнова, 1963, с. 48), где, скорее всего, и следует искать резиденцию фрамандара.

Таким образом, данные мугских документов совпадают с археологическими данными, полученными в ходе раскопок в Фальгаре. И те и другие позволяют предполагать, что резиденцией фрамандара и центром политической и экономической жизни Фальгара был Гардани Хисор. Отсюда в грозные дни событий 722 — 723 гг. были вывезены в замок на горе Муг документы архива фрамандара вместе с другими секретными политическими антиарабскими документами княжества Панча.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор материалов, которые связаны с Кухистаном VII — VIII вв., позволяет утверждать, что этот ранее почти неведомый горный район раннесредневекового Согда ныне освещен разнообразными, во многом дополняющими друг друга источниками, как письменными, так и вещественными. Ценные, хотя и лаконичные сведения по истории и отчасти по хозяйству Буттама содержат известные уже давно, но использовавшиеся лишь частично труды арабо- и персоязычных авторов IX — XII вв. Важным источником по истории Панча и входившего в его состав Буттама может служить также переведенное еще в 1934 г. академиком И. В. Крачковским «Письмо из Согдианы» — мугский документ, составленный по-арабски и представлявший собой письмо пенджикентского князя Деваштича арабскому военачальнику эмиру ал-Джарраху. Богатейшие сведения о политической истории, системе управления, хозяйстве и быте Кухистана и отчасти всего Панча (а кое в чем и всей Средней Азии) содержат дешифрованные мугские согдийские документы, хотя отдельные места в текстах этих документов все еще остаются спорными или неясными. Вещественные материалы для изучения Кухистана — это все еще неизученные богатейшие находки на горе Муг, а также впервые вводимые в научный оборот горная резиденция фрамандара Утта, а возможно, и самого пенджикентского государя Деваштича — дворец в Гардани Хисор, около сел. Мадм и мощный военный оплот Паргара — крепость в сел. Кум, материалы из раскопок которой подготавливаются к печати.

Анализ источников, проливающих свет на историю и хозяйство Буттама VII — VIII вв., позволил определить общие контуры политической истории раннесредневекового Буттама, которая оказалась насыщенной важными событиями и полной серьезных перемен и изменений, а также более детально изучить историю этого горного района в первой

четверти VIII в. Вопреки мнению ряда исследователей, устанавливается, что Буттам в VII — VIII вв. не входил в состав Уструшаны, а был до 714 — 715 гг., скорее всего, независимым владением, после же разгрома Буттама арабами он составил часть княжества Панча и был последней базой пенджикентского владетеля Деваштича во время его борьбы с арабами в 721 — 722 гг. Выяснилось, что Деваштич принял ряд мер по укреплению обороноспособности Буттама и что только неравенство сил борющихся сторон явилось причиной поражения Деваштича и разрушения крепостей Паргара.

Анализ вещественных находок и данных письменных источников, в первую очередь мугских документов, позволил рассмотреть земледелие и состав сельскохозяйственных культур, садоводство и животноводство, ткачество, кожевенное производство и кузнечное дело не только Буттама, но и Панча VII—VIII вв., а также коснуться вопросов об общем уровне его хозяйства и развитии товарно-денежных отношений.

Изучение истории, культуры и хозяйства Кухистана, конечно, еще далеко от завершения. Археологические исследования в верховьях Зеравшана продолжаются. Будут еще пересматриваться, возможно, чтения мугских документов. И вполне вероятно, что отдельные выводы и положения настоящей работы в дальнейшем будут уточнены. Однако вывод об относительном богатстве источников для изучения Кухистана VII—VIII вв., а также ряд основных положений по истории и хозяйству этого горного района уже сейчас можно, по-видимому, считать доказанными достаточно убедительно.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Карта Верховьев Зеравшана.

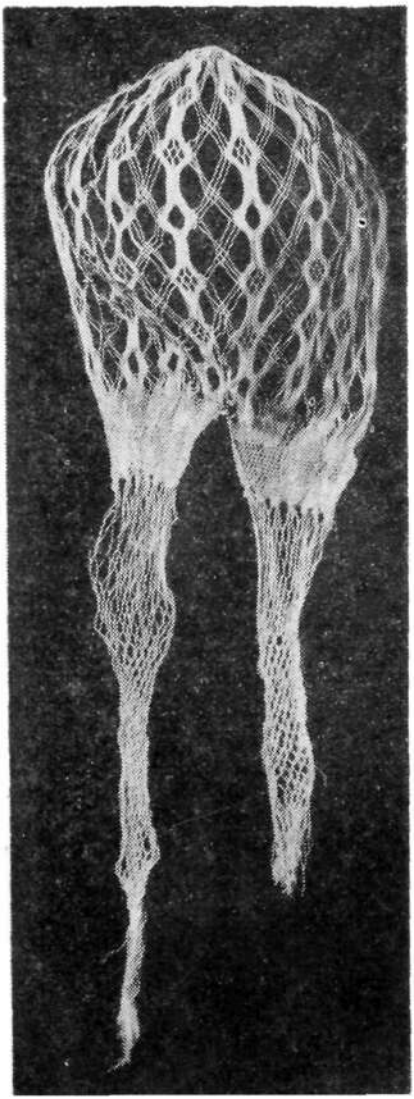

Рис. 2. Плетеная сетка

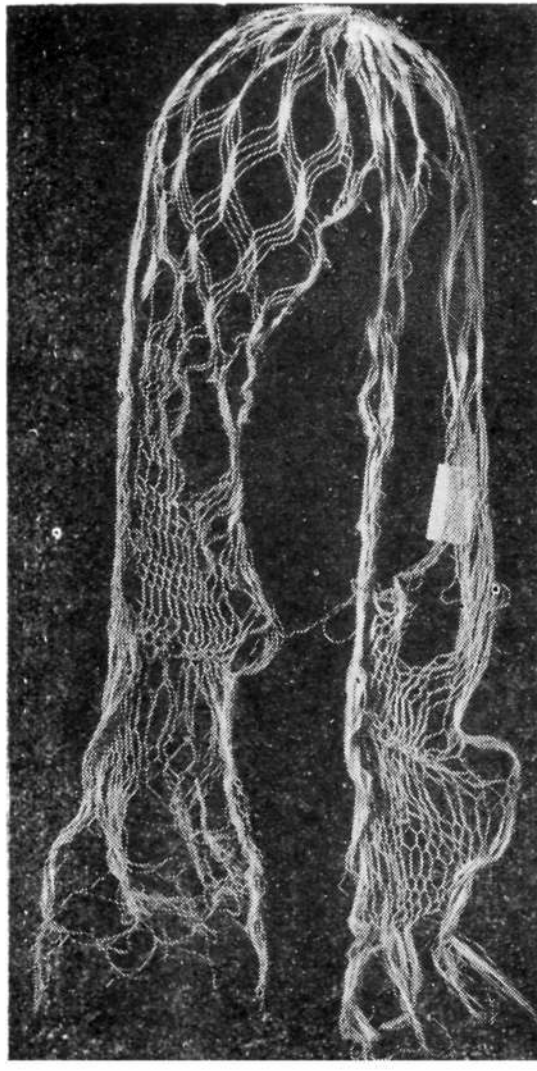

Рис. 3. Плетеная сетка

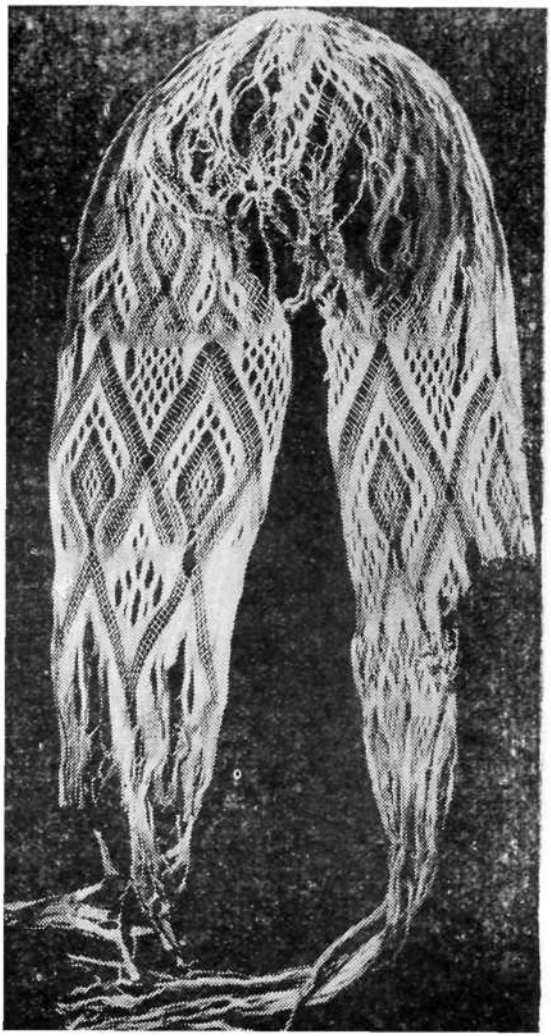

Рис. 4. Плетеная сетка

Рис. 5. Оттиск печати на документе В-4 (договор об аренде мельниц)

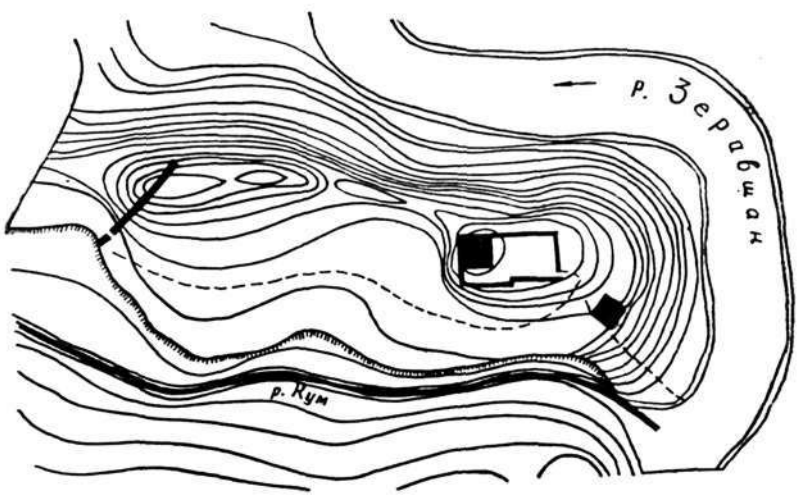

Рис. 6. Топографический план расположения замка на горе Муг. На переднем плане каменная стена перед входом на территорию замка. В центре замок, на заднем плане остатки неисследованного сооружения.

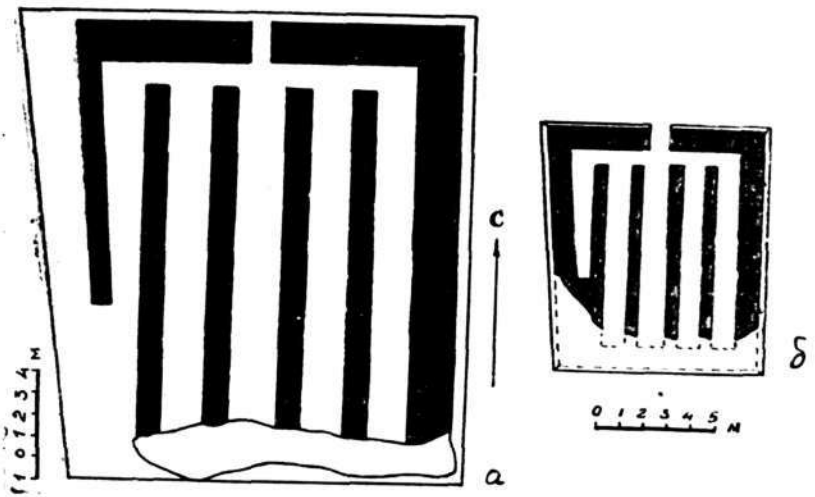

Рис. 7. План замка на горе Муг:
а) по Васильеву, б) по Ворониной

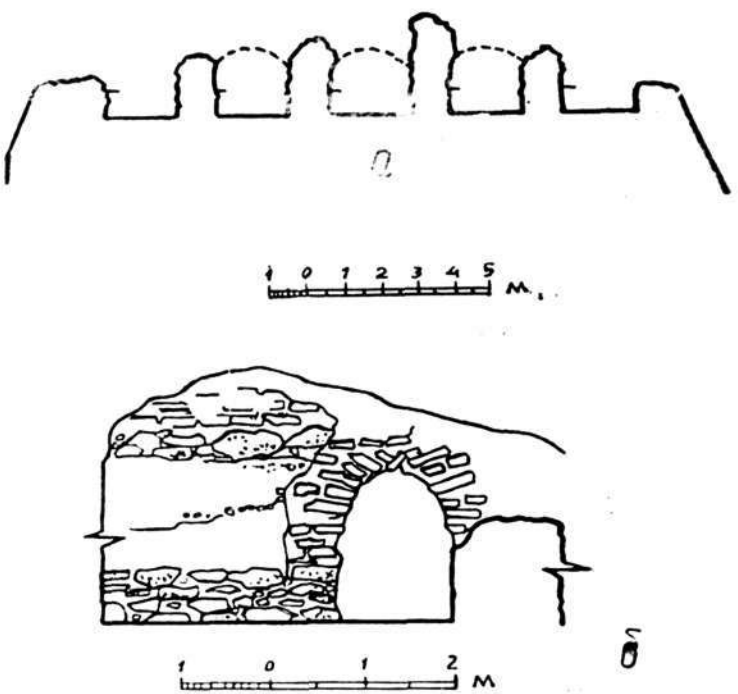

Рис. 8. Замок на горе Муг:
а) разрез замка по линии 3В, б) входной проем в помещение 3

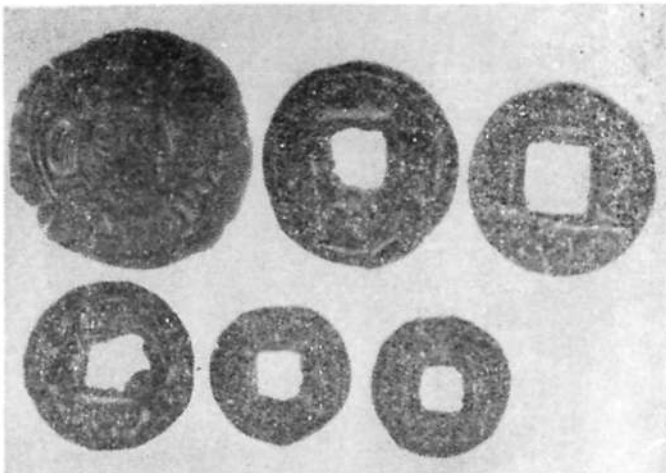

Рис. 9. Монеты, найденные на горе Муг

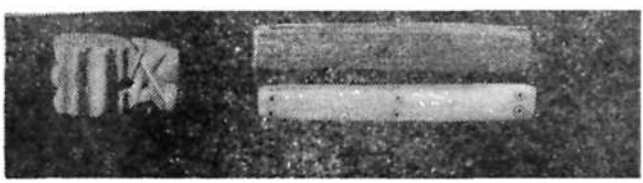

Рис. 10. Деревянная и костяные игральные палочки из замка на горе Муг

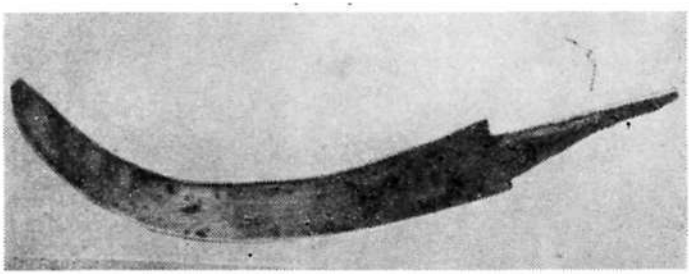

Рис. 11. Железный нож

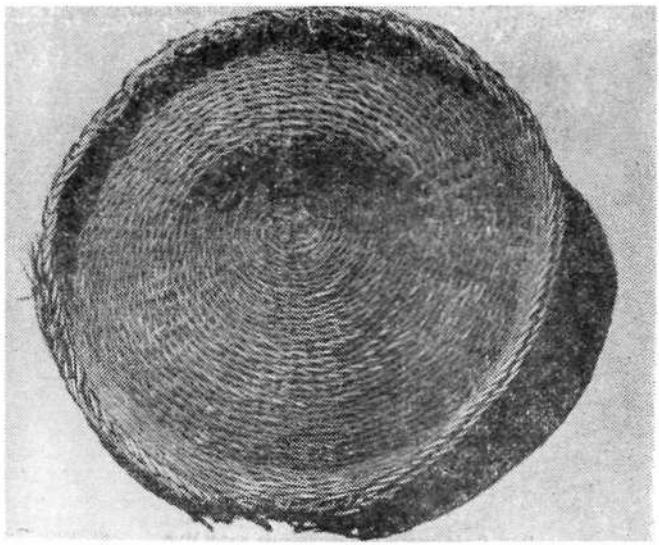

Рис. 12. Плетеная крышка хума

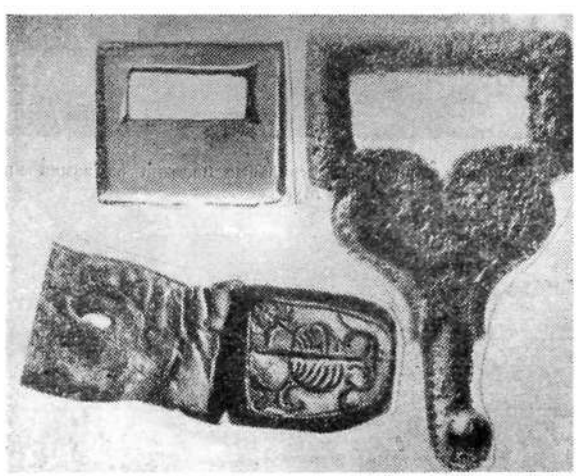

Рис. 13. Медные пряжки

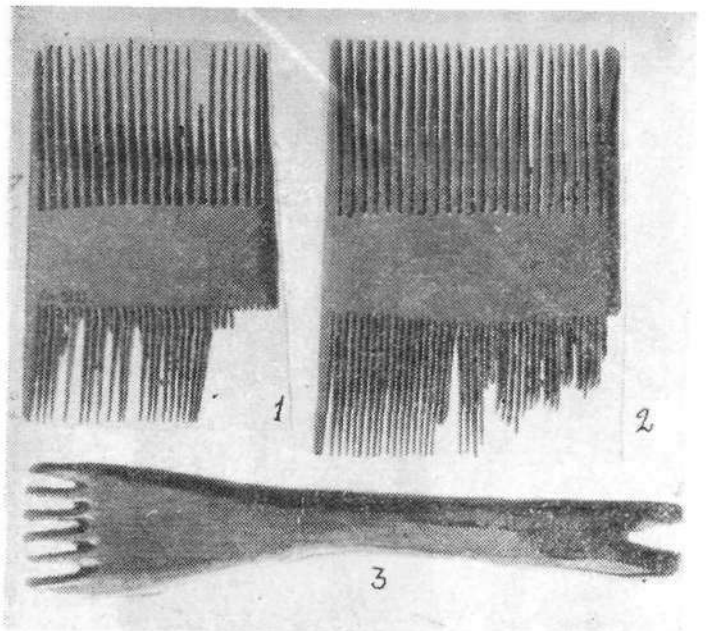

Рис. 14. Деревянные гребни и деревянная вилка

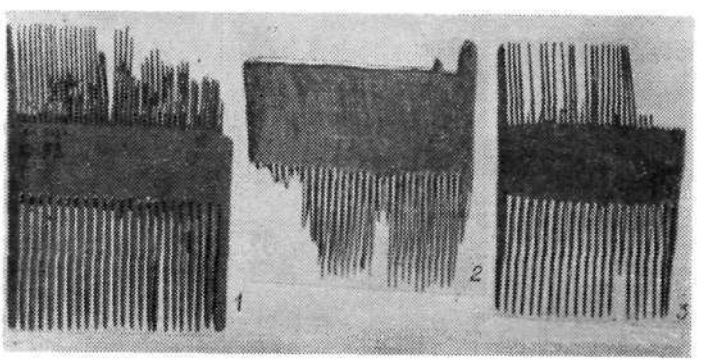

Рис. 15. Деревянные гребни

Рис. 16. Деревянная лопата

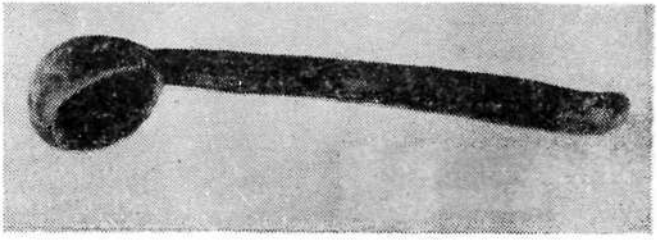

Рис. 17. Деревянная разливная ложка

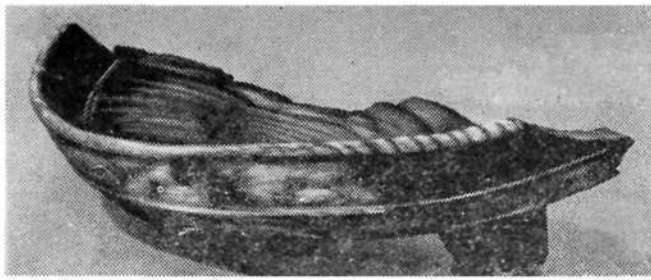

Рис. 18. Фрагмент деревянного блюда (табак)

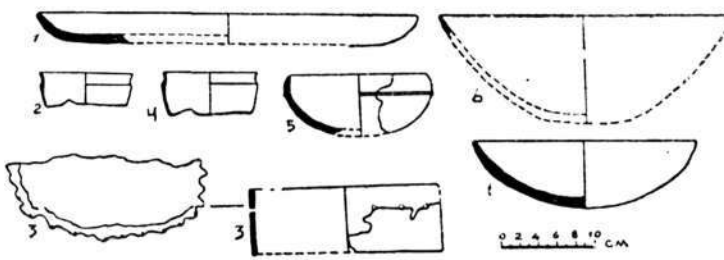

Рис. 19. Деревянные предметы: блюда *1*, *6*, *7*; чаши **2**, *4*, *5* и бубен *3*

Рис. 20. Кожаный сапог

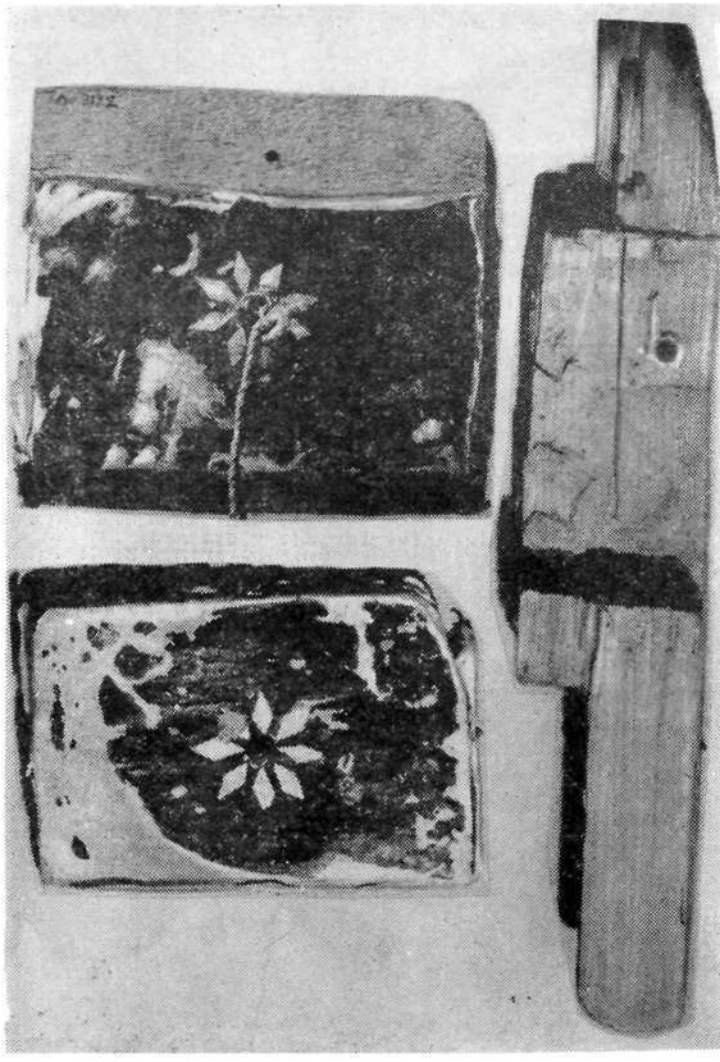

Рис. 21. Обломки обтянутого кожей сундука

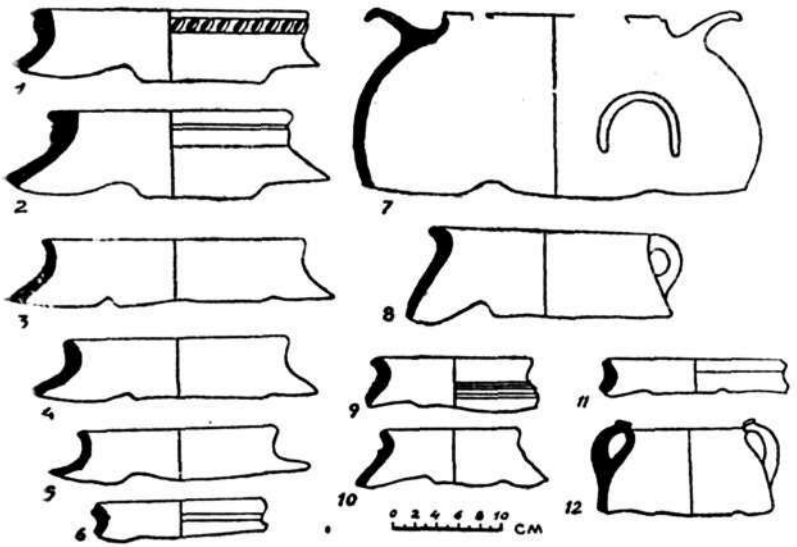

Рис. 22. Керамика: хумы, котлы и горшки

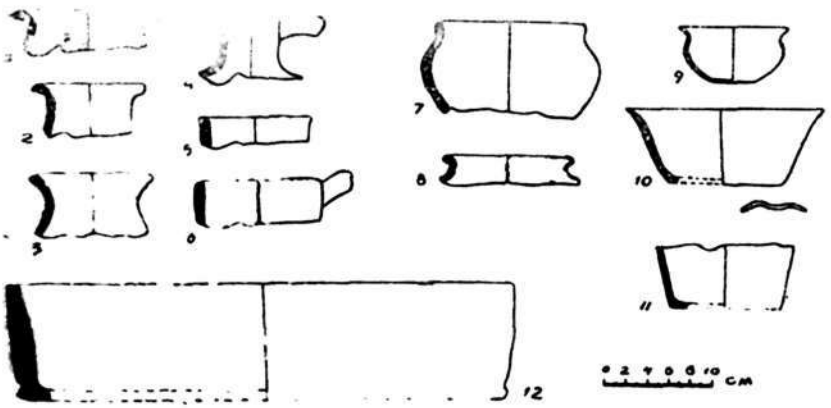

Рис. 23. Керамика: кувшины, миски, чашки и сковородка

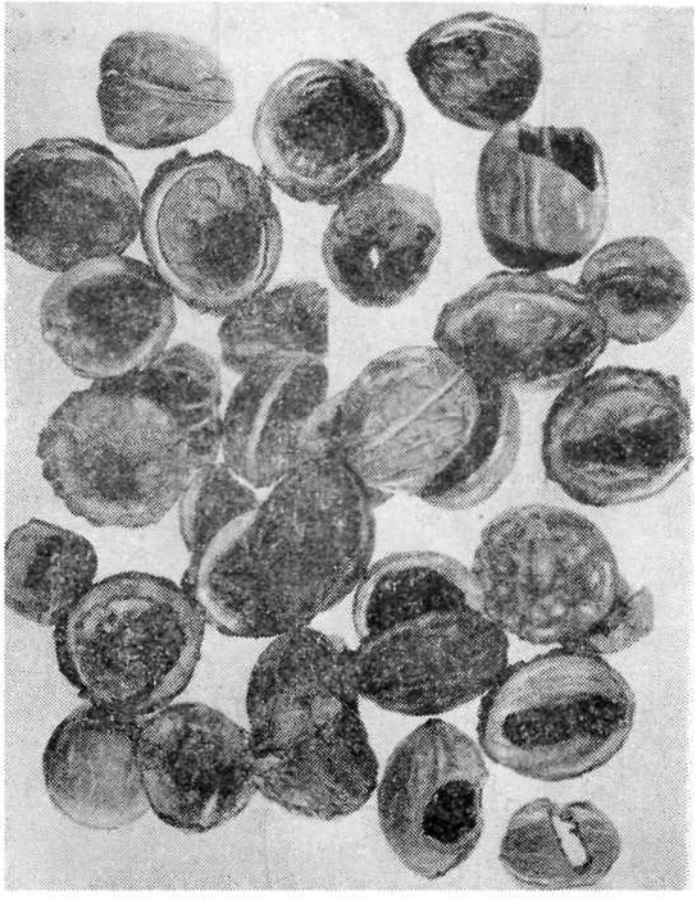

Рис. 24. Скорлупа грецкого ореха

Рис. 25. Деревянный щит с горы Муг

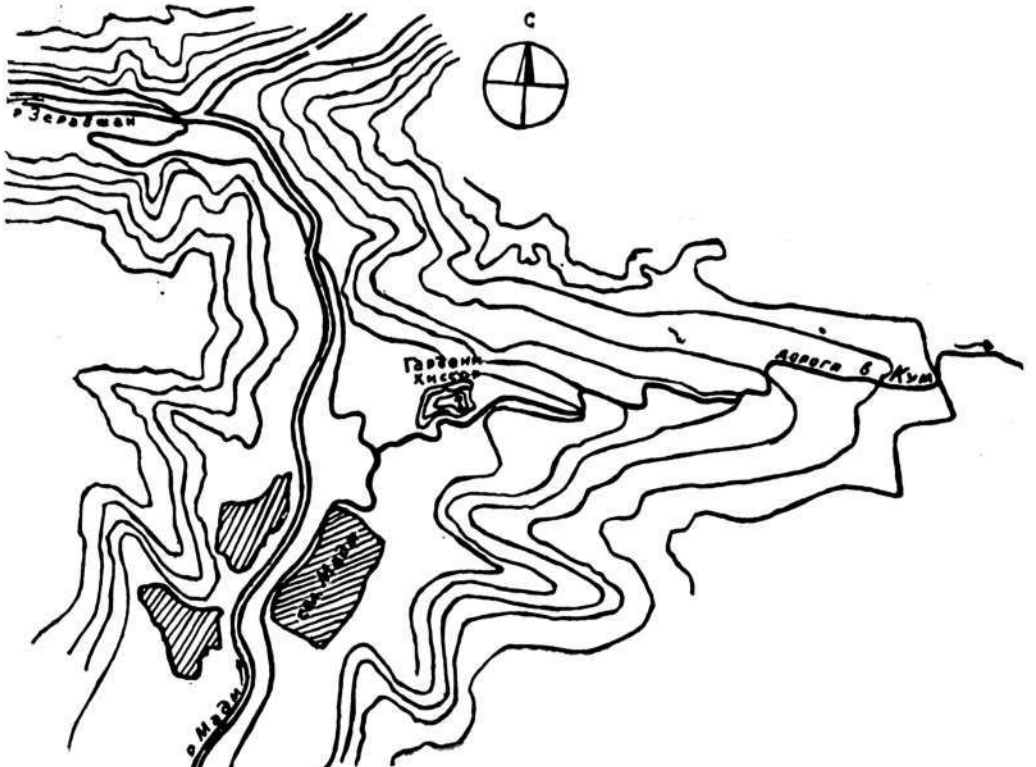

Рис. 26. Схематичный план окрестности сел. Мадм

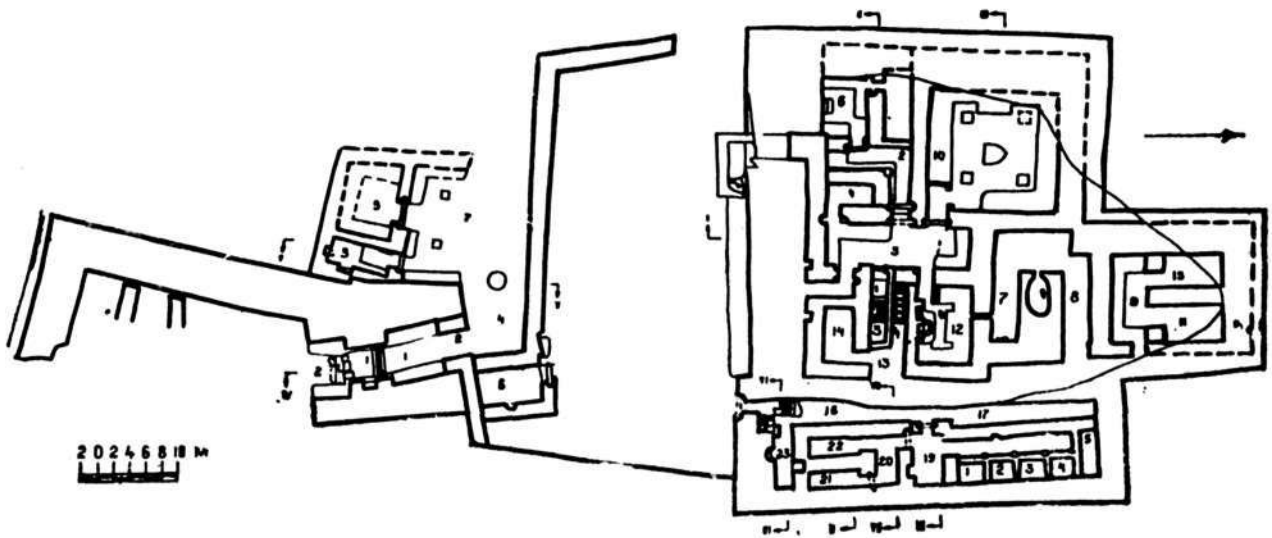

Рис. 27. План дворца Гардани Хисор

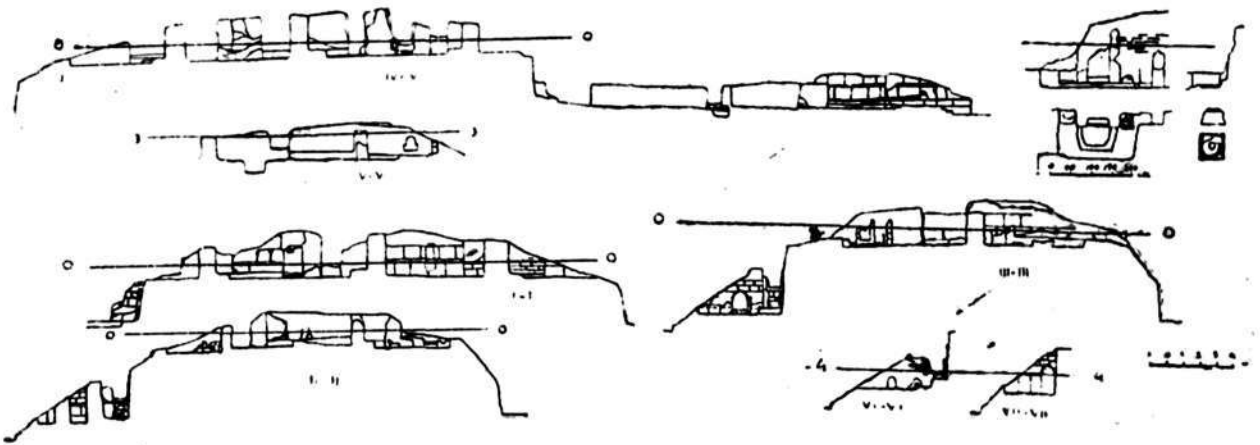

Рис. 28. Разрезы дворца Гардани Хисор

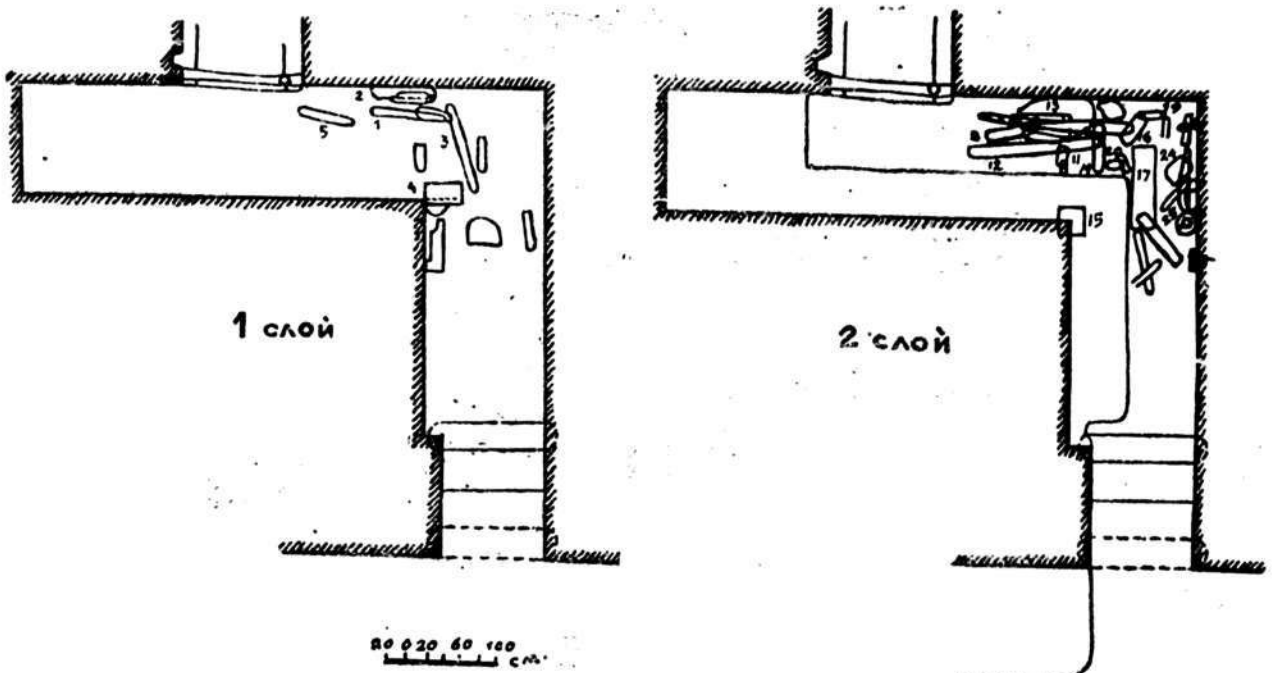

Рис. 29. План помещения 2 с указанием мест находок горелого дерева

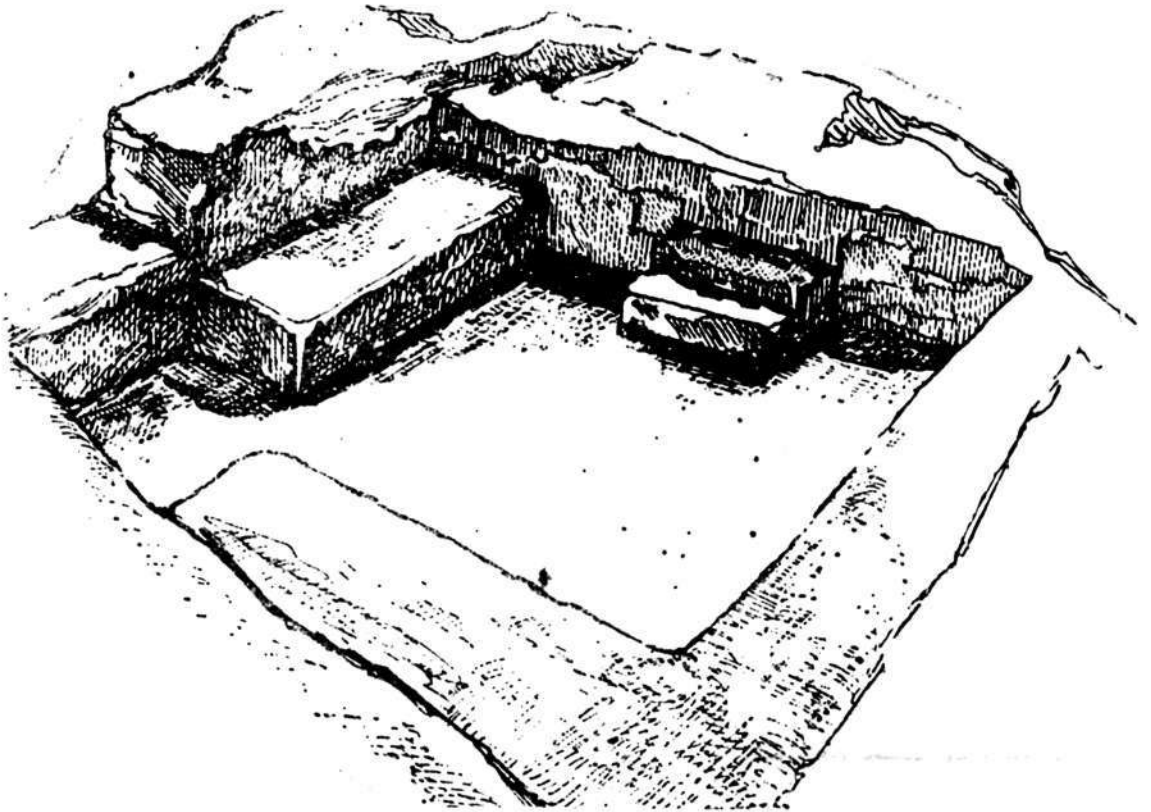

Рис. 30. Общий вид помещения 6

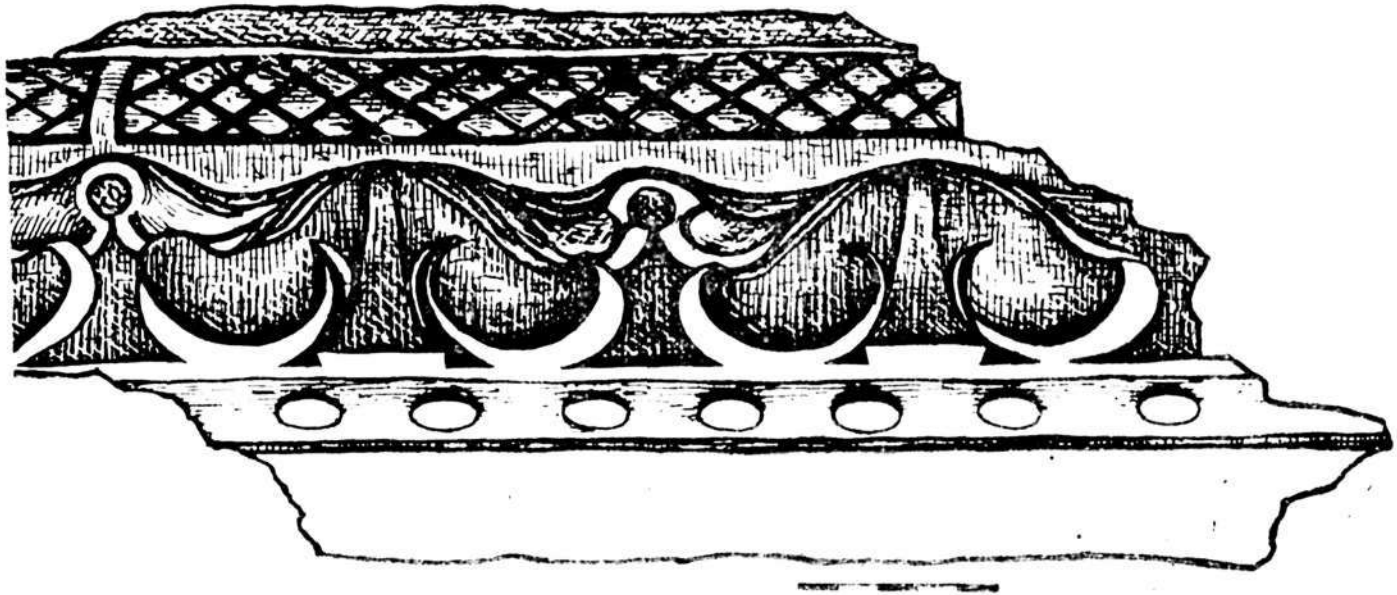

Рис. 31. Фрагмент боковой стойки от дверного проема помещения 6

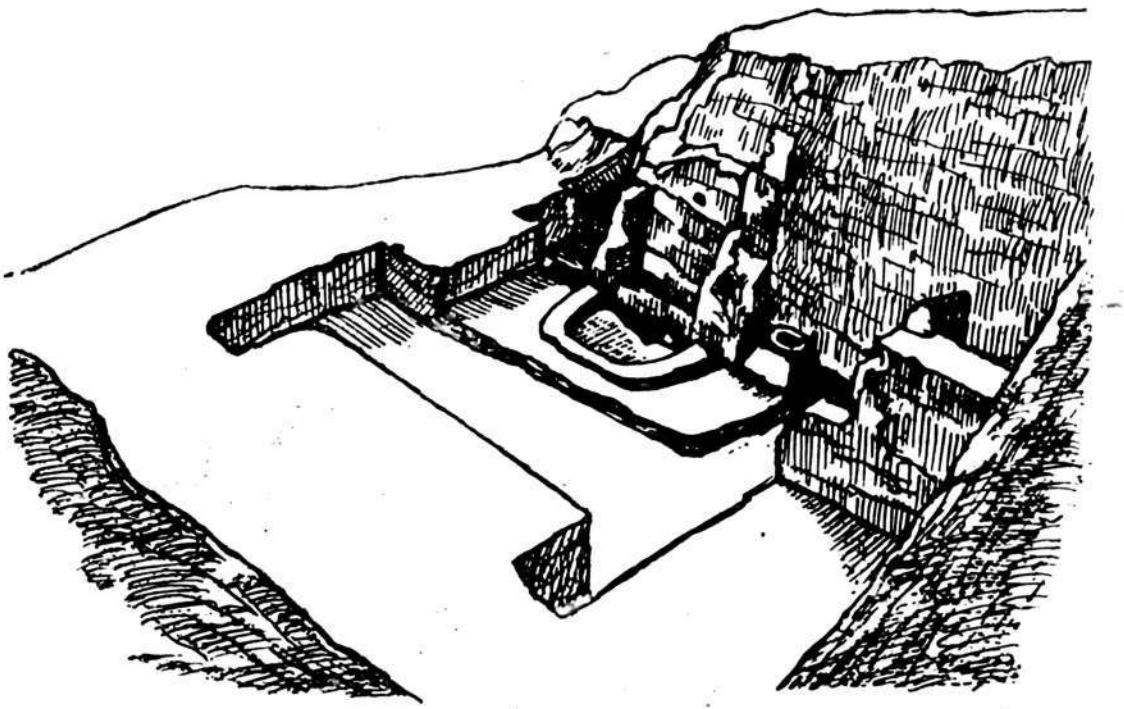

Рис. 32. Алтарь в помещении 12

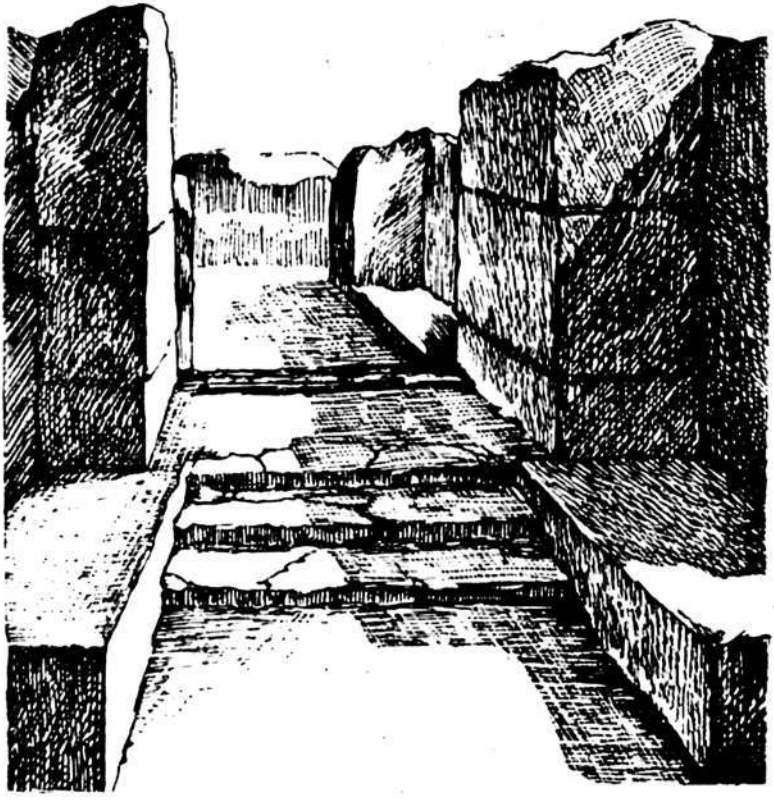

Рис. 33. Лестница в помещении I входного коридора

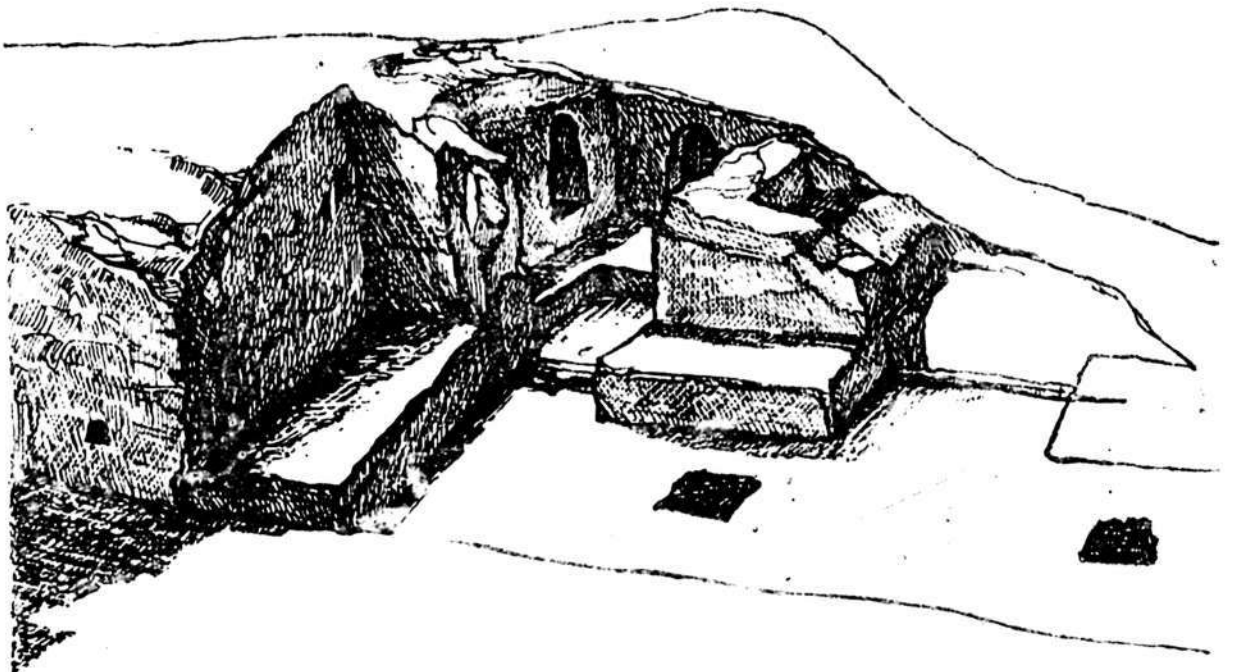

Рис. 34 Общий вид помещения 3 парадного входа

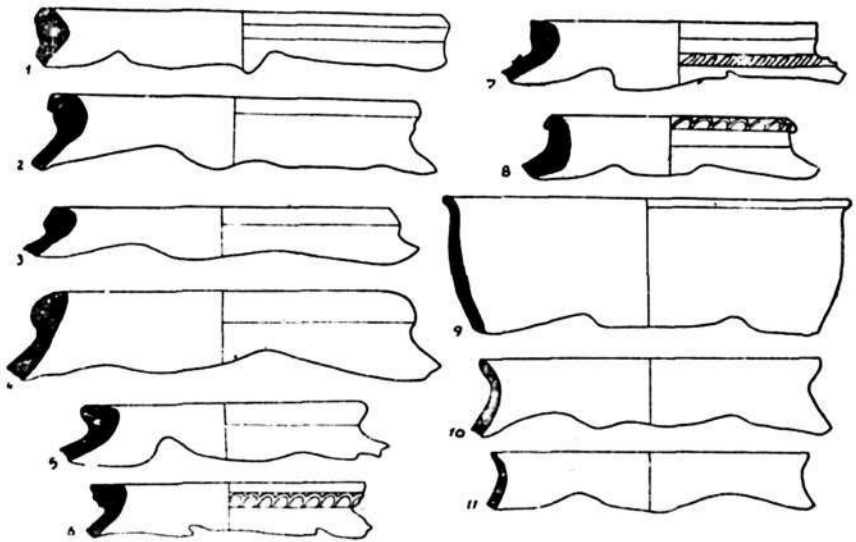

Рис. 35. Хумы из Гирдани Хисор

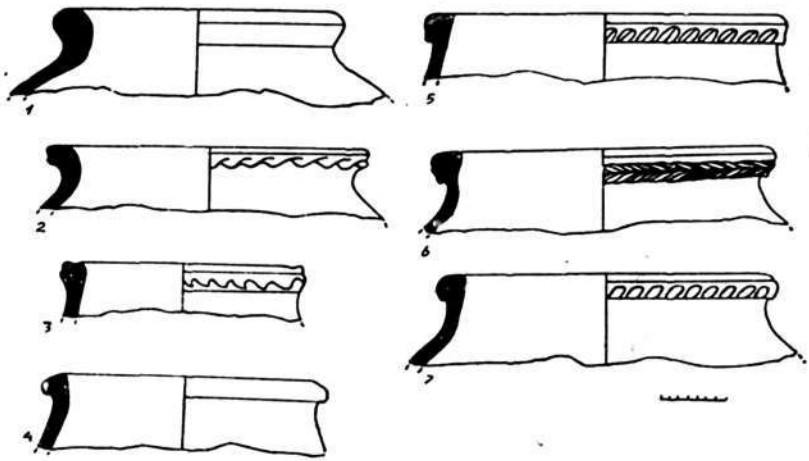

Рис. 36. Хумы из Гардани Хисор

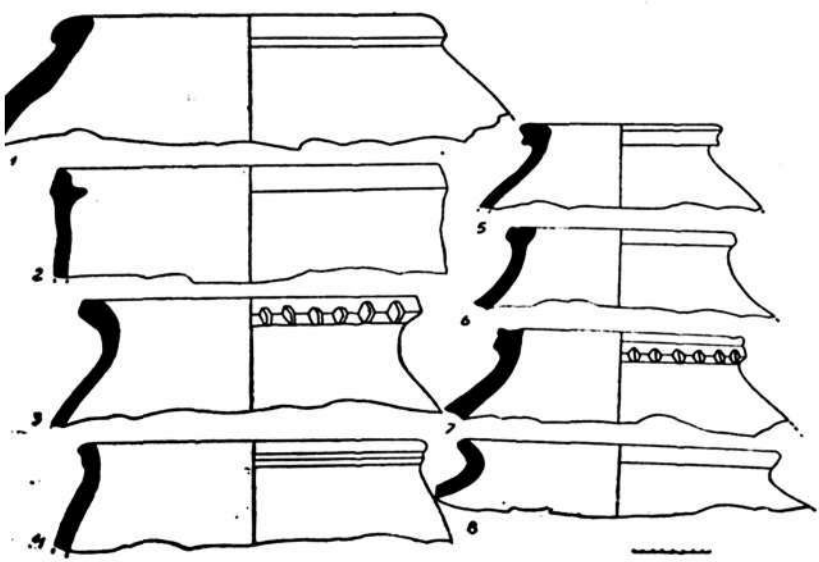

Рис. 37. Хумы из Гардани Хисор

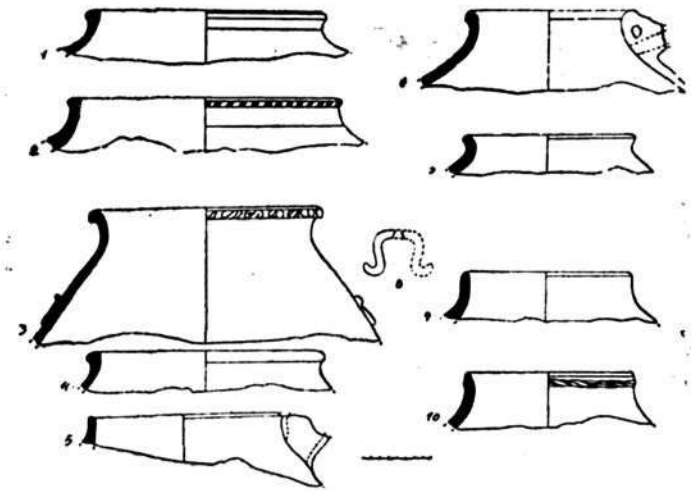

Рис. 38. Хумчи из Гардани Хисор

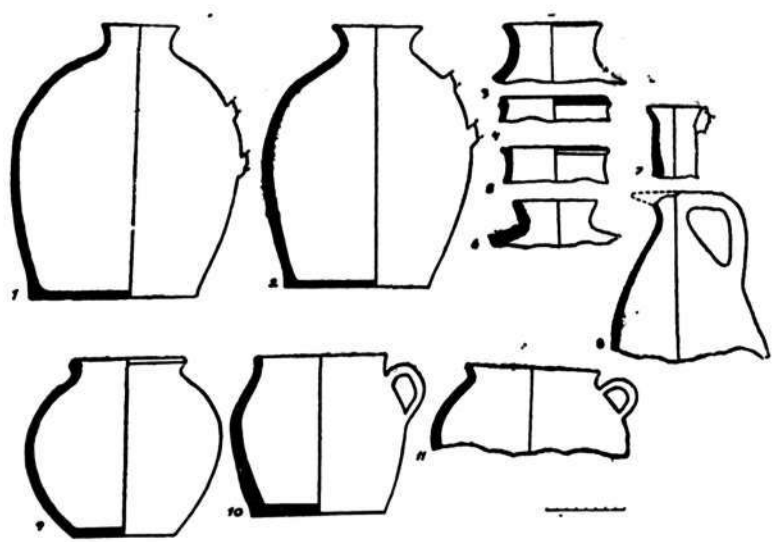

Рис. 39. Кувшины

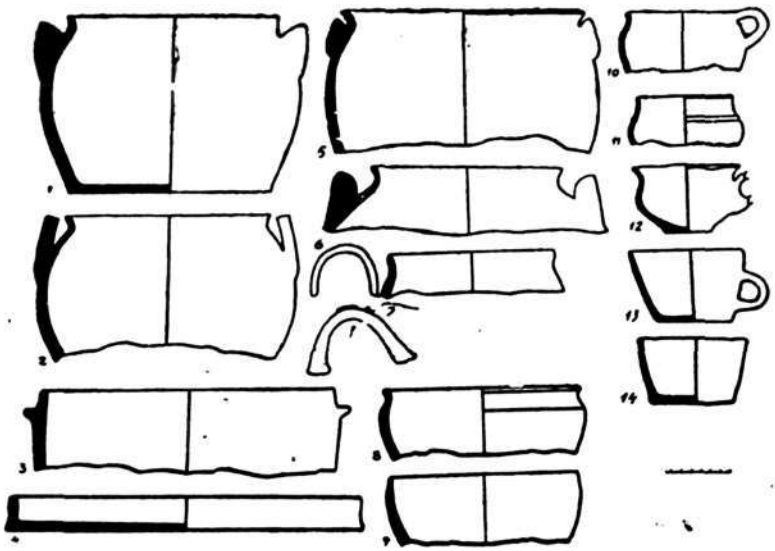

Рис. 40. Кружки и котлы

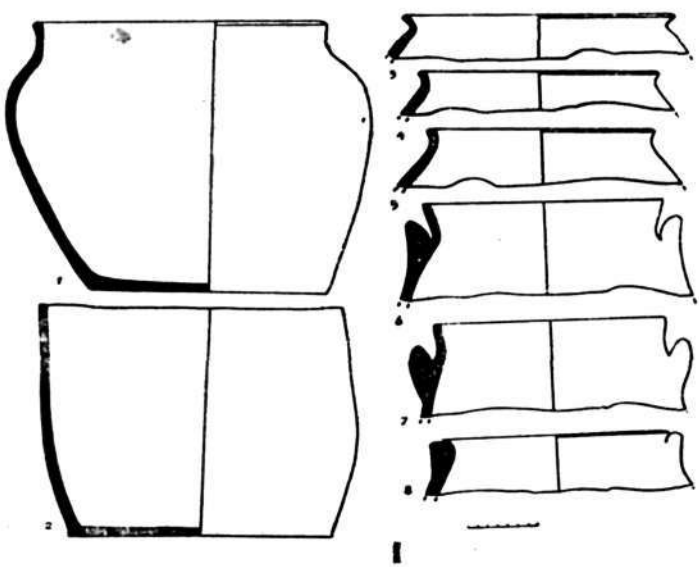

Рис. 41. Котлы

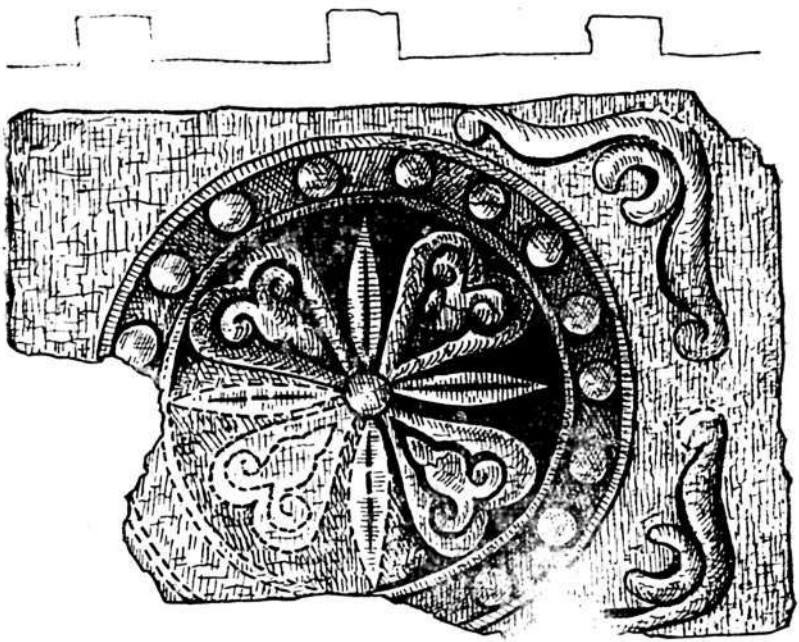

Рис. 42. Фрагмент филенки от двери дворцового помещения 6

Рис. 43. Фрагмент фриза помещения 6

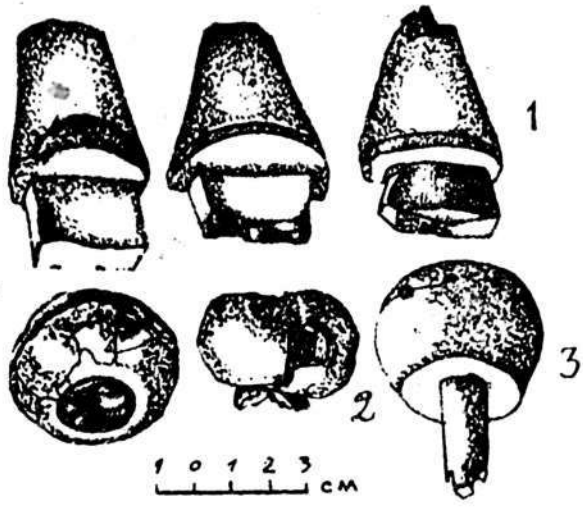

Рис. 44. Шарики и конусы из дворцовых помещений 2 и 6

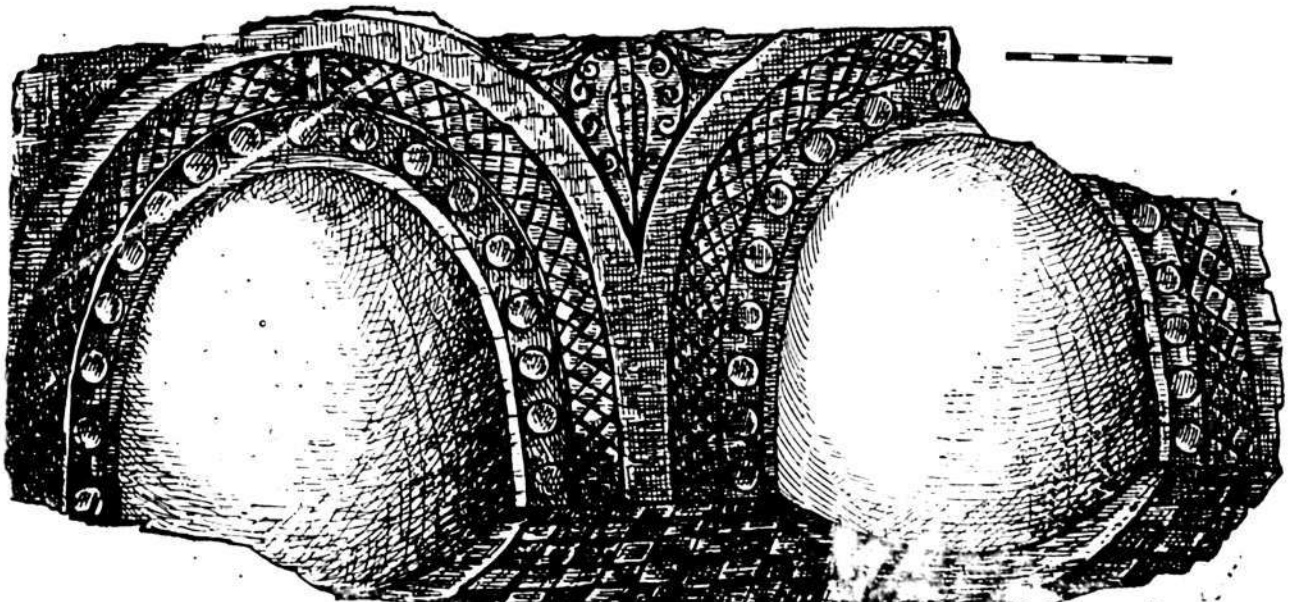

Рис. 45. Фрагмент фриза помещения 10.

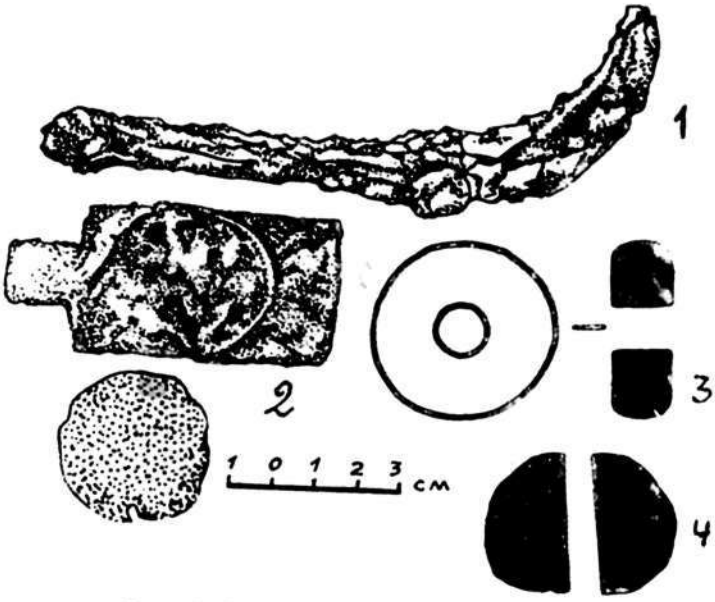

Рис. 46. Металлические и другие находки

Рис. 47. Металлические и другие находки

ЛИТЕРАТУРА

Альбаум Л. И. 1960. Балалык-тепе. Ташкент

Аминов П. А. 1874. Военно-топографический очерк горной страны верховьев Зарафшана. — Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. 3. Спб.

Андреев М. С. 1925. Деревянная колонна в Матче. — Известия Российской Академии истории материальной культуры, т. IV. Л.

Андреев М. С. 1927. По Таджикистану. — Отчет экспедиции 1925 г. Вып. 1. Ташкент.

Андреев М. С. 1958. Таджики долины Хуф. Вып. 2. Сталинабад.

Арандаренко Г. А. 1889. Досуги в Туркестане. Спб.

Бабур Захируддин. 1958. Бабур-намэ. Записки Бабура, перевод М. Салье. Ташкент.

Баранов П. и Райкова И. 1928. Дарваз и его культурная растительность. — Известия общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, т. 1. Ташкент.

Бартольд В. В. 1963а. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Собр. соч., т. 1. М.

Бартольд В. В. 1963б. История Туркестана. — Собр. соч., т. 2, ч. I. М.

Бартольд В. В. 1964. К истории арабских завоеваний в Средней Азии. — Собр. соч., т. 2, ч. 2. М.

Бартольд В. В. 1965. Туркестанский край в XIII веке. — Собр. соч., т. 3. М.

Белазури. 1863 — 1866. Китаб Фатух-ал-Булдан. BGA, ed. M. J. de Goeje Lugduni Batavorum.

Беленицкий А. М. Раскопки здания №1 на шахристане Пенджикента. — МИА, № 15. М.—Л., 1950.

Беленицкий А. М. 1958. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951 — 1953 гг.). — МИА, № 66. М. — Л.

Беленицкий А. М. 1962. Результаты раскопок на городище древнего Пенджикента в 1960 г. — Археологические работы в Таджикистане. Вып. 8 (1960 г.). «Тр. Института истории АН Тадж. ССР», т. 34. Душанбе.

Беленицкий А. М. 1969. Работы Пенджикентского отряда в 1961 г. — Археологические работы в Таджикистане. Вып. 9 (1961). Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 42. Душанбе.

Беленицкий А. М. 1973. Монументальное искусство Пенджикента. М.

Беленицкий А. М. и Бентович И. Б. 1961. Из истории среднеазиатского шелкоткачества (к идентификации ткани «занданеча»). — СА, № 2.

Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Лившиц В. А. 1963. Камчатые ткани с горы Муг. — СЭ, № 4.

Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. 1973. Средневековый город Средней Азии. Л.

Бентович И. Б. 1953. Керамика Пенджикента. — МИА, №37. М. — Л.

Бентович И. Б. 1956. Ажурные плетеные изделия с горы Муг. — КСИИМК. Вып. 61.

Бентович И. Б. 1958. Находки на горе Муг (Собрание Гос. Эрмитажа). — МИА, №66. М. — Л.

Бентович И. Б. 1964. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.). — МИА, № 124. М.—Л.

Беляев В. И. 1939. Арабские источники по истории туркмен и Туркмении IX—XIII вв. — МИТТ. т. 1. М. — Л.

Бернштам А. Н. 1950 Сако-усуньская культура ранних кочевников Чуйской долины. — «Тр. САЭ». МИА, № 14. М.—Л.

Бернштам А. Н. 1951. Древнетюркский документ из Согда. — Эпиграфика Востока, 5

Бернштам А. Н. 1952. Здание Чалдывар на реке Манакельды. — МИА, № 26. М. — Л.

Беруни Абурайхан. 1957. Избранные произведения, т. 1. Ташкент.

Бируни Абурайхан. 1963. Минералогия, пер. А. М. Беленицкого. М.

Бичурин И. Я. 1950 Собрание сведений о народах, обитающих в Средней Азии в древние времена, т. 2. М. — Л

Бобринской А. А. 1905. Горцы верховьев Пянджа. М.

Боголюбов М. Н. и Смирнова О. И. 1963. Хозяйственные документы (Согдийские документы с горы Муг, вып. 3). М.

Богословский 2-й. 1842. Записка о долине Зеравшана и горах ее окружающих. — «Горный журнал». Кн. 10, ч. 2.

Богушевский П. Н. 1935. Абрикосы верхнего Зеравшана. Л.

Большаков О. Г. 1958. Борьба народов Средней Азии против арабского завоевания. — В кн.: Очерки истории СССР, т. 2. М.

Большаков О. Г. 1964. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III (комплекты I и II, раскопки 1952 — 1956 гг.). — МИА, №124. М. — Л.

Большаков О. Г. и Негматов Н. Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента. — МИА, № 66. М.—Л.

Большаков О. Г. 1973 — В кн.: Беленицкий А. М.: Бентович И. Б., Большаков О Г. Средневековый город Средней Азии. Л.

Вавилов Н. И. 1965. Культурная флора Таджикистана в ее прошлом и будущем. — Избранные труды, т. 5. М. — Л.

Васильев А. И. 1934. Согдийский замок на горе Муг. — Согдийский сборник. Л.

Васильев А. И. 1936. Согдийцы и их вооружение. — Автореф. канд. дис. Л.

Васильев К. В. 1936. Абрикосы верховьев р. Заравшана. Самарканд.

Волин С. Л. 1940. К вопросу о замке на горе Муг. — Тр. Таджикской базы АН СССР, т. IX.

Винклер В. В. 1952. Основные археологические коллекции Республиканского историко-краеведческого музея Тадж. ССР. — Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР, вып. I. Сталинабад.

Винокурова М. П. 1957. Ткани из замка на горе Муг. — Изв. АН Тадж. ССР. Отд. общ. наук, вып. 14.

Воробьев В. 1933. Раскопки древнейшего согдийского замка на Зеравшане. — «Коммунист Таджикистана», 17, 18, 23, 24 ноября.

Воронец Е. 1871а. Искандер-Кульская экспедиция в 1870, (записки сапера). — «Инженерный журнал», № 4.

Воронец Е. 1871б. Искандер-Кульская экспедиция в 1870, (записки сапера) — «Инженерный журнал», № 5.

Воронина В. Л. 1950а. Изучение архитектуры древнего Пенджикента. — МИА, №15. М. — Л.

Воронина В. Л. 1950б. Резное дерево Зарафшанской долины. — МИА, №15. М. — Л.

Воронина В. Л. 1953а. Архитектурные памятники древнего Пенджикента. — МИА, №37. М. — Л.

Воронина В. Л. 1953б. Древняя строительная техника Средней Азии. — «Архитектурное наследство», №3. М.

Воронина В. Л. 1958. Архитектура древнего Пенджикента (итоги работы 1952 — 1953 гг.). — МИА, №66. М. — Л.

Воронина В. Л. 1959. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента. — Сб.: Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М.

Воронина В. Л. 1960. Сырцовые минареты верховьев Зарафшана. — Сб.: Памяти Михаила Степановича Андреева. — Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 120. Сталинабад.

Воронина В. Л. 1964. Архитектура древнего Пенджикента (результаты раскопок 1951 — 1959 гг.). — МИА, № 124. М. — Л.

Всеобщая история архитектуры. 1958, т. 1. М.

Вяткин В. Л. 1902. Материалы к исторической географии Самаркандского вилоята, вып. 7. Самарканд.

Гайдукевич В. Ф. 1946. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943 — 1944 гг. — КСИИМК, XIV.

Гафуров Б. Г. 1955. История таджикского народа, т. 1, изд. 2. М.

Гафуров Б. Г. 1972. Таджики. М.

Гребенкин А. Д. 1872. Заметки о Когистане. — «Туркестанские ведомости», № 23, 24.

Гребенкин А. Д. 1873. Заметки о Зеравшанской долине. — «Туркестанские ведомости», № 6, 26.

Гребенкин А. Д. 1874. Ремесленная деятельность таджиков Заравшанского округа. — «Туркестанский сборник», т. 52.

Давидович Е. А. 1958. Раскопки замка Калаи-Боло. — МИА, № 66. М.

Давидович Е. А. 1961. Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии XVI в. — «Изв. АН Тадж. ССР. Отд. общ. наук». Вып. 10 (24).

Данилевский В. В., Коконов В. Н. и Никитин В. А. 1940. Исследование растительных остатков из раскопок согдийского замка VIII века на горе Муг в Таджикистане. — В кн.: Растительность Таджикистана и ее освоение. — Тр. Тадж. базы АН СССР, т. 8. М.—Л.

Джалилов А. 1956. Войско и вооружение согдийцев накануне и в период борьбы с арабским нашествием (VII—VIII вв.) — «Изв. АН Тадж. ССР. Отд. общ. наук», №8.

Джалилов А. 1957. Антиарабское движение согдийцев в 720 — 722 гг. — «Изв. АН Тадж. ССР. Отд. общ. наук», № 13.

Джалилов А. 1961. Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине VIII в. — Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 30.

Ершов Н. Н. 1956. Ремесла таджиков Дарваза. — «Изв. АН Тадж. ССР. Отд. общ. наук», вып. 10—11.

Зарубин Н. И. 1916. Обувь горных таджиков долины Каратегина. — В кн.: Музеи антропологии и этнографии, т. 2. Пг.

Зеймаль Е. В. 1964. Раскопки объекта XIV на Пенджикентском городище (1956 и 1957 гг.). — МИА, № 124. М.—Л.

Зотов П. Д. 1961. К вопросу о шелковых бумагах. — «Общественные науки в Узбекистане», №9.
Ибн-Хаукаль. 1873. Китаб ал-месалик ва-л мемалик. — BGA, ed. M. J. Goeje, t. 2, Lugduni Batavorum.
Ибн-Хаукаль. 1340 г. х. Сурат ал-Арз. Техрон.
Ибн-Хордадбех. 1889. Китаб ал-месалик ва-л мемалик.—BGA, ed. M. J. Goeje, t. 2, Lugduni Batavorum.
Иванов С. В. 1952. О находках в замке на горе Муг (керамика, плетение и кожаные изделия, ткани). — «Изв. АН Тадж. ССР. Отд. общ. наук», вып. 2.
Иванова Т. И. 1932. Пересечение Гиссарского хребта. — Таджикская комплексная экспедиция 1932 г. Л.
Искандаров Б. И. 1962. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в., ч. I. Душанбе.
Истахри. 1870. Китаб ал-месалик ва-л мемалик. — BGA, ed. M. J. Goeje, t. 2, Lugduni Batavorum.
Истахри. 1340 г. х. Масолик ва Мамолик. Техрон.
История таджикского народа. 1964, т. 2, кн. 1. М.
Кандия Малая. 1905. Справочная книжка Самаркандской области, вып. 5. Самарканд.
Кастальский Б. Н. 1908. Бия-найманские оссуарии. Самарканд.
Кляшторный С. Г. 1954. Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов. — «Эпиграфика Востока» IX.
Кляшторный С. Г. 1960. Титул согдийского владетеля в древнетюркском тексте. — «Проблемы востоковедения», №6.
Крачковская В. А. и Крачковский И. Ю. 1934. Древнейший арабский документ из Средней Азии. — Согдийский сборник. Л.
Кызласов Л. Р. 1959 Археологические исследования на городище Ак-Бешим 1953 — 1954 гг. — Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. 2. М.
Лавров В. А. 1950. Градостроительная культура Средней Азии. М.
Лившиц В. А. 1962. Юридические документы и письма (Согдийские документы с горы Муг, вып. 2). М.
Лилиенталь Г. М. 1888. Кухистан с северной частью Гиссарского бекства. 1888 г. — Сборник материалов по Азии, вып. 36. Спб.
Липский В. И. 1902 — 1905. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 гг., ч. 1 — 3. Спб.
Литвинский Б. А. 1961. О топорах эпохи бронзы из Таджикистана. — «Изв. АН Тадж. ССР Отд. общ. наук», № 1 (24).
Литвинский Б. А. 1965. Среднеазиатские железные наконечники стрел. — СА, №2.
Литвинский Б. А. и Гулямова Э. 1962. Из истории ткачества в западной Фергане (до арабского завоевания). — «Изв. АН Тадж. ССР. Отд. общ. наук», вып. 1 (28).
Литвинский Б. А. и Давидович Е. А. 1955. Археологический очерк Исфаринского района. — Тр. ИИ АН Тадж. ССР. Душанбе.
Литвинский Б. А. и Зеймаль Т. И. 1964. Раскопки на Аджина-тепе. Археологические работы в Таджикистане, вып. 9 (1961). — Тр. ИИ АН Таджикской ССР, т. 13. Душанбе.
Лукас А. 1958. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М.
Лурье М. Н. 1940. *История техники Древнего Египта.* — В *кн.:* Очерки по истории техники древнего Востока. М.—Л.
Майсурян Н. А. 1964. Растениеводство. М.
Мукаддаси. 1906. Ахсан ат-такасим фи маърифат ал-акалим. — BGA, ed. M. J. de Goeje, t. 3, Lugduni Batavorum.

Маллицкий Н. Г. 1907. О горной стране в верховьях Зеравшана. — «Известия Туркестанского отдела ИРГО», т. 7.

Малов С. Е. 1954. Рецензия на статью А. Н. Бернштама. — «Изв. АН СССР. Ленинградское отделение», т. 13, вып. 2.

Мандельштам А. М. 1954. Предварительный отчет о работе Верхнезеравшанского отряда в 1953 г. — Доклады АН Тадж ССР, вып. 2.

Мандельштам А. М. 1956а. Могильник в сел. Засун. — «Изв. АН Тадж. ССР. Огд. общ. наук», 2 (40).

Мандельштам А. М. 1956б. Раскопки на Батур-тепе в 1955 г.— «Тр. ИИ АН Тадж. ССР», т. 63. Сталинабад.

Маршак Б. И. 1961. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII — VIII вв. — «Тр. Эрмитажа», т. 5, Л.

Маршак Б. И. 1964. Отчет о работах на объекте XII за 1955 — 1960 гг. — МИА, № 124. М. — Л.

Маршак Б. И. 1971. Согдийское серебро. М.

Массон М. Е. 1927. К вопросу о происхождении памятников древней деревянной архитектуры, открытых М. С. Андреевым в горах Самаркандской области. — Сб. По Таджикистану, вып. I. Ташкент.

Массон М. Е. 1934. Из истории горной промышленности Таджикистана. Л.

Мухтаров А. 1966. Резьба по дереву в долине Зеравшана (альбом средневековых орнаментов). М.

Наршахи Абу-Бекр Мухаммед. 1897. История Бухары. Перевод с персидского Н. С. Лыкошина Ташкент.

Наршахи Абу-Бакр Мухаммад. 1317 г. х. Таърихи Бухаро. Техрон.

Наследов Б. Н. 1954. Работы в Зеравшанско-Пенджикентском направлении. — Таджикско-Памирская экспедиция 1953 г. Л.

Негматов Н. 1953. Историко-географический очерк Усрушаны с древнейших времен по X в. н. э. — МИА, № 37. М. — Л.

Негматов Н. Н. 1957. Усрушана в древности и раннем средневековье. Сталинабад.

Негматов Н. Н. и Салтовская Е. Д. 1962. О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1962 г. — Археологические работы в Таджикистане, вып. 8. — «Тр. ИИ АН Тадж. ССР», т. 35. Душанбе.

Негматов Н. Н. и Хмельницкий С. Г. 1966. Средневековый Шахристан. Душанбе.

Неразик Е. Е. 1959. Керамика Хорезма афригидского периода.— «Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. 4. М.

Неразик Е. Е. 1966. Сельские поселения афригидского Хорезма. М.

Нильсен В. А. 1966. Архитектура Средней Азии V — VIII вв. Ташкент.

Омар Хайям. 1961. Навруз-наме. — Трактаты. М.

Петрушевский И. П. 1960. Земледелие и аграрные отношения в Иране XV—XVI вв. М.—Л.

Пещерева Е. М. 1960. О ремесленных организациях Средней Азии в конце XIX — начале XXв. — КСИЭ. Вып. 33.

Пигулевская Н. В. 1951. Византия на путях в Индию. М. — Л.

Пигулевская Н. В. 1953. Византийская дипломатия и торговля шелком в V — VIII вв. — «Византийский временник», т. 7. М.

Промптов Ю. 1939. Кухистан — страна гор. М.

Пулатов У. 1963. Деревянные изделия из Чил-Худжры. — МКТ. Вып. I. Душанбе.

Пулоди А. 1964. Таърихи бозётхои Калъаи Муг. — «Шарки сурх», № 4.

Рапопорт Ю. А. и Трудновская С. А. 1958. Городище Гяур-кала. — Тр. ХАЭЭ, т. 2.

Распопова В. И. 1965. Поясной набор Согда VII — VIII вв. — СА, № 4.

Распопова В. И. 1973. Щит с горы Муг. — Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР, 136. М.

Ремпель Л. И. 1959. Изображение «Дома огня» на двух терракотовых плитках с Афрасиаба. — Докл. АН Тадж. ССР, т. 3.

Ремпель Л. И. 1961. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент.

Рудо К. Г. 1952. К вопросу о вооружении Согда VII — VIII вв. — Сообщение Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР, вып. I. Сталинабад.

Смирнова О. И. 1949. Согдийские монеты как новый источник для истории Средней Азии. — СВ, т. 6. М.—Л.

Смирнова О. И. 1950а. Вопросы исторической топографии и топонимики Верхнего Зарафшана. — МИА, № 15.

Смирнова О. И. 1950б. Археологические разведки в бассейне Зарафшана в 1947 г. — МИА, № 15. М. — Л.

Смирнова О. И. 1953. Археологические разведки в верховьях Зарафшана в 1948 г. — МИА, № 37. М. — Л.

Смирнова О. И. 1957. Из истории арабских завоеваний в Средней Азии. — СВ, № 2.

Смирнова О. И. 1958. Монеты древнего Пенджикента. — МИА, № 66. М.

Смирнова О. И. 1960. К истории Самаркандского договора 712 г. — КСИВ АН СССР. Вып. 33.

Смирнова О. И. 1961. Карта верховьев Зарафшана в первой четверти VIII в. — В сб.: Страны и народы Востока. Вып. 2.

Смирнова О. И. 1963. Каталог монет с городища Пенджикента. М.

Смирнова О. И. 1970. Очерки из истории Согда. М.

Смирнова О. И. и Боголюбов М. Н. 1955. О согдийском Деваштиче. — СВ, № 3.

Соболев Л. Н. 1871. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа. — ИРГО по отделению статистики, т. 4. Спб.

Согдийский сборник. 1934. Л.

Ставиский Б. Я. 1950. Раскопки жилой башни в кухендизе Пенджикентского владетеля. — МИА, № 15. М. — Л.

Ставиский Б. Я. 1956. О двух памятниках согдийского изобразительного искусства. — КСИИМК. Вып. 61.

Ставиский Б. Я. 1957. Дворцовое хозяйство пенджикентского владетеля (к вопросу о хозяйственной жизни Средней Азии в VI — VIII вв.). — «Советское востоковедение», № I.

Ставиский Б. Я. 1959. Исторические сведения о верхней части Зеравшанской долины (до арабского завоевания). — В сб.: Истории материальной культуры Узбекистана. Вып. 1. Ташкент.

Ставиский Б. Я. 1960а. Из истории археологического изучения Пенджикента и его окрестностей. — «Изв. АН Тадж. ССР. Отд. общ. наук», № 1.

Ставиский Б. Я. 1960б. О международных связях Средней Азии в V — середине VIII в. (в свете данных советской археологии).—«Проблемы востоковедения», № 5.

Ставиский Б. Я. 1961а. Основные этапы освоения земледельческим населением горных районов Верхнего Зеравшана (Кухистана). Материалы по отделению этнографии, вып. I, ч. I. Доклады за 1958 — 1961 гг. Л.

Ставиский Б. Я. 1961б. Работы Магианской группы в 1959. Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 31.
Ставиский Б. Я. 1961в. Археологические работы в районе Магиандарьи в 1957 — 1959. — СГЭ, 21.
Ставиский Б. Я. 1963. Двадцать пять веков среднеазиатской культуры. Л.
Ставиский Б. Я. 1964а. Работы Магианской группы в 1961 г. — Археологические работы в Таджикистане. Вып. 9 (1961 г.). Тр. Института истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР, т. 17. Душанбе.
Ставиский Б. Я. 1964б. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951 — 1959 гг. — МИА, № 124. М. — Л.
Ставиский Б. Я. 1966. Между Памиром и Каспием (Средняя Азия в древности). М.
Ставиский Б. Я., Большаков О. Г. и Мончадская С. А. 1953. Пенджикентский некрополь. — МИА, № 37. М. — Л.
Стеткевич 1894. Описание пути от г. Самарканда к г. Каратагу через перевал Мура 296 верст. 1889 г. — Сборник материалов по Азии, в. 7. Спб.
Сухарева О. А. 1962. Позднефеодальный город Бухара. Ташкент,
Сухобрус И. Г. 1939. Определитель пшениц и ячменей Таджикистана. Сталинабад.
Табари. 1881—1889. Тавриx ар-расул ва-л мулк.—BGA, ed M. J. de Goeje Lugduni Batavorum, series 2, t. 1—3.
Тереножкин А. И. 1948. Холм Актепе близ Ташкента. — Тр. ИИА АН Уз. ССР, т. 1. Ташкент.
Толстов С. П. 1952. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945 — 1948 гг.). — Тр. ХАЭЭ, т. 1. М.
Федченко А. П. 1870. Топографический очерк Зеравшанской долины и заметки о соседних бекствах и памятниках Самарканда. М.
Фрейман А. А. 1934. Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане. — Согдийский сборник. Л.
Фрейман А. А. 1936. Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане. — Тр. Института востоковедения АН СССР, т. 17. Л.
Фрейман А. А. 1962. Описание, публикация и исследование документов с горы Муг. — Согдийские документы с горы Муг, вып. 1. М.
Хмельницкий С. Г. 1959. Опыт реконструкции буддийского храма городища Ак-Бешим. — Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. 2. М.
Худуд ал-Алем. 1930. Рукопись Туманского с введением и указателем В. В. Бартольда. Л.
Чейлытко В. Р. 1935. Согдийский замок на Ягнобе. — «Коммунист Таджикистана», 28 мая.
Чейлытко В. Р. 1946. Сырцовый минарет в Захматабаде. «Сталинская молодежь», 30 июля.
Широкова З. А. 1956. Этнографические коллекции Института истории АН Тадж. ССР, вып. I (Дарвазская этнографическая коллекция сбора 1954). Сталинабад.
Шишкин В. А 1963. Варахша. М.
Щукин И. С. и Гилярова М. А. 1936. Кухистан (физико-географический очерк). — Материалы Таджикско-Памирской экспедиции, вып. 23. Л.
Якубов Ю. 1966. Археологические раскопки Гардани Хисор в 1964—1965 гг. — «Изв. АН Тадж. ССР. Отд. общ. наук», № 4. Душанбе.
Якубов Ю. 1968. К вопросу о времени правления Деваштича Согдом. — «Изв. АН Тадж. СССР. Отд. общ, наук», №1. Душанбе.
Якубов Ю. 1969. Паргар в VII — VIII вв. — Автореф. канд. дис. Душанбе.

Якубов. Ю. 1973а. Кожевенное дело в Буттамане в начале VIII в. «Изв. АН Тадж. ССР. Отд. общ. наук», №1. Душанбе.

Якубов Ю. 1973б. О раскопках в Куме в 1970 г. — Археологические работы в Таджикистане. М.

Якубовский А. Ю. 1950. Итоги работ СТАЭ в 1946 — 1947 гг. — МИА, № 15. М. — Л.

Якубовский А. Ю. 1953. Итоги работ Таджикской археологической экспедиции за 1948—1950 гг. — МИА, № 37, М.—Л.

Якубовский А. Ю. 1947. Культура и искусство Средней Азии в памятниках Эрмитажа, вып. 1. Л.

Якубовский А. Ю. 1940. Культура и искусство Средней Азии (путеводитель по выставке). Л.

Bailey H. W. 1954. Madu, a contribution to the history of wine. Silver jubilee volume of the Zinbun Kagaku—Kenkyusyo. Kyoto University.

Frye R. N. 1951. Tarxun-türxün and Central Asian history. —Harvard Journal of Asiatic Studies, vol. 14.

Ghirshman R. 1946. Begram. — MDAFA, 13. Paris, Le Cairo.

Hudud al-Alam. 1937. Translated and explained by V. Minorsky. With the preface by V. V. Barthold, «E. J. W. Gibb. memorial Series», XI, London.

Minorsky V. 1964. Ibn Farighun and the Hudud al-Alam.—Iranica. Twenty articles. London.

Pelliot P. 1916. Le «Cha tcheou tou fou T'or Ring» et la Region du Lob-Nor.—Journal Asiatique, XI; sér., vol. 7.

Schafer E. N. 1963. The golden peaches of Samarkand.—A study of T'ang exotics. Berkeley and Los Angeles.

Shepher D. G. and Henning W. B. 1959. Zandani ji indentified?, — Aus der Welt der islamischen Kunst. Festfchrift fur Kühnel zum. 75. Geburtstag. Berlin.

Stein A. 1921. Serindia, v. I, Oxford.

Sylwan V. Woollen texstiles of the Lou—Lan people. Introduction of B. Bergman. Stockholm, 1941. Appendix: Spinning tools and spinning methods in Asiaby G Montell. Stockholm, 1941 (Reports from the scientific expedition to the North—Western provinces of China, VII, Archaeology, 2. The Sino-Swedish expedition, publ. 15.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вестник древней истории
Газ. — газета
Докл. АН Тадж.ССР — Доклады Академии наук Таджикской ССР
Ж. — журнал
ЗВОРГО — Записки восточного отделения русского географического общества.
ЗРГО — Записки русского географического общества
ИВАН Уз.ССР — Институт востоковедения Академии наук Узбекской ССР
ИИАН Тадж.ССР — Институт истории Академии наук Таджикской ССР
ИИАН Уз.ССР — Институт истории Академии наук Узбекской ССР
ИРГО — Известия русского географического общества
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИЭ — Краткое сообщение Института этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
ОИКП — Отчеты и исследования по кустарной промышленности
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
СБ. РТ — Сборник «Русский Туркестан»
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ — Советская этнография
ТОВ — Труды отдела Востока. Государственный Эрмитаж
Тр. ХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
BGA — Bibliotheca Geographorum Arabi., ed M. J. de Goeje TT. V—VIII, Lugdunt Batavorum, 1868—1894.
MDAEA — Memoires de la Delegation Archeologugue Française on Afghanistan (Paris, le Cairo).
HJAS — Harvard Journal of Asiatic Studies.

СОДЕРЖАНИЕ Стр

Предисловие 3
Введение 6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ 21

Политическая история Верхнего Зеравшана в V — X вв. . . 21
К вопросу о времени «правления» Девашгича Согдом . . . 24
Политическая обстановка в Панче и поход арабов в Буттам в 722 г. 30

Глава II. ВОПРОСЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ . . . 56

Сельское хозяйство 60
Ремесла и ремесленное производство 71

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I. ЗАМОК НА ГОРЕ МУГ 96

Раскопанные помещения 100
Находки 103
Архитектура и назначение здания 116

Глава II. ДВОРЕЦ ГАРДАНИ ХИСОР 126

Раскопанные сооружения 127
Некоторые выводы об истории и назначении раскопанных помещений 151
Некоторые детали строительства и архитектуры 154
Находки 158
Некоторые выводы о парадной постройке Гардани Хисор . . 166

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 171

Иллюстрации 173

Литература 209
Список сокращений 217

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Таджикской ССР

Юсуф Якубов

ПАРГАР В VII — VIII вв.

(Верхний Зеравшан в эпоху раннего средневековья)

Ответственный редактор
Борис Яковлевич Ставиский

Редактор издательства **Л. А. Липаева**
Технический редактор **В. Н. Щемелинина**
Художественный редактор **Р. Абдуразаков**
Корректоры **Т. А. Рохман, Л. И. Сергеева**

Сдано в набор 6 IX 1978 г. Подписано к печати 23 IV 1979 г. КЛ 05250. Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Бумага тип. № 1. Сорт 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Печ. л. 13,75. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 1300. Заказ 883. Цена 2 руб., в переплете № 7 — 2 руб. 40 коп.

Издательство «Дониш», Душанбе, 29, ул. Айни, 121, корп. 2.
Типография издательства «Дониш», Душанбе, 29, ул. Айни, 121, корп. 2.

Цена 2 руб.